

ДЕМИС

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DEMIS. DEMOGRAPHIC RESEARCH

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

2024. TOM 4. №2

ДЕМИС. Демографические исследования.

2024. Том 4. № 2

DEMIS. Demographic research.

2024. Vol. 4. No. 2

Научный рецензируемый журнал

Издается с 2021 г.

Периодичность: 4 раза в год

Журнал открытого доступа

DOI 10.19181/demis.2024.4.2

EDN LNITFF

Peer-reviewed scientific journal

Founded in 2021

Publication frequency: quarterly

Open access

DOI 10.19181/demis.2024.4.2

EDN LNITFF

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

Издатель: Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Publisher: Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС77-83138 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 апреля 2022 г.

Media registration certificate

El No. FS77-83138 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on April 26, 2022

Главный редактор: С. В. Рязанцев

Editor-in-Chief: S. V. Ryazantsev

Доступ к контенту журнала бесплатный
Плата за публикацию с авторов не взимается

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Free access

Authors are not charged for publication

Content licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации:
<https://www.demis-journal.ru>

All issues of the journal are posted in the public domain on the official website of the journal from the moment of publication:
<https://www.demis-journal.ru>

ISSN печатной версии: 2782-2303

ISSN электронной версии: 2782-229X

ISSN print: 2782-2303

ISSN online: 2782-229X

Редакционная коллегия научного журнала

Рязанцев Сергей Васильевич, главный редактор, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Моисеева Евгения Михайловна, заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аббаси-Шавazi Мохаммад Джалал, доктор наук, профессор, Университет Тегерана, Тегеран, Иран

Безвербный Вадим Александрович, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Воробьева Ольга Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Гаврилова Наталья Сергеевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Центр по проблемам старения населения, Университет Чикаго, Чикаго, США

Гейгер Мартин, доктор наук, доцент, Карлтонский Университет, Оттава, Канада

До Кармо Роберто Луиз, доктор наук, профессор, заместитель директора, Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия

Жуков Василий Иванович, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт государства и права РАН, Москва, Россия

Иванова Алла Ефимовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Инглис Кристине Бренда, доктор наук, профессор, Университет Сиднея, Сидней, Австралия

Карачай Айсем Бириз, доктор наук, доцент, Стамбульский университет коммерции, Стамбул, Турция

Ким Сейонджин, доктор наук, профессор, Женский университет Дуксун, Сеул, Республика Корея

Кочербаяева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, Кыргызско-Российский славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Бишкек, Киргизия

Леденева Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Лукьянец Артем Сергеевич, кандидат экономических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Мартин Филип, доктор наук, профессор, Калифорнийский университет в Дейвисе, Дейвис, США

Марушиакова-Попова Елена Андреевна, доктор наук, доцент, Институт этнологии и фолклора Болгарской академии наук, София, Болгария

Молодикова Ирина Николаевна, кандидат географических наук, исследователь, Международная сеть исследований в области миграции, Льежский университет, Льеж, Бельгия

Охаси Кэннити, магистр социологии, профессор кафедры культурологии и туризма, колледж туризма, университет Рикке, Токио, Япония

Пизарро Синтия Александра, доктор наук, профессор, Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, доцент, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Хорие Норю, доктор наук, профессор, директор Центра дальневосточных исследований, Университет Тояма, Тояма, Япония

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент, директор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Шенк Каресс, доктор наук, доцент, Назарбаев Университет, Нур-Султан, Казахстан

Editorial Board

- Sergey V. Ryazantsev**, Editor-in-Chief, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Evgeniya M. Moiseeva**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Mohammad Jalal Abbasi-Shawazi**, PhD, Professor, University of Tehran, Tehran, Iran
- Vadim A. Bezverbnny**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Olga D. Vorobyova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Natalia S. Gavrilova**, PhD, Senior Research Associate, Center on the Demography and Economics of Aging, University of Chicago, Chicago, USA
- Martin Geiger**, PhD, Associate Professor, Carleton University, Ottawa, Canada
- Roberto Luiz Do Carmo**, PhD, Professor, Deputy Director, University of Campinas, Campinas, Brazil
- Vasily I. Zhukov**, Member of the RAS, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of State and Law of the RAS, Moscow, Russia
- Alla E. Ivanova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Kristine Brenda Inglis**, PhD, Professor, University of Sydney, Sydney, Australia
- Aisem Biriz Karachay**, PhD, Assistant Professor, Istanbul University of Commerce, Istanbul, Turkey
- Seongjin Kim**, PhD, Professor, Women's University Duxun, Seoul, Republic of Korea
- Ainura A. Kocherbaeva**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Eltsin, Bishkek, Kyrgyzstan
- Victoria Y. Ledeneva**, Doctor of Sociological Sciences, Docent, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Artem S. Lukyanets**, Candidate of Economic Sciences, Deputy Director, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Philip Martin**, PhD, Professor, University of California, Davis, USA
- Elena A. Marushiakova-Popova**, PhD, Associate Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
- Irina N. Molodikova**, PhD, Researcher, International Migration Research Network (IMISCOE), University of Liege, Liege, Belgium
- Kenichi Ohashi**, MA in Sociology, Professor, Department of Culture and Tourism Studies, College of Tourism, Rikkyo University, Tokyo, Japan
- Cynthia Alexandra Pizarro**, PhD, Professor, University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina
- Elena E. Pismennaya**, Doctor of Sociological Sciences, Docent, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
- Tamara K. Rostovskaya**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Norio Horie**, PhD, Professor, Director, Center for Far Eastern Studies, Toyama University, Toyama, Japan
- Marina N. Khramova**, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Docent, Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Caress Schenk**, PhD, Assistant Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПАМЯТИ Л. Л. РЫБАКОВСКОГО	8
---------------------------------	---

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

Рубинская Э. Д. КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛОВ	9
--	---

До Хыонг Лан, Фунг Бао Нгок, Нгуен Ле Ми, Ли Линь Линь, Луонг Минь Хуэ, Фам Фуонг Тао. МИГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИЙ: ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ В АЗИАТСКИХ СТРАНАХ И ОПЫТА ВЬЕТНАМА В ЭТОЙ ОБЛАСТИ.....	21
--	----

ЗДОРОВЬЕ, САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И СМЕРТНОСТЬ

Савина А. А., Землянова Е. В. ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ МЛАДЕНЧЕСКОЙ СМЕРТНОСТИ В МОСКВЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19	44
---	----

Полянская Е. В. ОСОБЕННОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ	58
--	----

ДЕМОГРАФИЯ РЫНКА ТРУДА

Давлетшина Л. А., Долгих Е. А. СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИСТАНЦИОННОЙ ЗАНЯТОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	74
--	----

Динь Ван Чонг, Дуонг Вьет Ань. ОПЫТ ЮЖНОЙ КОРЕИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ МИГРАНТОВ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ ВЬЕТНАМА.....	88
--	----

Ниязалиева К. Н., Асылбаев А. Б. ПРОГНОЗНОЕ РАЗВИТИЕ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ЖИЛЬЕМ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	99
---	----

ЭМИГРАЦИЯ И ДЕМОГРАФИЯ ДИАСПОРЫ

Ван И, Лю Пэн, Рязанцев С. В. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КИТАЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В КАНАДЕ	116
---	-----

Рязанцев Н. С., Лукашенко Е. А., Смирнов А. В. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ «РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЭКОНОМИКИ» В КОРОЛЕВСТВЕ ТАИЛАНД НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	133
---	-----

РЕЦЕНЗИИ И ЭССЕ

<i>Козин С. В., Жидяева Т. П., Закиева Р. Р. АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ В РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ</i>	148
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Попова С. М. КРУГЛЫЙ СТОЛ «УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИЕЙ: ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ»</i>	156
---	-----

CONTENT

IN MEMORIAM OF LEONID L. RYBAKOVSKY	8
---	---

DEMOGRAPHIC AND MIGRATION THEORY

<i>Eteri D. Rubinskaya.</i> CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL APPROACH TO THE ANALYSIS OF INTERNATIONAL MIGRATION OF PROFESSIONALS.....	9
<i>Huong Lan Do, Bao Ngoc Phung, Le My Nguyen, Linh Linh Ly, Minh Khue Luong, Phuong Thao Pham.</i> MIGRATION IN THE CONTEXT OF INNOVATION: RESEARCH ON POLICIES TO ATTRACT SCIENCE AND TECHNOLOGY HUMAN RESOURCES IN ASIAN COUNTRIES AND EXPERIENCES FOR VIETNAM.....	21

HEALTH, SELF-PRESERVATION BEHAVIOR, AND MORTALITY

<i>Anna A. Savina, Elena V. Zemlyanova.</i> INFANT MORTALITY DYNAMICS IN MOSCOW DURING THE COVID-19 PANDEMIC.....	44
<i>Elena. V. Polyanskaya.</i> FEATURES OF MEDICAL ACTIVITY OF THE POPULATION OF THE AMUR REGION	58

DEMOGRAPHICS OF THE LABOR MARKET

<i>Leisan A. Davletshina, Ekaterina A. Dolgikh.</i> STATISTICAL ANALYSIS OF DISTANCE EMPLOYMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION	74
<i>Van Trong Dinh, Viet Anh Duong.</i> POLICIES TO ATTRACT HIGH-QUALITY FOREIGN HUMAN RESOURCES IN SOUTH KOREA AND SUGGESTIONS FOR VIETNAM	88
<i>Kunduzkul N. Niiazalieva, Aidar B. Assylbayev.</i> FORECAST DEVELOPMENT OF HOUSING PROVISION FOR THE URBAN POPULATION IN THE CONTEXT OF ECONOMIC TRANSFORMATION OF THE KYRGYZ REPUBLIC.....	99

EMIGRATION AND DIASPORA DEMOGRAPHICS

<i>Yi Wang, Peng Lui, Sergei V. Ryazantsev.</i> FUNCTIONING OF THE CHINESE DIASPORA IN CANADA: DEMOGRAPHIC AND SOCIOCULTURAL ASPECTS.....	116
<i>Nikita S. Ryazantsev, Elena A. Lukashenko, Alexey V. Smirnov.</i> TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE "RUSSIAN-SPEAKING ECONOMY" IN THE KINGDOM OF THAILAND AT THE PRESENT STAGE.....	133

REVIEWS AND ESSAYS

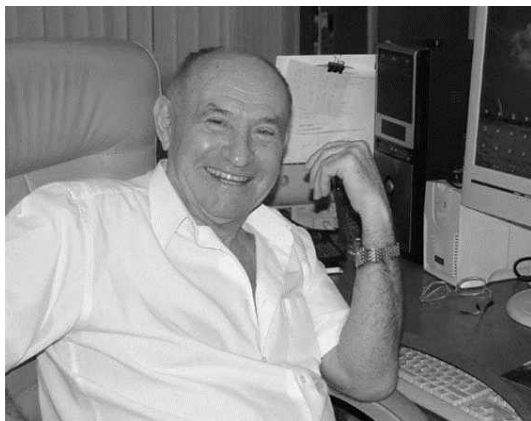
Sergey V. Kozin, Tatiana P. Zhidyaeva, Rafina R. Zakieva. ADAPTATION OF MIGRANTS
IN RUSSIA IN THE MIRROR OF COMPREHENSIVE SOCIOLOGICAL RESEARCH..... 148

SCIENTIFIC LIFE

Svetlana M. Popova. ROUND TABLE “MIGRATION GOVERNANCE: ISSUES
OF REGULATION AND EFFICIENCY ASSESSMENT” 156

ПАМЯТИ Л. Л. РЫБАКОВСКОГО
(21 апреля 1931 – 10 июня 2024)

Дорогой Леонид Леонидович Рыбаковский, Леня, Олег ушел из жизни.

Мы знали Леонида Леонидовича как учителя, наставника, друга. Не верится, что его больше с нами нет. Это был человек-эпоха, человек-институт, человек-вихрь, человек-огонь, человек-праздник.

Благодаря Леониду Леонидовичу мы научились многому в демографии и не только. Сколько защищено диссертаций, сколько получено идей, сколько реализовано проектов! Многие благодаря Леониду Леонидовичу стали учеными, преподавателями и просто хорошими людьми.

Наш дорогой Леонид Леонидович останется с нами навсегда не только в памяти, но и в жизни.

Не будем плакать! Вы всегда будете живы для нас! Мы Вас по-прежнему любим и помним!

Ученики, друзья, коллеги

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

DOI [10.19181/demis.2024.4.2.1](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.1)

EDN [BCOUHR](https://bcouhr.ru)

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛОВ¹

Рубинская Э. Д.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),

Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: eteri-rubinskaya@mail.ru

Для цитирования: Рубинская, Э. Д. Концептуально-методологический подход к анализу международной миграции профессионалов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 2. С. 9–20. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.1](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.1). EDN [BCOUHR](https://bcouhr.ru).

Аннотация. Важнейшими триггерами трансформации качественной структуры трудовой миграции, наряду с глобализационными процессами и интеллектуализацией экономики, выступают такие тенденции, как транснационализация и интеграция, под влиянием которых изменяется структура занятости, повышается спрос на квалифицированную и высококвалифицированную рабочую силу. Отсутствие специалистов на национальном рынке труда стимулирует миграционные потоки профессионалов, потребность в которых будет только расти, а сами миграционные процессы усложняться. В статье проведен сравнительный анализ теоретических подходов к пониманию сущности миграции высококвалифицированных специалистов, определена система критериев, лежащих в основе отнесения того или иного работника к данному типу трудовых мигрантов, выявлена роль таких акторов циркуляции и регулирования миграции высококвалифицированных специалистов, как национальные государства, транснациональные компании и региональные интеграционные объединения. Предложен новый концептуально-методологический подход, суть которого в применении типологии «мигранты-профессионалы», включающей в себя три укрупненные группы квалифицированных/высококвалифицированных специалистов, в зависимости от различного соотношения уровня образования, квалификации, опыта работы, заработной платы, степени либеральности миграционного режима. Применение предложенной методологии позволит более полно осуществлять учет и анализ мигрантов-профессионалов, сопоставление эффективности и гибкости инструментов миграционного регулирования, что в конечном счете будет способствовать быстрому удовлетворению отраслевых потребностей, возникающих на рынке труда, а также дальнейшему технологическому развитию стран.

Ключевые слова: мигранты-профессионалы, типология мигрантов, миграция высококвалифицированных специалистов, миграционная политика, региональные интеграционные объединения, транснациональные компании

¹ При подготовке статьи частично использованы материалы: Рубинская, Э. Д. Международная миграция высококвалифицированных специалистов в условиях интеграции России в систему мирохозяйственных связей : диссертация ... доктора экономических наук : 5.2.5. / Рубинская Этери Девисовна ; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»]. Ростов-на-Дону, 2023. 332 с.

Введение

Глобализация и другие тенденции мировой экономики в совокупности с геополитическими процессами способствовали интенсификации международных миграционных потоков, в том числе трудовой миграции. Однако под влиянием интеллектуализации постепенно изменяется структура занятости рабочей силы, представленной на международном рынке труда, в сторону увеличения доли квалифицированных и высококвалифицированных кадров. В современных условиях трансформации мировой экономики и мировых рынков товаров и услуг ни одна страна не в состоянии обеспечить свое опережающее развитие только за счет труда национальных кадров. Необходимо взаимопроникновение научных школ и идей. Как результат – на мировом рынке труда перманентно существует спрос на определенных специалистов, обладающих необходимым набором знаний и компетенций, что в результате стимулирует межстрановые потоки профессионалов, способствуя не только их увеличению, но и интенсификации. Приток высококвалифицированных иностранных специалистов в страну напрямую влияет на импорт знаний, новых технологий, инновационных методов работы и тесно связан с деятельностью транснациональных компаний.

В то же время в научном сообществе отсутствует единый концептуально-методологический подход к пониманию того, кого считать квалифицированными и высококвалифицированными специалистами. Является ли наличие у трудового мигранта диплома о высшем образовании автоматическим критерием отнесения его к категории квалифицированных/высококвалифицированных специалистов или нет? Может ли трудовой мигрант, обладающий необходимыми опытом и знаниями, но не имеющий соответствующего образования, считаться квалифицированным/высококвалифицированным специалистом в принимающей стране? В чем разница между квалифицированным и высококвалифицированным специалистом? Куда отнести иностранных студентов, если после получения образования они не уезжают на родину, а остаются работать? Эти и многие другие вопросы стали целью исследования данной статьи.

Обзор литературы

Проблемы исследования процессов миграции высококвалифицированных специалистов, ее понятийно-категориального аппарата и типологии рассматриваются в работах зарубежных и отечественных ученых.

Дж. Солт предложил типологию высококвалифицированных трудовых мигрантов, включающую в себя двенадцать подкатегорий временных высококвалифицированных специалистов, среди которых, наряду с традиционными (управленцы, медицинские работники, научные кадры, иностранные студенты), в отдельные подкатегории выделены военные, миссионеры и духовенство, а также супруги и дети высококвалифицированных специалистов [1]. Полагаем, что целесообразность относить к подкатегории высококвалифицированных специалистов их жен и детей весьма сомнительна.

По мнению Р. Эпплеярда, к мигрантам-профессионалам можно отнести высококвалифицированных специалистов, переезжающих из одной страны в другую зачастую в качестве сотрудников транснациональных корпораций и/или совместных предприятий [2]. Исследователь прямо указывал на то, что изменения причин миграции специалистов являются прямым следствием глобализации и связаны с этапом модернизации страны-реципиента. Согласно Р. Эпплеярду, в категорию высоко-

квалифицированных специалистов следует включить пять основных подкатегорий: топ-менеджеров, инженеров и техников, ученых, предпринимателей, студентов. Считаем, что отнесение иностранных студентов к высококвалифицированным специалистам является весьма спорным и напрямую зависит от их миграционных намерений и последующей работы по специальности в стране въезда.

Ученые А. В. Топилин и И. А. Малаха под высококвалифицированными специалистами понимают работников с законченным высшим образованием, занимающих инженерные, научные, профессорско-преподавательские и руководящие должности [3].

Согласимся с постановкой вопроса Е. М. Смирновой о важности критериев отнесения трудового мигранта к высококвалифицированному специалисту [4]. Специалист обращает внимание на то, что содержание самого понятия в странах-донорах и странах-реципиентах, в правительственных кругах, а также среди потенциальных работодателей различается. Так, к важнейшему критерию Е. М. Смирнова относит корпоративный статус, то есть ту роль, которую специалист играет в деятельности транснациональной компании.

Ряд исследователей применяет весьма ограниченные критерии отнесения мигранта к квалифицированным/высококвалифицированным специалистам. Например, Р. Иредейл считает, что иностранному трудовому мигранту достаточно иметь высшее образование или опыт работы для того, чтобы считаться в стране въезда высококвалифицированным специалистом [5]. Такую позицию частично разделяет Л. Лоуэлл, полагая, что высококвалифицированный мигрант – это специалист, имеющий высшее образование [6]. Думается, что наличие высшего образования является недостаточным критерием для того, чтобы отнести трудового мигранта к высококвалифицированному специалисту, поскольку в стране въезда он может работать не по специальности, то есть заниматься деятельностью, которая никак не относится к полученному на родине высшему образованию.

Результаты и обсуждение

Сложность и неоднозначность дефиниции «иностранный высококвалифицированный специалист» во многом объясняется тем, что страны-реципиенты применяют свои собственные критерии отбора оценки уровня образования, квалификации и опыта работы иностранных специалистов. При этом требования к уровню образования и квалификации существенно варьируются в зависимости от соответствующего стажа работы. В некоторых государствах (Ирландия, Германия и ряд др.) кроме образования, квалификации и опыта работы по специальности еще один критерий отнесения трудового мигранта к высококвалифицированному – это уровень оплаты труда.

Достаточно четко категория квалифицированного специалиста определена в Директиве 2009/50/ЕС Совета от 25 мая 2009 г.: под «высокой профессиональной квалификацией» понимается квалификация, которая удостоверена дипломом о высшем образовании или, в порядке исключения, когда это предусмотрено национальным законодательством, подтверждена не менее чем пятилетним профессиональным опытом на уровне, сопоставимом с дипломом о высшем образовании, и которая является уместной в рамках профессии или сектора, указанного в трудовом договоре; под «профессиональным опытом» подразумевается фактическая и законная работа

по соответствующей профессии².

В словаре Международной организации по миграции используется следующее определение квалифицированного мигранта – это трудящийся-мигрант, который благодаря своим навыкам обычно подпадает под упрощенные процедуры реадмиссии в принимающей стране (а также пользующийся привилегиями в отношении пребывания, смены места работы и воссоединения с семьей)³. Идентичное по смыслу определение дано Международной организацией труда, согласно которому высококвалифицированные трудящиеся мигранты – это трудящиеся мигранты, которым, благодаря их квалификации, предоставляется режим благоприятствования при допуске в страну, не являющуюся их собственной страной, и, следовательно, на них распространяется меньше ограничений, касающихся сроков пребывания, перемены места работы и воссоединения семьи. Допускаем, что данные определения носят общий, как бы рамочный характер, из чего можно сделать вывод о том, что отнесение трудового мигранта к категории квалифицированного специалиста является преференцией миграционного законодательства отдельно взятого государства.

В соответствии с российским законодательством⁴ иностранным высококвалифицированным специалистом (ВКС) признается иностранный гражданин, имеющий опыт работы, навыки или достижения в конкретной области деятельности, если условия привлечения его к трудовой деятельности в Российской Федерации предполагают получение им заработной платы определенного размера. В определении понятия ВКС ничего не сказано об уровне образования привлекаемого специалиста, таким образом, фактически единственным оценочным критерием является заработная плата.

Предлагаем дополнить определение «иностранного высококвалифицированного специалиста» следующим уточнением: иностранный высококвалифицированный специалист это трудящийся-мигрант, обладающий уровнем образования не ниже бакалавра, а также профессиональными навыками, на которые есть спрос на рынке труда, опытом работы по полученной специальности и подпадающий под преференциальный режим миграционного регулирования страны-реципиента [7]. Иными словами, наряду с традиционными критериями – уровень образования и квалификация, учитывается степень либерализации миграционного режима принимающей страны.

Следует отметить, что с течением времени появляются новые подтипы высококвалифицированных специалистов, что, с одной стороны, связано с развитием таких тенденций мировой экономики, как глобализация, транснационализация, интеграция и цифровизация, а, с другой стороны, усилением взаимосвязи и взаимозависимости международной трудовой миграции с иными формами международных экономических отношений.

Сложившаяся практика регулирования миграционного процесса вызывает объективную необходимость уточнения классификации трудящихся-мигрантов, отно-

² Council Directive 2009/50/EC // EUR-Lex : [site]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2009/50/oj> (accessed on 02.03.2024).

³ Справочник по терминологии в области миграции (русско-английский) / сост. О. Поздоровкина ; Европейский Союз ; Международная организация по миграции. Москва : БЭСТ-принт, 2011. 166 с. ISBN ISBN975-5-903263-24-0.

⁴ Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 N 115-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 05.03.2024).

сящихся к категории высококвалифицированных специалистов. Это важно потому, что, во-первых, для разных категорий ВКС существуют разные режимы миграционного администрирования, во-вторых, задействованы различные акторы привлечения и регулирования, через которые осуществляется миграция высококвалифицированных специалистов.

Мы предлагаем объединить трудящихся мигрантов, относящихся к квалифицированным/высококвалифицированным специалистам в отдельную группу – «мигранты-профессионалы», включающую три базовые подгруппы, представленные на рис. 1 [7].

Рис. 1. Типология мигрантов-профессионалов

Fig. 1. Typology of migrant professionals

Источник: составлено автором

Критериями отнесения мигранта-профессионала к одной из подгрупп являются уровень образования, квалификация, опыт работы, заработная плата, степень преференциальности миграционного режима. Различное соотношение данных критериев позволяет отнести мигранта-профессионала к квалифицированному иностранному специалисту либо к иностранному специалисту высокой квалификации, либо к экстраквалифицированному иностранному специалисту. Рассмотрим подробнее предложенную типологию.

К **квалифицированным иностранным специалистам** принадлежат мигранты, имеющие специальное образование или степень бакалавра в определенной области, работающие по специальности или намеревающиеся работать по специальности в принимающей стране. Требование к образованию для данной подгруппы является гибким и зависит от конъюнктуры рынка труда принимающей страны.

К **иностранным специалистам высокой квалификации** относятся профессионалы, которых отличает наличие соответствующего подтвержденного высшего образова-

ния с профессиональным опытом работы не менее трех лет. Данный подтип также включает научных работников высшей квалификации (магистры и доктора), имеющих научные труды по профилю высшего учебного заведения страны, в которое они приглашаются для работы.

К **экстраквалифицированным иностранным специалистам** имеют отношение профессионалы, отличающиеся высоким уровнем подготовки, наличием соответствующего подтвержденного образования с профессиональным опытом работы, обладающие экстраординарными способностями и добившиеся общепризнанных успехов в профессиональной сфере.

Важно понимать, что отнесение тех либо иных профессий, представленных на рис. 1, к одному из трех подтипов весьма условно, намного важнее – уровень специализированных знаний, опыт работы, а кроме того, растущая потребность в определенных специалистах на рынке труда. Чем она выше, тем более преференциален установленный миграционный режим для профессионалов.

Актеры привлечения мигрантов-профессионалов

В формировании направлений, условий и динамики перемещений мигрантов-профессионалов задействованы такие акторы, как государства, транснациональные компании и региональные интеграционные объединения. Проанализируем их роль.

Национальные государства. Важнейшими акторами привлечения профессионалов являются страны, миграционная политика которых все больше приобретает селективный характер. Его смысл – в создании максимально преференциального миграционного режима для потенциальных (иностранцы студенты) и реальных специалистов, в которых есть потребность на национальном рынке труда, при ограничении въезда для остальных категорий. Более тридцати лет назад суть миграционной политики в отношении иностранных специалистов очень точно определил П. Линдерт: «Большинство принимающих стран сочли выгодным проводить политику отбора мигрантов, допускаемых в страну. Иммиграционные правила пересматриваются в сторону поощрения «притока умов» и ограничения притока неквалифицированных лиц, наиболее подверженных безработице и конфликтам, типичным для национальных гетто. Таким образом, статуя Свободы держит свой факел ярко зажженным для физиков, инженеров и специалистов по ЭВМ» [8]. Действительно, развитые и многие развивающиеся государства пришли к пониманию того, что привлечение иностранных ученых, инженеров, менеджеров, преподавателей и других специалистов означает «импорт знаний» и исключительно выгодно для национальной экономики. Через различные инструменты (квоты, визы, специальные программы, балльную систему, список дефицитных профессий, налоговые преференции и пр.) миграционная политика заинтересованных в иностранных специалистах стран стимулирует их привлечение.

Согласно исследованию индикаторов конкурентоспособности стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), проведенному в 2023 г., наиболее привлекательными для высококвалифицированных специалистов являлись Новая Зеландия, Швеция, Швейцария, Австралия, США, Канада и Нидерланды⁵. Эти

⁵ Migration policy affects attractiveness of OECD countries to international talent // OECD : [site]. 29.05.2019. URL: <https://www.oecd.org/unitedstates/migration-policy-affects-attractiveness-of-oecd-countries-to-international-talent.htm/> (accessed on 05.03.2024).

страны проводят целенаправленную миграционную политику по привлечению иностранных профессионалов (в том числе иностранных студентов), включая членов их семей. Так, согласно данным ЮНЕСКО, численность иностранных студентов за последние 20 лет увеличилась более чем в три раза, и в 2021 г. составила 6,4 миллиона человек. Около 80% всех иностранных студентов учились на образовательных программах в странах с высоким уровнем дохода. Среди государств ОЭСР основными реципиентами международных студентов являются США, Великобритания, Австралия и Германия. Интересно, что в США из более чем миллиона иностранных студентов, проходящих обучение по различным программам в ВУЗах страны, 55% в 2022/2023 учебном году обучались по STEM-направлениям. Благодаря гибкости миграционного регулирования развитые страны создают стимулы для того, чтобы после обучения иностранные студенты, получившие образование по востребованным специальностям, оставались в стране.

Транснациональные компании. Транснациональные компании (далее – ТНК) на сегодняшний день играют ключевую роль в мировой экономике, оказывая значительное влияние на торговлю, инвестиции, технологический прогресс и занятость, тем самым содействуя развитию глобальной экономики. Внедрение инноваций во всех сферах является доминирующей стратегией деятельности ТНК. Однако ее реализация, кроме капитала, требует достаточного количества специалистов, обладающих необходимым знаниями, что способствует интенсификации миграционных потоков профессионалов [9]. В 2022 г. впервые в истории совокупные затраты корпораций на НИОКР превысили отметку в один триллион долларов США. Для сравнения: в 2018 г. затраты компаний на НИОКР составили 774 млрд долларов⁶. Фактически уже сейчас ключевую роль в конкурентоспособности и эффективности корпораций играют стратегии по привлечению и удержанию высококвалифицированных специалистов.

Миграция специалистов внутри транснациональных компаний представляет собой процесс перемещения квалифицированных работников между различными странами, в которых компания имеет свои представительства или филиалы. Этот вид миграции обычно осуществляется с целью обеспечения компании квалифицированным персоналом, усиления международного сотрудничества, обмена знаниями и лучшими практиками между сотрудниками из разных государств.

По мере расширения масштабов деятельности транснациональных корпораций увеличиваются и масштабы привлечения иностранных работников высокой квалификации. Еще в 2006 г. в своем бестселлере «Международный бизнес» Р. Гриффин и М. Пастей писали, что в результате глобализации рынок управленческих вакансий тоже становится глобальным, а эффективность труда выше национальной принадлежности [10].

Можно говорить о том, что внутри структур ТНК происходит не просто миграция специалистов или «утечка умов» из одних стран в другие, а их циркуляция независимо от географической локации подразделений.

Перемещение профессионалов между филиалами ТНК, расположенными в разных странах, осуществляется, как правило, в рамках внутрикорпоративных переводов, которые, фактически становятся одним из основных инструментов обеспече-

⁶ Global Innovation Tracker: What is the current state of innovation? How rapidly is technology progressing and being embraced? What are the resulting societal impacts? // WIPO – World Intellectual Property Organization : [site]. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2023-section1-en-global-innovation-tracker-global-innovation-index-2023.pdf> (accessed on 07.03.2024).

ния ТНК высококвалифицированными специалистами. К примеру, в Соединенных Штатах Америки сотрудники транснациональных компаний въезжают по визе L-1 (внутрикорпоративные переводы), которая подразделяется на две подкатегории, а именно:

- виза L-1A предназначена для менеджеров и руководителей, которые переводятся в офис в США и являются сотрудниками филиалов или представителями родительской компании иностранного работодателя;
- виза L-1B предусмотрена для сотрудников со специализированными знаниями уровня эксперта, которые переводятся в офис в США той же многонациональной компании.

Численность специалистов, въехавших в эту страну по визе L-1 (внутрикорпоративные переводы) в 2022 г. составила 305 520 человек, увеличившись по сравнению с 2021 г. более чем в два с половиной раза, что в основном связано с отменой ковидных ограничений⁷. Миграционный режим в отношении сотрудников ТНК носит преференциальный характер, что зачастую обусловлено лоббированием компаниями своих интересов в странах базирования, а сама миграция между подразделениями ТНК осуществляется либо специалистами высокой квалификации, либо экстраквалифицированными, т. к. просто квалифицированные специалисты нанимаются из числа местной рабочей силы, представленной на национальном рынке труда.

В дополнение укажем и на то обстоятельство, что влияние ТНК на движение высококвалифицированных специалистов усиливается благодаря их деятельности, направленной на активизацию процесса сращивания экономик соседних государств в единый хозяйственный комплекс на основе глубоких, устойчивых экономических и политических связей, чем стимулируют региональную экономическую интеграцию стран.

Региональные интеграционные объединения. Как правило, внутри региональных интеграционных объединений (ЕС, ЕАЭС, МЕРКАСУР) складываются рынки труда с различными сегментами рабочей силы, в том числе и высококвалифицированной, расширяются возможности для увеличения мобильности специалистов между странами-членами. Конечно, в разных интеграционных объединениях уровень мобильности рабочей силы отличается, в то же время неизменен главный принцип: более либеральный миграционный режим для мигрантов из государств-членов интеграционного объединения, нежели из третьих стран.

Наличие в интеграционном объединении общего рынка труда (ЕС, ЕАЭС и др.) способствует не только устранению дисбаланса на национальных рынках труда, но и развитию экономики региона в целом. Например, мобильность рабочей силы внутри Европейского союза в рамках единого рынка труда в 2022 г. составила 9,9 млн человек, из которых 32% были квалифицированными специалистами. Главной страной-реципиентом остается Германия, на которую приходится 33% всех мигрантов из стран ЕС, что обусловлено, в первую очередь, потребностями экономики⁸. За счет применения инструментов наднационального миграционного регулирования, в страны ЕС привлекаются профессионалы со всего мира. На уровне Европейского союза с

⁷ Yearbook of Immigration Statistics 2022 // Homeland Security : [site]. URL: <https://www.dhs.gov/ohss/topics/immigration/yearbook/2022> (accessed on 07.03.2024).

⁸ Hassan, E. Annual Report on Intra-EU Labour Mobility 2022 / E. Hassan, L. Siöland, B. Akbaba et al. ; European Commission, Directorate-General for Employment, Social Affairs and Inclusion. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2023. ISBN 978-92-68-00129-5. ISSN 2529-3281. DOI [10.2767/560178](https://doi.org/10.2767/560178).

2011 г. действует Синяя карта ЕС (директива 2009/50/ЕС), направленная на создание условий для притока квалифицированных специалистов из третьих стран, имеющих высшее образование, квалификацию, опыт работы и высокую зарплату (государства союза самостоятельно устанавливают уровень необходимой зарплаты) [11]. В 2022 г. 82 000 высококвалифицированных работников из стран, не входящих в ЕС (включая членов семей), получили Синюю карту. Для сравнения: в 2017 г. численность держателей Синих карт с учетом членов семей составила 24 305 человек⁹. По отношению к держателям Синей карты применяется преференциальный миграционный режим: их могут сопровождать члены семьи, которые также имеют право на работу (в 2022 г. было выдано 40 569 виз для членов семей обладателей Синей карты ЕС); существует возможность получить вид на жительство при соблюдении определенных условий и продлить пребывания в ЕС и т. д. Отметим, что 77% держателей Синих карт направляются для работы в Германию. Наибольшее количество высококвалифицированных специалистов, работающих в ЕС по Синей карте, приехали из Индии (19 896 человек), России (7 606 человек) и Беларуси (5 541 человек). Проведенный анализ показывает, что, с одной стороны, общий рынок труда стимулирует внутриевропейскую мобильность специалистов, а, с другой стороны, наднациональная миграционная политика способствует привлечению профессионалов из стран, не входящих в ЕС.

На уровне USMCA (США, Канада, Мексика) хотя и отсутствует общий рынок труда, применяется более либеральный миграционный режим для специалистов из стран-участниц. К примеру, в США действует TN VISA, позволяющая таким специалистам, как бухгалтеры, инженеры, юристы, фармацевты, ученые и преподаватели из государств, входящих в USMCA, приезжать для работы в упрощенном порядке, а также пребывать на территории США до трех лет с возможностью продления¹⁰.

С 2015 г. в АСЕАН действует свобода передвижения представителей восьми профессий квалифицированных работников, разработана референтная таблица квалификаций, позволяющая соотносить эти профессиональные характеристики, приобретенные в разных странах-участницах [12].

Таким образом, новые возможности для успешной конкуренции на мировом рынке квалифицированной/высококвалифицированной рабочей силы возникают в региональных интеграционных объединениях, во-первых, за счет применения в интеграционной группировке единых механизмов привлечения высококвалифицированных специалистов из «третьих стран», а, во-вторых, за счет миграционной политики «перелива» квалифицированного персонала внутри интеграционной группировки на условиях преференциального режима.

Заключение

Усложнение многофакторного процесса миграции высококвалифицированных специалистов, обусловленного не только современными тенденциями мировой экономики, усилением роли транснациональных компаний, региональных интеграционных объединений, но и другими причинами требует глубокого анализа данного

⁹ Residence permits – statistics on authorisations to reside and work // Eurostat : [site]. 18.12.2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Residence_permits_-_statistics_on_authorisations_to_reside_and_work#EU_Blue_Cards_issued_to_highly_qualified_non-EU_citizens (accessed on 10.03.2024).

¹⁰ TN NAFTA Professionals // U.S. Citizenship and Immigration Services : [site]. URL: <https://www.uscis.gov/working-in-the-united-states/temporary-workers/tn-nafta-professionals> (accessed on 10.03.2024).

типа трудовых мигрантов. Это важно прежде всего потому, что для разных категорий высококвалифицированных специалистов существуют различные режимы миграционного администрирования, а в их регулировании задействованы разные акторы привлечения, через которые осуществляется миграция ВКС.

Отсутствие единого концептуально-методологического подхода к определению критериев отнесения мигрантов к квалифицированным/высококвалифицированным специалистам не способствует целостному, системному видению ситуации – ее анализ все еще носит фрагментарный характер. Применение предложенной в статье типологии «мигранты-профессионалы», сформированной на основе концептуально-методологического подхода, позволит более полно осуществлять статистический сбор данных, их систематизацию и сопоставление, анализ эффективности инструментов миграционного регулирования и даст возможность иметь более полное представление о структуре, направлениях, тенденциях и особенностях данной категории трудовых мигрантов, что в конечном итоге будет способствовать дальнейшему технологическому развитию принимающих стран.

Список литературы

1. Salt, J. International Movements of the Highly Skilled // OECD Social, Employment and Migration Working Papers. 1997. № 3. 44 p. DOI [10.1787/104411065061](https://doi.org/10.1787/104411065061).
2. Эпплеярд, Р. Миграция квалифицированных кадров в глобализованном мире // Мир в зеркале международной миграции : Научная серия : Международная миграция населения : Россия и современный мир / гл. ред. В. А. Ионцев. Москва: Макс-Пресс, 2002. Вып. 10. С. 7–16. ISBN 5-317-00785-2.
3. Топилин, А. В. Сдвиги в занятости и миграция высококвалифицированных научных кадров в России / А. В. Топилин, И. А. Малаха // Социологические исследования. 2004. № 11(247). С. 132–136. EDN [OWQMYV](#).
4. Смирнова, Е. М. Подходы к изучению международной миграции высококвалифицированных специалистов: механизмы, перспективы, последствия // Социологические исследования. 2016. № 3(383). С. 66–75. EDN [VXVZRH](#).
5. Iredale, R. The Migration of Professionals: Theories and Typologies // International Migration. 2001. Vol. 39, № 5. Pp. 7–26. DOI [10.1111/1468-2435.00169](https://doi.org/10.1111/1468-2435.00169).
6. Lowell, B. L. Policies and Regulations for Managing Skilled International Migration for Work. United Nations Expert Group Meeting on International Migration and Development, Working Paper [UN/POP/MIG/2005/03](#). New York : United Nations Secretariat, 2005. 21 p.
7. Рубинская, Э. Д. Международная миграция высококвалифицированных специалистов: состояние, тенденции, регулирование. Москва : Издательство «Перо», 2022. 198 с. ISBN 978-5-00189-934-1. EDN [XEPZKQ](#).
8. Линдерт, П. Х. Экономика мирохозяйственных связей. Москва : Прогресс, 1992. 514 с. ISBN 6544344555.
9. Рубинская, Э. Д. Роль транснациональных компаний в международной миграции высококвалифицированных специалистов // Вестник Института дружбы народов Кавказа. 2019. № 2(50). С. 58–64. EDN [QYYVGN](#).
10. Гриффин, Р. Международный бизнес / Р. Гриффин, М. Пастей ; пер. с англ. Н. Г. Яцук. 4-е изд. Москва : Питер, 2006. 1086 с. ISBN 5-469-00274-8.
11. Этническая политика: конфликтные, миграционные и электоральные аспекты / Л. О. Бабынина, Д. Ю. Базаркина, Н. В. Борисова и др. Москва : Институт Европы Российской академии наук, 2023. 124 с. ISBN 978-5-98163-204-4. DOI [10.15211/report62023_403](https://doi.org/10.15211/report62023_403). EDN [MTIYVH](#).
12. Цапенко, И. П. Регионализация миграционных процессов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10, № 4. С. 70–85. DOI [10.23932/2542-0240-2017-10-4-70-85](https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-4-70-85). EDN [ZUFNND](#).

Сведения об авторе:

Рубинская Этери Девисовна, доктор экономических наук, доцент, кафедра мировой экономики и международных отношений, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия.

Контактная информация: e-mail: eteri-rubinskaya@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-7876-4057](https://orcid.org/0000-0002-7876-4057); РИНЦ SPIN-код: [8233-0500](https://elibrary.ru/spin.asp?text=8233-0500); Web of Science Researcher ID: [GQI-4308-2022](https://orcid.org/0000-0002-7876-4057); Scopus Author ID: [56916046800](https://orcid.org/0000-0002-7876-4057).

Статья поступила в редакцию 27.03.2024; принята в печать 28.05.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL APPROACH TO THE ANALYSIS OF INTERNATIONAL MIGRATION OF PROFESSIONALS

Eteri D. Rubinskaya

Rostov State Economic University (RINH), Rostov-on-Don, Russia

E-mail: eteri-rubinskaya@mail.ru

For citation: Rubinskaya, Eteri D. Conceptual and Methodological Approach to the Analysis of International Migration of Professionals. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 2. Pp. 9–20. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.1](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.1).

Abstract. The most significant triggers of transformation in the qualitative structure of labor migration, alongside globalization processes and the intellectualization of the economy, are trends such as transnationalization and integration, which influence changes in employment structure and increase the demand for skilled and highly skilled labor. The absence of specialists in the national labor market stimulates migration flows of professionals, the demand for which will only continue to grow, while the migration processes themselves become more complex. The article conducts a comparative analysis of theoretical approaches to understanding the essence of migration of highly qualified specialists, defines a system of criteria underlying the classification of a particular worker as a type of labor migrant, and identifies the role of such actors in the circulation and regulation of migration of highly qualified specialists as states, transnational companies and integration associations. A new conceptual-methodological approach is proposed, the essence of which lies in the application of the typology of “migrant-professionals”, encompassing three broad groups of qualified/highly qualified specialists, depending on the varying levels of education, qualification, work experience, salary, and the degree of liberalization of the migration regime. The application of the proposed methodology will allow for a more comprehensive accounting and analysis of migrant-professionals, comparison of the effectiveness and flexibility of migration regulation instruments, ultimately contributing to the rapid satisfaction of sectoral labor market needs, as well as further technological development of countries.

Keywords: migrant-professionals, migrant typology, migration of highly qualified specialists, migration policy, regional integration associations, transnational companies

References

1. Salt, J. International Movements of the Highly Skilled. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. 1997. № 3. 44 p. DOI [10.1787/104411065061](https://doi.org/10.1787/104411065061).
2. Appleyard, R. Migratsiya kvalifitsirovannykh kadrov v globalizirovannom mire [Migration of qualified personnel in a globalized world]. In: *Mir v zerkale mezhdunarodnoy migratsii [The world in the mirror of international migration]* : Scientific series : International population migration : Russia and the modern world / ex. ed. V. A. Iontsev. Moscow: Max-Press, 2002. Issue 10. Pp. 7–16. ISBN 5-317-00785-2. (In Russ.).
3. Topilin, A. V. Employment Shifts and Migration of Top-Skill Academic Personnel in Russia / A. V. Topilin, I. A. Malakha. *Sociological Studies*. 2004. No. 11(247). Pp. 132–136. (In Russ.).
4. Smirnova, E. M. Approaches to Study International Migration of High-Skills Specialists: Mechanisms, Outlook, Effects. *Sociological Studies*. 2016. No. 3(383). Pp. 66–75. (In Russ.).
5. Iredale, R. The Migration of Professionals: Theories and Typologies. *International Migration*. 2001. Vol. 39, No. 5. Pp. 7–26. DOI [10.1111/1468-2435.00169](https://doi.org/10.1111/1468-2435.00169).
6. Lowell, B. L. *Policies and Regulations for Managing Skilled International Migration for Work*. United Nations Expert Group Meeting on International Migration and Development, Working Paper [UN/POP/](https://www.un.org/en/development/desa/policy/2004publications/workingpapers/200404pop.pdf)

[MIG/2005/03](#). New York : United Nations Secretariat, 2005. 21 p.

7. Rubinskaya, E. D. *Mezhdunarodnaya migratsiya vysokokvalifitsirovannykh spetsialistov: sostoyaniye, tendentsii, regulirovaniye* [International migration of highly qualified specialists: status, trends, regulation]. Moscow : Pero Publishing House, 2022. 198 p. ISBN 978-5-00189-934-1. (In Russ.).

8. Lindert, P. H. *Ekonomika mirokhozyaystvennykh svyazey* [Economics of world economic relations]. Moscow : Progress Publishing House, 1992. 514 p. ISBN 6544344555. (In Russ.).

9. Rubinskaya, E. D. Rol' transnatsional'nykh kompaniy v mezhdunarodnoy migratsii vysokokvalifitsirovannykh spetsialistov [The role of transnational companies in the international migration of highly qualified specialists]. *Bulletin of the Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus*. 2019. No. 2(50). Pp. 58–64. (In Russ.).

10. Griffin, R. *International Business* / R. Griffin, M. Pustay ; translated from English by N. G. Yatsyuk. 4th ed. Moscow : Piter Publishing House, 2006. 1086 p. ISBN 5-469-00274-8. (In Russ.).

11. *Ethnic Politics: Conflict, Migration, and Electoral Process* / L. O. Babynina, D. Yu. Bazarkina, N. V. Borisova et al. Moscow : Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, 2023. 124 p. ISBN 978-5-98163-204-4. DOI [10.15211/report62023_403](#). (In Russ.).

12. Tsapenko, I. P. Regionalization of Migration. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2017. Vol. 10, No. 4. Pp. 70–85. DOI [10.23932/2542-0240-2017-10-4-70-85](#). (In Russ.).

Bio note:

Eteri D. Rubinskaya, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Department for International Economy and International Relationships, Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia.

Contact information: e-mail: eteri-rubinskaya@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-7876-4057](#); RSCI SPIN code: [8233-0500](#); Web of Science Researcher ID: [GQI-4308-2022](#); Scopus Author ID: [56916046800](#).

Received on 27.03.2024; accepted for publication on 28.05.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.2.2](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.2)EDN [DUSIGT](https://edn.dusigt.org)

MIGRATION IN THE CONTEXT OF INNOVATION: RESEARCH ON POLICIES TO ATTRACT SCIENCE AND TECHNOLOGY HUMAN RESOURCES IN ASIAN COUNTRIES AND EXPERIENCES FOR VIETNAM

Huong Lan Do*National Economics University, Hanoi, Vietnam**E-mail: landh@neu.edu.vn***Bao Ngoc Phung***National Economics University, Hanoi, Vietnam**E-mail: pbngoc.yes@gmail.com***Le My Nguyen***National Economics University, Hanoi, Vietnam**E-mail: lemy.contactforwork@gmail.com***Linh Linh Ly***National Economics University, Hanoi, Vietnam**E-mail: lylinhlinh04@gmail.com***Minh Khue Luong***National Economics University, Hanoi, Vietnam**E-mail: luongminhkhue2122004@gmail.com***Phuong Thao Pham***National Economics University, Hanoi, Vietnam**E-mail: ppthao0625@gmail.com*

For citation: Do, Huong Lan. Migration in the Context of Innovation: Research on Policies to Attract Science and Technology Human Resources in Asian Countries and Experiences for Vietnam / Huong Lan Do, Bao Ngoc Phung, Le My Nguyen et al. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 2. Pp. 21–43. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.2](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.2).

Abstract. The migration wave is increasingly becoming the focal point of international discourse amid the rapid globalization. Consequently, the authors conducted a study on the impacts of migration in the context of innovation, specifically focusing on talent attraction in the Asia-Pacific region, particularly within the realm of Science and Technology. This article succinctly summarizes key theories regarding labor migration in the context of innovation, providing an overview of high-skilled labor exchange through the attraction of scientific and technological personnel across nations. Additionally, the article reflects on how migration influences the development of Science and Technology, as well as its economic implications. To conduct this research, the authors employed two primary research methods, including qualitative research through in-depth interviews with experts and

quantitative research by analyzing composite indices from reputable organizations specializing in migration and innovation. The article emphasizes three Asian countries: South Korea, China, and Japan, all of which have excelled in advancing and enhancing their levels of scientific and technological expertise, along with their strategies for attracting skilled personnel. Policies focusing on recruiting high-quality labor with advanced knowledge are identified as pivotal factors determining their progress in this field. Consequently, in collaboration with expert consultations, the authors propose insights into policies for attracting quality human resources in the field of Science and Technology in Vietnam. This is intended to provide essential information for the government, businesses, educational institutions, and civil society.

Keywords: innovation, migration, science and technology, human resources, talents

Introduction

Innovation is recognized globally as a pivotal driver of national development and a fundamental asset for countries transitioning into knowledge-based economies. A prerequisite for fostering innovation lies in cultivating a highly skilled workforce endowed with creativity and innovative capabilities. Extant literature underscores the role of high-skilled migration in augmenting labor force quality and innovation potential. Investigating the nexus between high-skilled migration and innovation within Europe [1] demonstrate a positive association between a well-educated workforce and innovation outcomes, which holds true for both native high-skilled individuals and migrants, albeit to a lesser degree. Overall, research suggests a generally positive influence of skilled migration on innovation endeavors, albeit with certain exceptions, attributing this effect to the direct contribution of skilled migrants to research and innovation activities. Notably, empirical studies conducted on Science and Engineering (S&E) workers in the United States reveal a marked increase in the number of inventions attributable to immigrant inventors [2–6].

Migration, whether internal or international, remains a salient concern for countries worldwide. In Asia, internal migration trends are pronounced, with an estimated 280 million individuals, comprising over 6% of the population, engaging in interregional mobility [7]. Moreover, international migration has emerged as a prominent feature of contemporary globalization, with Asia witnessing a substantial influx of migrant workers. Authors¹ report a robust recovery in migrant worker numbers post-pandemic, with Bangladesh emerging as a key contributor to the migrant labor pool. The globalization process, as highlighted in the 2020 World Migration Report, fosters migration activities, particularly the mobility of scientific and technological human resources and entrepreneurs. Consequently, countries aspiring to foster innovation and develop knowledge-based economies are compelled to leverage highly skilled immigrant workers to drive sustainable economic growth.

The escalation of international migration, particularly in the Asian region, is well-documented [8; 9]. Notably, the International Labor Organization reports a steady rise in the number of workers migrating abroad, with China experiencing a notable increase in international migrants, a substantial proportion of whom migrate to Japan [10].

The nexus between migration and labor resource quality in the context of innovation is highlighted by Stojcic et al. (2015) [11] who stated manifold ways in which immigration movements can shape the labor force structure, fostering the emergence and success of new products and services. Moreover, research [12] emphasized a positive relationship between innovation and the influx of highly skilled immigrants, reaffirming the consensus that skilled migration bolsters innovation. Regions endowed with creativity and productivity are more likely to attract human talent, thereby fostering innovation and enhancing productivity levels.

¹ Migrant workers in Asia approach pre-pandemic levels // Nikkei Asia : [site]. 06.07.2023. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Work/Migrant-workers-in-Asia-approach-pre-pandemic-levels> (accessed on 15.02.2024).

Recognized as pivotal for development, S&T human resources drive innovation and knowledge dissemination, essential for a knowledge-based economy. Adaptations in S&T human resource policies are crucial to meet evolving development needs. Notable efforts to innovate policies have been seen in Asian nations, like Vietnam, addressing modernization and industrialization demands. However, further efforts are needed to develop comprehensive solutions for training, recruitment, and utilization of S&T human resources, fostering their growth and integration into the workforce.

Literature review

Overview of migration and innovation

The theory of innovation development is still being formed in the absence of a single definition of this phrase. For the purpose of this research article, the research team will use the concept of innovation, which can be understood as the introduction of any new or significantly improved product or process using new methods. Previous research articles have had results related to the relationship between migration and innovation in regions with labour migration. Accordingly, the causal effect of immigration on innovation may exist for many reasons because there are a number of factors by which immigration can positively or negatively impact innovation [13]. According to J. Schumpeter [14] and R. Solow [15], the impact of immigration on innovation is mediated by the enhanced human capital base in “endogenous growth” theory. In this theory, migrants enhance local human capital, leading to the development of new technology, new knowledge and innovation. Additionally, in the neoclassical economic model which indicates that the main effect of immigration on innovation stems from the distribution of skills [16], workers of different cultures can generate different perspectives and ideas, more diverse in abilities and knowledge, thereby potentially stimulating innovation [17–19] and helps improve productivity in that country [20]. Furthermore, the diversity of geographically proximate industries promotes innovation and growth in cities [21], while diversity in urban environments also contributes to innovation at the regional level [22]. Research by A. Alesina and E. La Ferrara [19] has shown that cultural and demographic diversity facilitates the consideration of a large set of potential solutions and thus helps solve problems more quickly and flexibly, from which it can be seen that a more culturally diverse workforce will increase the ability to innovate. On the other hand, some studies have shown that labour migration can have a negative impact on innovation in the region. N. DiTomaso, C. Post, and R. ParksYancy [23] summarize that there appears to be a dilemma because while innovation and creativity are more likely to occur in heterogeneous groups, the ability to execute and integrate different ideas can decrease as heterogeneity increases. Within the framework of regional innovation systems, studies on the impact of migration on innovation can be found in other articles [24–26].

In addition to the impact of migration on innovation in the region with labour mobility, innovation in that region can promote and help increase labour migration. One of the reasons for attracting migrants is the comfortable living conditions, attractive business environment and strong production infrastructure along with modernization in the country's regions, at the same time the innovativeness of an area can encourage university graduates to seek jobs in that area [27] and technological innovation or the emergence of new industries will create new jobs and absorb more labour from other industries with lower labour productivity. Some other reasons for changes in labour productivity and labour restructuring are the level of investment, the level of research and development to create innovation, the degree of freedom of the labour market and increased short-term

employment [28].

Thus, there is various evidence through scientific research articles that have shown the related impacts between migration and innovation, through which the formation of new knowledge and innovation also contributes to promoting labour productivity along with subsequent growth.

Overview of brain exchange

Brain power is understood as intellectual work along with knowledge in various fields such as culture, art, scientific research, and technology. J. Salt [29] even defines brain power as a form of national asset. In this research, the research team will study the process of brain power exchange in the context of migration and innovation.

The process of brain exchange consists of two components: brain drain and brain gain [30; 31]. Brain drain refers to the phenomenon where highly skilled individuals move to another country to study, train, and build their careers, bringing their knowledge and talents to contribute to the development of the host country [32–34]. Brain gain, on the other hand, represents the positive values that migration brings not only to the host country but also to the home country [35]. The process of gray matter exchange occurs with the presence of both brain gain and brain drain, in both the home and host countries. Additionally, there is a concept of brain waste, which refers to high-skilled individuals moving to jobs that do not require the application of their skills and experience from their previous work – though this is not the focus of this study.

Most previous studies have shown that brain exchange impacts innovation. Immigration is associated with higher levels of innovation in the host country, and the short-term consequences for native residents are minimal. High-skilled immigrants drive the flow of knowledge and make direct investments in their home country, but it is not clear whether these benefits are sufficient to compensate for the potential downsides of brain drain [36]. Furthermore, return migration (re-migration) is an important source of creativity and entrepreneurship for their home country [37; 38] due to research-based innovation and the demand for high-level expertise in science and technology, as well as the application of foreign technologies [39].

In addition, the influence of innovation on the demand for brain exchange has also been affirmed in studies of globalization trends. The rapid process of globalization and changes in political, economic, and cultural conditions [40] are making the world flatter and lacking in innovation [41], increasing the demand for brain exchange. However, studies also indicate that this exchange is leaning more toward the brain drain aspect. Many developing countries are facing increasing emigration of people, especially those with talent who are dissatisfied with local economic, political, and social conditions [42]. The combined impact of brain drain and brain gain seems to be positive in countries with low emigration rates.

Overview of science and technology policy

In the context of globalization, creativity and innovation have expanded the framework for evaluating the economic effectiveness of science and technology policies. According to R. B. Freeman [43], adjusting immigration policies and providing scholarships for students working on advancing science and technology into new inventions is essential to enhance trade and innovation efficiency for nations. Rapid technological changes and global economic competition have led to a significant increase in the demand for high-skilled human resources in the fields of science and technology. Many countries are seeking ways to enhance their capacity to adopt new technology and have established education and research policies in science and technology to better meet the needs both domestically and

internationally [44].

Apart from attracting science and technology human resources from other countries to work for their benefit, countries also face losses of high-skilled labour emigrating to other developed nations. The United Nations recognized brain drain as a one-way migration that benefits only industrialized and developed nations. However, in the early 1990s, the return of highly skilled scientists to their home countries reinforced national science and technology systems in many places [45]. Furthermore, the emergence of Internet networks has created new methods of collaboration to connect foreign scientists with their national communities [46]. Thus, the mobility of science and technology human resources over time has taken new directions, but the importance of policies to attract these human resources remains a top concern for both developing and developed nations.

Research Methodology

Qualitative research method: Expert opinion methods

Following the formulation of the questionnaire, the researcher sought input from (number) experts within the domain of Social Science in Hanoi, enhancing the robustness of the evaluation process. The insights and feedback provided by these experts serve as a foundational framework for the research team, enabling them to validate the extent of the migration policy's impact on highly qualified migrants. Additionally, this expert consultation offers valuable input for the potential inclusion of new factors, if deemed necessary, thereby contributing to the refinement and completeness of the research instrument.

Quantitative research method

This research uses the quantitative research method, a method that involves the systematic collection, interpretation, and presentation of data. In this study, the data are secondary data taken from reputable sources such as The International Organization for Migration (IOM), the International Labor Organization (ILO), the United Nations (UN), the Migration Data Portal, the International Institute for Management Development (IMD), The United Nations Department of Economic and Social Affairs (UN DESA), the Center for China and Globalization, and many reputable research articles. The above data sources achieve significant diversity and ensure the data's reliability. In addition, many sources, documents, and research articles of previous scholars related to the study, which added some academic perspective and implications to the study, were also used as reference for this study. By carefully selecting secondary data sources, the study ensures that the research results are based on credible information and data, while strengthening the certainty and validity of the analysis of the study. The research used descriptive statistics, which includes basic statistical measures to describe and summarize the collected data.

The situation of attracting high-quality talent migration to Asian countries

The situation of attracting migrants to Asian countries in recent years

With the chart beneath, which has selected data from some typical countries in the world from different regions, it can be seen that the number of migrants to countries in Asia is much lower than in other continents such as Europe or America, in which the United States has the largest number of migrants worldwide with 50.6 million people. According to the International Labor Organization (ILO)², more than two-thirds of workers migrating

² Global labour migration increases by five million // International Labour Organization : [site]. 30.06.2021. URL: <https://www.ilo.org/resource/news/global-labour-migration-increases-five-million> (accessed on 10.03.2024).

abroad are concentrated in high-income countries. Of the total 169 million workers migrating abroad, 63.8 million (37.7%) work in Europe and Central Asia, 43.3 million people (25.6%) work in the Americas. Thus, out of the total number of international migrants, the proportion of migrant workers in Europe, Central Asia and America accounts for 63.3%.

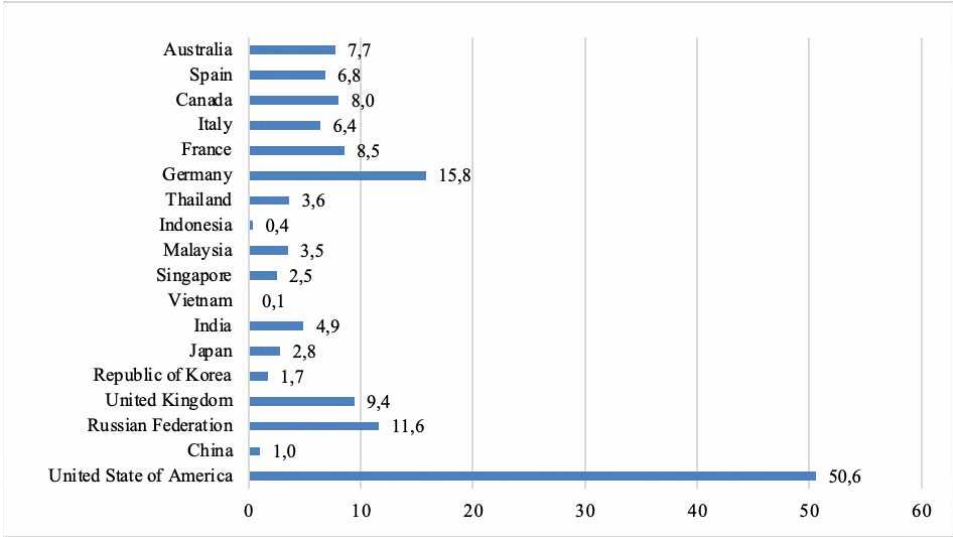

Fig 1. Number of international migrants at mid-year 2020, million
Source: Migration Data Portal (IOM)³

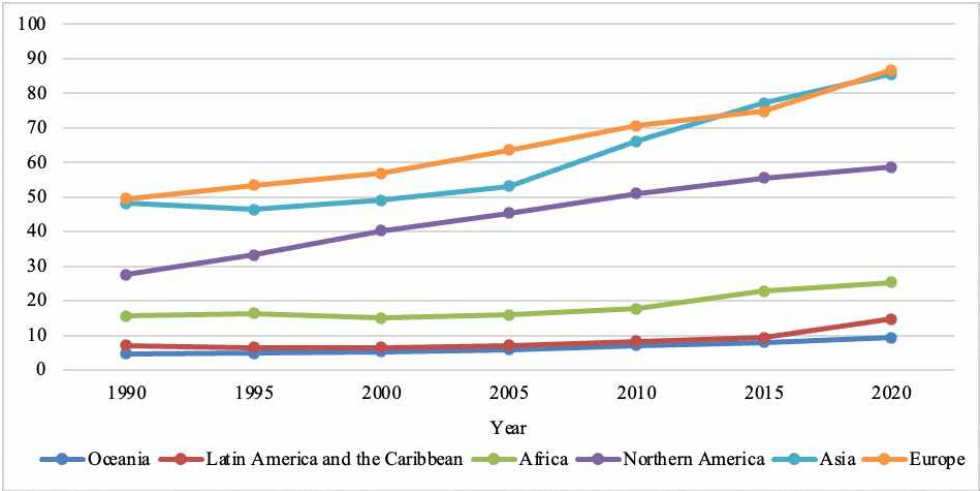

Fig 2. The number of international migrants in all UN regions, million
Source: Migration Data Portal (IOM)⁴

The number of migrants to countries in Europe and Asia is the largest compared to other regions such as America, Africa, etc. At the same time, the rate of increase in international

³ International Data // Migration Data Portal : [site]. URL: https://www.migrationdataportal.org/international-data?i=stock_abs_&t=2020 (accessed on 10.03.2024).

⁴ Ibid.

migrants in the two continents is also significantly higher than other continents. According to the United Nations report on migration 2022 [48], the number of international migrants increased in all United Nations regions, but in Europe and Asia it increased to a greater extent than in other areas. According to this report, Europe and Asia each host about 87 and 86 million international migrants, respectively, accounting for 61% of the total number of global international migrants.

Based on M. Piore's Dual Labor Markets theory, international migration appears because developed countries have a need for long-term, regular immigrant workers, so growth in the number of international migrants in these areas can be explained by the need for workers to find jobs and job opportunities increasing over time.

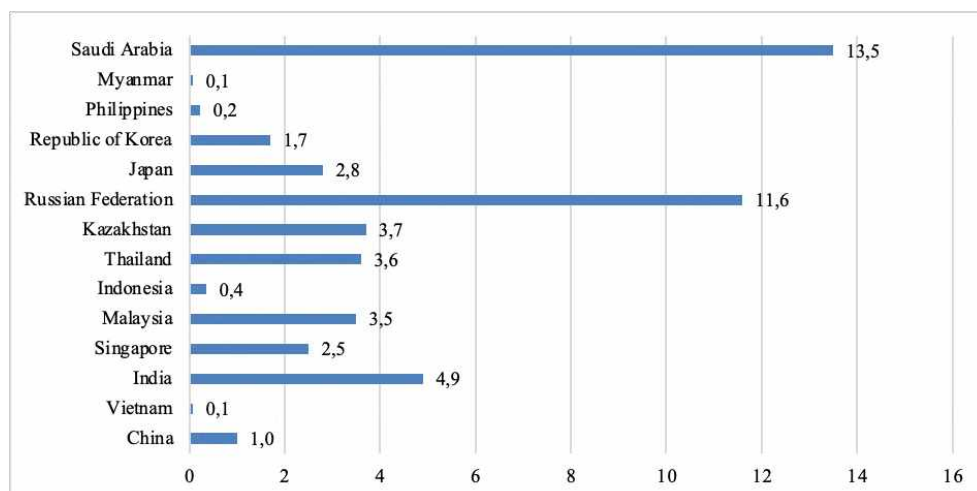

Fig 3. Number of international migrants at mid-year 2020 in Asia, million

Source: Migration Data Portal (IOM)⁵

The Asian region has a very large number of international migrants. In 2020, about 69 million people were residing in other countries in Asia, a significant increase compared to 2015, when there were an estimated 61 million people living on this continent. Countries such as the Russian Federation, Saudi Arabia, India, Thailand, Malaysia, Singapore, Japan, South Korea, and China have a significant number of migrants in the Asian region, the reasons include: Countries in Asia need to attract a large number of labor resources to serve production and develop domestic industries. Thailand has a very large number of migrants to these countries with 3.6 million people, the largest in the ASEAN region, this can be explained by the country's need to compensate for the shortage of labor resources with foreign workers. In addition, the service sector is the main sector attracting migrant workers. According to the ILO [48], 66.2% of migrant workers work in the service sector, 26.7% in the industrial sector and 7.1% work in agriculture.

In recent years, the number of international migrants in Asia has grown strongly, especially countries such as China, Japan, and Korea are among the countries attracting strong labor sources. Many countries have policies to attract international migrants due to labor needs and economic development goals by loose legal regimes, facilitating immigration

⁵ International Data // Migration Data Portal : [site]. URL: https://www.migrationdataportal.org/international-data?i=stock_abs_&t=2020 (accessed on 10.03.2024).

and re-immigration policies, and at the same time the globalization trends also promote international migration [48]. New economic theory believes that migration activities are also accompanied by the desire to develop more and diversify economic capabilities.

For Vietnam, according to data from Migration Data Portal in 2020⁶, the number of immigrants to Vietnam mainly includes Thailand, Cambodia, Bangladesh, Myanmar and Malaysia, in which the ratio between men and women is quite balance, on the contrary, the number of workers migrating to other countries is more than the number immigrating, in which Malaysia is the destination of the majority of Vietnamese workers, with the male ratio nearly double the number of female migrants. According to Vietnamese authorities⁷, Vietnam has actively and proactively implemented the GCM Agreement with synchronous and close coordination with the view of always supporting an open, inclusive and equitable approach about migration as well as international cooperation. Therefore, migration in Vietnam has gradually become more developed in recent years.

The situation of attracting high-quality talent migration to Asian countries

The substantial growth in Asia's immigrant population, highlighted in the World Migration Report 2022 by IOM [48], underscores the region's increasing global prominence. In response to this demographic shift, Asian nations are proactively exploring strategies to not only accommodate the rising numbers but also to secure and cultivate a high-caliber workforce. Figure 4 illustrates the trends in attracting and retaining talent in several Asian countries during the 5-year period from 2019 to 2023.

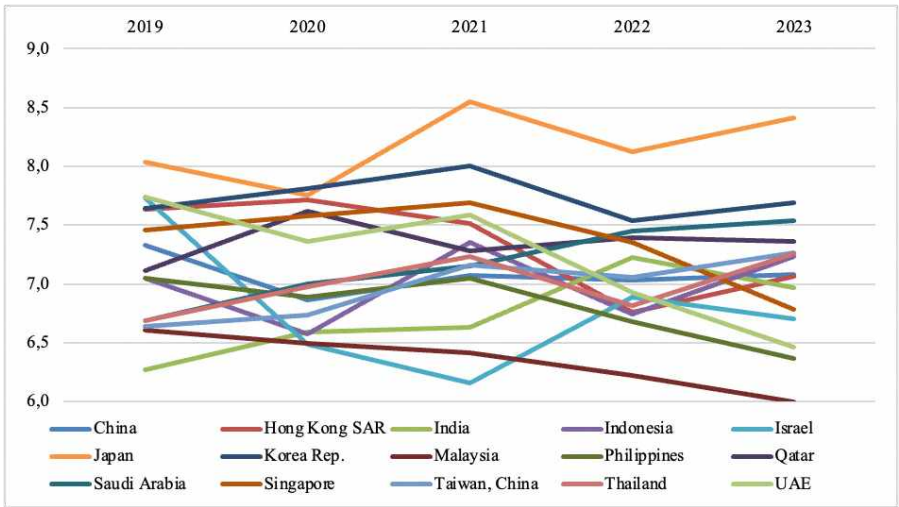

Fig 4. Attracting and retaining talents in Asia countries from 2019 to 2023

Source: World Talent Ranking 2023⁸

⁶ International Data // Migration Data Portal : [site]. URL: https://www.migrationdataportal.org/international-data?i=stock_abs_&t=2020 (accessed on 10.03.2024).

⁷ Khoảng 281 triệu người di cư quốc tế trong năm 2020 [About 281 million people migrated internationally in 2020] // Người Lao Động Newspaper : [site]. 09.12.2022. URL: <https://nld.com.vn/thoi-su/khoang-281-trieu-nguoi-di-cu-quoc-te-trong-nam-2020-20221209141731053.htm> (accessed on 10.03.2024). (In Viet.).

⁸ World Talent Ranking 2023 // IMD Business School for Management and Leadership Courses : [site]. URL: <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-talent-ranking/> (accessed on 10.03.2024).

Overall, these nations have maintained their levels of talent attraction. However, according to IMD criteria, Malaysia is exhibiting a downward trend, as its attraction levels have not matched those of previous years. Japan is leading with a considerable margin compared to other countries in talent attraction, followed closely by South Korea and China. These nations have implemented attractive policies to facilitate the arrival, residence, and employment of high-quality talent.

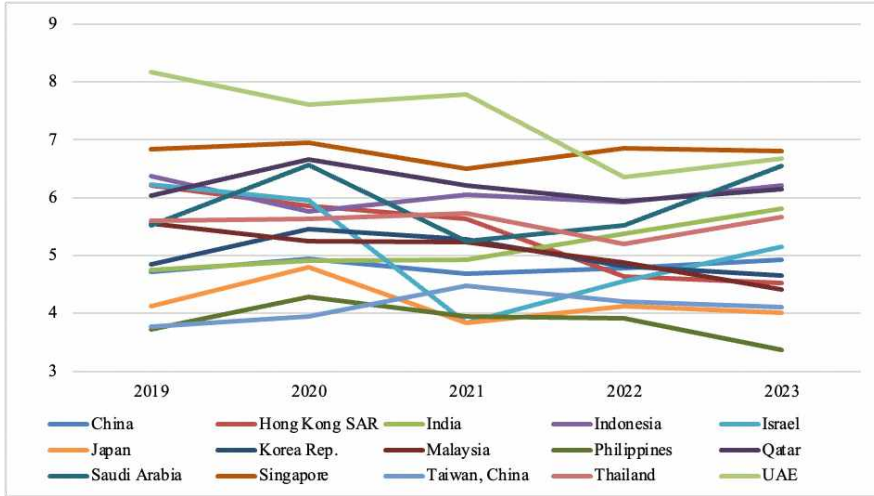

Fig 5. Brain drain in Asia countries from 2019 to 2023

Source: World Talent Ranking 2023⁹

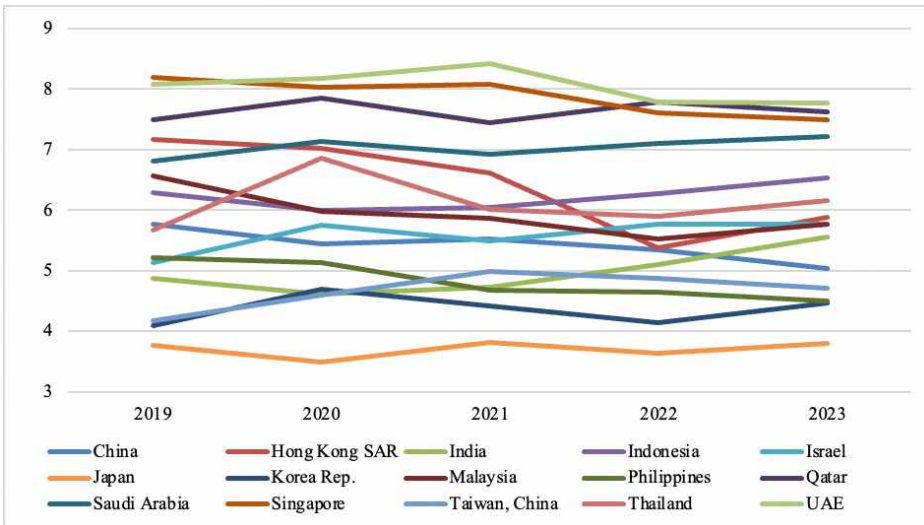

Fig 6. Foreign highly skilled personnel in Asia from 2019 to 2023

Source: World Talent Ranking 2023¹⁰

⁹ World Talent Ranking 2023 // IMD Business School for Management and Leadership Courses : [site]. URL: <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-talent-ranking/> (accessed on 10.03.2024).

¹⁰ Ibid.

Figure 5 depicts the brain drain situation in Asian countries, revealing that nations with high attractiveness for high-quality talent also experience relatively low levels of brain drain. Specifically, South Korea, China, and Japan consistently perform well in preventing brain drain, as indicated by the IMD index, with their brain drain levels ranging from 4.0 to 5.0.

However, in Figure 6, the index of highly skilled foreign workforce in Asia during the same 5-year period from 2019 to 2023 is highest for the United Arab Emirates (UAE) and Singapore. Contrarily, South Korea, China, and Japan rank at the bottom in this index. This phenomenon may be explained by the fact that, despite being attractive destinations for talent globally, Japan and South Korea are also countries with aging populations, facing a shortage of workforce in both low and high-skilled domains. Meanwhile, China, with its vast and diverse territory encompassing highly developed regions like Beijing and Shanghai as well as remote areas with a majority of low-skilled labor, presents a different demographic landscape.

Government's policy to influence the level of documented immigration into the country

The data provided by UN DESA shows how government policies influence recorded migration levels by different countries. It is obvious that in Asia, the government's policies in Korea and China have positively influenced the level of documented immigration into these two countries in 2015, which shows that Korea and China's policies contribute to attracting labor sources from abroad.

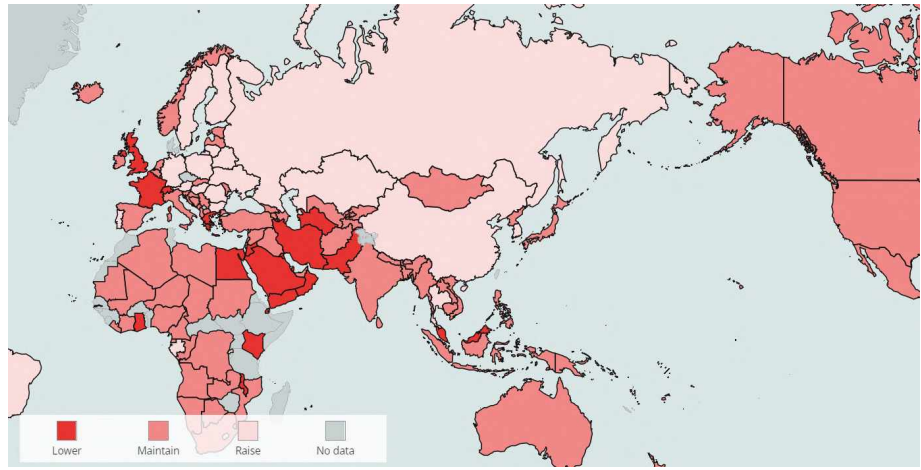

Fig 7. Government's policy to influence the level of documented immigration into the country in 2015

Source: UN DESA¹¹

According to Chung [49], this can be explained by the South Korean government enacting a series of sweeping immigration and citizenship reforms that opened its borders to unskilled immigration, extended local voting rights to permanent foreign residents, and allowed people to hold dual nationality, which are the key reasons for the increase in immigrant labor in this country. According to an ILO Report [48], China urgently needs to upgrade its industrial structure and reorient itself towards services and knowledge-

¹¹ International Data // Migration Data Portal : [site]. URL: https://www.migrationdataportal.org/international-data?i=policy_immig&t=2015 (accessed on 10.03.2024).

based activities. Because China will need a large pool of well-educated and skilled talents, the Chinese government began introducing a series of policies for attracting educated and skilled foreign talent to China, including a policy trial of the “Green Card” system in Beijing and Shanghai in recent years. By contrast, according to the chart, policies to attract immigrant workers in Japan are still maintained in 2015. This is easy to understand because Japanese immigration policy¹² is known for its restrictiveness and the acceptance of foreigners workers, especially of the unskilled, is very limited in this country, leading to the share of foreign workers in total labor force is still only 2.5 percent in 2015. Although Japan has a restrictive immigration policy, with a focus on highly skilled workers and professionals, the government has made some changes in policy to address labor shortages, such as expanding the number of statuses of residence (2019), introducing training programs for low-skilled workers, extending the length of stay from three to five years (from 2017) that allows unskilled workers to enter the country.

In summary, high-quality human resources play a crucial role in fostering innovation and development in a country, driving its economic and social progress, especially in the fields of science and technology. Therefore, attracting and retaining talented immigrants from other countries requires effort and flexible policies from the government, making it a top priority for many nations to seek immigrants with extensive expertise, advanced skills, and a spirit of creativity. These measures may include scholarship programs, attractive career opportunities, settlement support, and other benefits to attract and retain talented individuals. Additionally, creating favorable conditions for living and working is also a key factor, helping to establish an environment that promotes development and innovative creativity.

The impact of migration and innovation on science, technology and the development of Asian countries

The impact of science and technology on innovation

According to the Commissioner of the National Intellectual Property Administration of China, China has made significant progress in independent innovation over the past decade, as evidenced by the country’s increasing ranking in the Global Innovation Index published by the World Intellectual Property Organization. China is ranked 11th on the index worldwide and tops among middle-income economies in 2022.

Science and technology (S&T) reform has been effective in promoting universities and research institutes (URIs), building enterprise innovation capacity, and promoting URI links with industry [49].

In the early 1960s, South Korea was a typical developing country with poor resources and manufacturing facilities, a small domestic market, and much of the population dependent on foreign powers for national security. Korea has begun efforts to develop S&T and transform itself into one of the most dynamic economies in the world. South Korea’s success is largely due to investing heavily in human resource development and forcing companies to compete in the global market. However, in that process, scientific research capacity only plays a secondary role in industrial development. Today, South Korea recognizes that it must strengthen its underlying innovation system to maintain and build its prosperity. By continuously and massively investing in human resource development

¹² Saito, Jun. Historical Background of the Japanese Restrictive Immigration Policy // Japan Center for Economic Research : [site]. 15.07.2022. URL: <https://www.jcer.or.jp/english/historical-background-of-the-japanese-restrictive-immigration-policy> (accessed on 10.03.2024).

and R&D, Korea has succeeded in building a unique innovation system.

According to data from the GII Global Innovation Index 2022, South Korea performs best in human resources and research. With positive impacts from investing in science and technology, Korea ranks 6th out of 132 economies listed in GII 2022.

Table 1

South Korea's ranking on the global innovation index, innovation inputs and outputs from 2020–2022

Year	GII	Innovation inputs	Innovation outputs
2020	10	10	10
2021	5	9	5
2022	6	16	4

Source: Global Innovation Index 2022¹³

In 1995, the Japanese government established an integrated science and technology policy and a five-year basic science and technology plan. For this plan to succeed, Japan needs to build a strong organization to manage science and technology policy. As part of the administrative reform mission in 2001, the Council for Science and Technology Policy (CSTP) was established. Compared with the previous science and technology council, the Japan Science Council, the CSTP addressed a broader range of science and technology policies and projects and had stronger decision-making authority than before. According to H. Odagiri [50], Japan aims at advancing science-based industries, accordingly, Japan's national innovation system is changing. In 2022, Japan ranks 13th among the 132 economies.

Table 2

Japan's ranking on the global innovation index, innovation inputs and outputs from 2020–2022

Year	GII	Innovation inputs	Innovation outputs
2020	16	12	18
2021	13	11	14
2022	13	11	12

Source: Global Innovation Index 2022¹⁴

According to the 2022 Global Innovation Index (GII) ranking report, Vietnam continues to rank 48nd out of 131 countries/economies. Related to GII, Viet Nam ranks 2nd among the 36 lower-middle-income group economies and ranks 10th among the 17 economies in South East Asia, East Asia, and Oceania.

Table 3

Development and ranking of Vietnam's GII index (2016–2020)

Year	GII	Innovation inputs	Innovation outputs
2020	42	62	38
2021	44	60	38
2022	48	59	41

Source: Global Innovation Index 2022¹⁵

¹³ Global Innovation Index 2022 // World Intellectual Property Organization : [site]. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2022/ (accessed on 10.03.2024).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

Vietnam has always had innovation results higher than its level of development, showing efficiency in converting input resources into innovation outputs [51].

The impact of migration on the development of science and technology

Turning to Asian countries, we found that the number of research articles and specific secondary data on the influence of migration on the development of science and technology is extremely limited. However, there are also a few research results from reputable organizations that have shown that attracting high-quality human resources to Asian countries, especially in China, Korea, and Japan will promote the development of science and technology. According to IOM¹⁶, the creation of transnational scientific networks between members of the diaspora contributes to the diffusion of technology across countries. The Chinese diaspora is also a prime example of how knowledge is transferred across countries of origin and destination thanks to the presence of countries abroad, and how this makes manufacturing activities more productive, leading to the enhancement of science and technology. These are strengthened by S. Gelb and A. Krishnan [52], migration impacts innovation, technology production, and technology distribution in destination countries, especially highly-skilled individuals who have significant impacts on innovation and research and development (R&D) activity.

The impact of innovation on the development of some countries in Asia

Historically, economists have struggled for centuries to understand the relationship between technological progress, industrial structural change, and economic growth [53–57].

In this section, our inquiry will be about the interconnection between innovation and economic development. Although existing theoretical frameworks generally affirm a positive correlation, previous literature shows that R&D investment is insufficient for predicting economic performance. What is equally important is social, economic and institutional conditions [58].

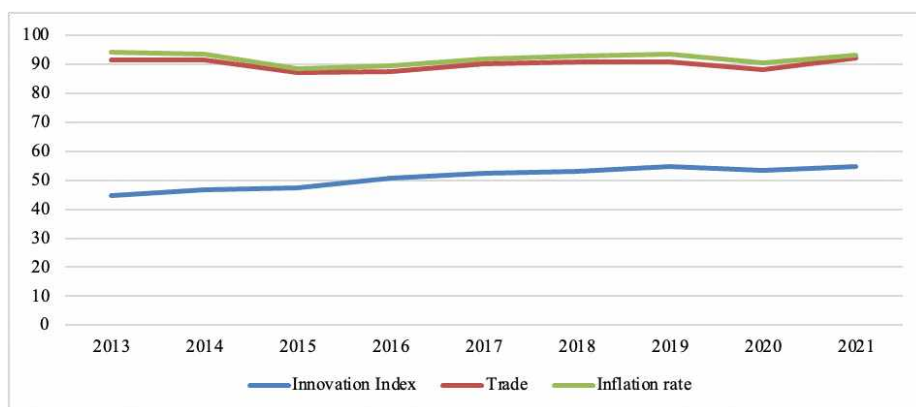

Fig 8. Innovative index, trade, and inflation rate of China (2013–2021)

Source: Mendeley Data¹⁷

¹⁶ A World on the Move: The Benefits of Migration // International Organization for Migration : [site]. 25.09.2014. URL: <https://www.iom.int/speeches-and-talks/world-move-benefits-migration> (accessed on 10.03.2024).

¹⁷ Foreign direct investment and Innovation – developing countries // Mendeley Data : [site]. URL: <https://doi.org/10.17632/8ymh93nbsc> (accessed on 10.03.2024).

In terms of China, the years from 2013 to 2021 have seen notable shifts in the innovation index, ascending from 44.7 to 54.7. In contrast, the trade market index experienced a downturn, reaching 34.7 in 2020 before recovering in 2021. Concurrently, the inflation rate displayed fluctuations over the years, reaching its lowest in 2021. The pivotal observation is that, in 2021, an augmentation in the innovation index coincided with positive changes in trade rates and the inflation rate.

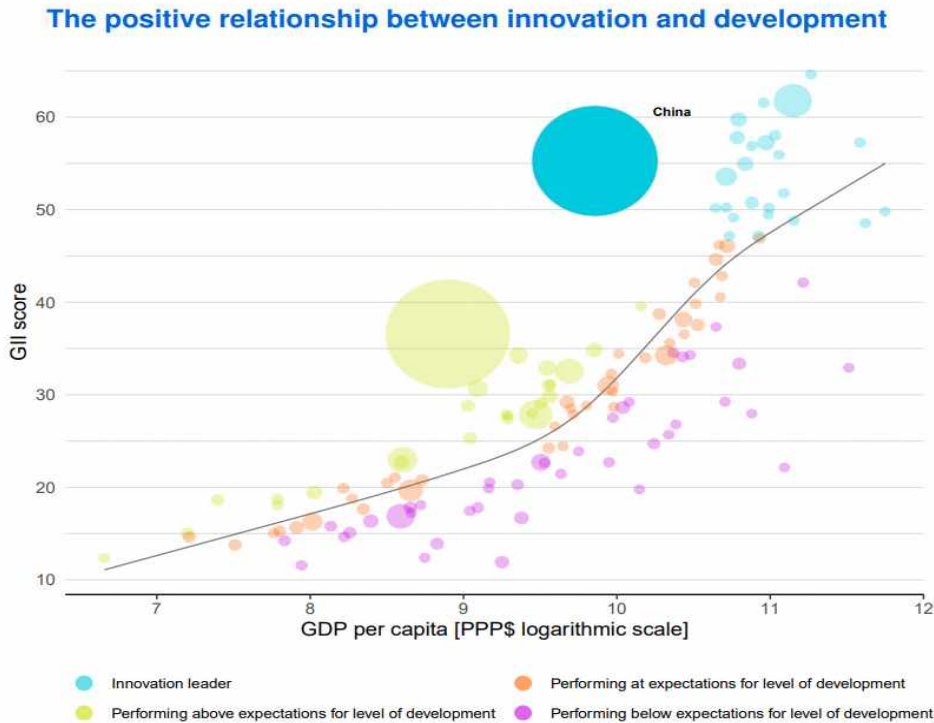

Fig 9. The positive relationship between innovation and development of China (2022)
Source: Global Innovation Index 2022¹⁸

A significant challenge confronting the Chinese innovation system is its pronounced dependence on the government sector. According to the data presented in the China Statistics Year Book 2020¹⁹, government subsidies for R&D accounted for 16.8% of total R&D expenditures, with enterprise-funded R&D constituting 86.6%. Although the direct government-funded R&D proportion in China does not markedly exceed that of Western countries, State-owned enterprises (SOEs) play a substantial role in enterprise-supported R&D funding, contributing 55%. Notably, research by C. H. Yang et al. [58] using panel data in China revealed that a higher ratio of State-owned enterprise (SOEs) R&D adversely impacts local innovation ability due to inefficiencies inherent in SOEs. Therefore, policies that benefit SOEs may have crowded out support for non-SOEs in China.

The Global Innovation Index 2022 report provides a Bubble Chart depicting the relationship between income level (GDP per capita) and innovation performance (GII

¹⁸ Global Innovation Index 2022 // World Intellectual Property Organization : [site]. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2022/ (accessed on 10.03.2024).

¹⁹ China Statistical Yearbook 2022 // National Bureau of Statistics of China : [site]. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2022/indexeh.htm> (accessed on 10.03.2024).

score). The trend line illustrated anticipated innovation performance based on income levels. Economies situated above the trend line outperform expectations, while those below fall short. Remarkably, China's performance surpasses expectations relative to its level of development, 1% increase in R&D expenditures corresponds to a 0.92% increase in GDP level in China.

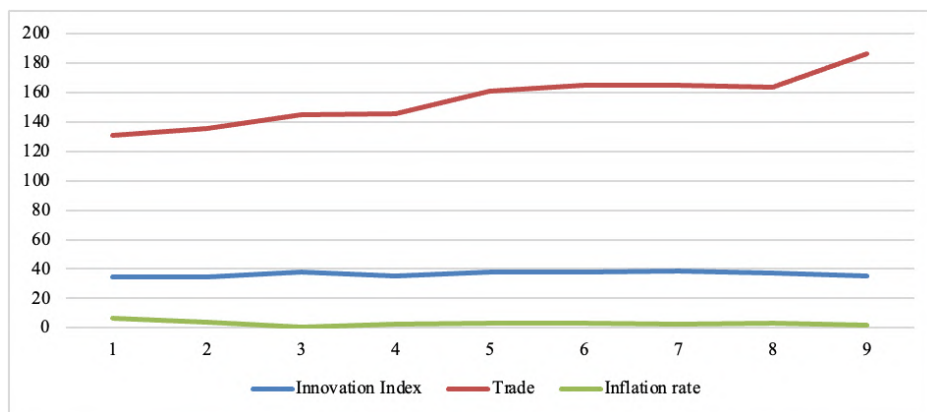

Fig. 10. Innovative index, trade, and inflation rate of Vietnam (2013–2021)

Source: Mendeley Data²⁰

In a broader context, Vietnam's innovation index has kept stability, consistently hovering around the 40 mark. Without experiencing significant development or garnering substantial attention, this lack of emphasis on innovation is reflected in the stagnant nature of the innovation index over the past eight years. Concurrently, the trade market in Vietnam has undergone a significant increase, and there has been a gradual reduction in the inflation rate. Consequently, the current stance in Vietnam appears to lack a definitive perspective on innovation, with a discernible absence of motivation for new developmental endeavours. Presently, the perpetuation of state subsidies and the prevailing dominance of state-owned enterprises contribute to a dearth of strong incentives for businesses to invest in innovation. Moreover, the absence of a comprehensive set of state policies designed to effectively support innovation activities presents a formidable impediment to the growth of innovative businesses. This, in turn, exacerbates the challenges faced by Vietnamese businesses in competing with their foreign counterparts.

The presented bubble chart illustrates the correlation between income level (measured by GDP per capita) and innovation performance (quantified by the Global Innovation Index or GII score). The accompanying trend line illustrates the anticipated innovation performance based on different income levels. Economies situated above this trend line surpass expectations, while those below fall short. A trend emerges from the chart, indicating that the higher the concentration of innovative leaders within a group corresponds, the higher the Gross Domestic Product (GDP). Specifically, the data reveals that a population of 1.4 billion individuals with a GII score of 55 exhibits an average GDP per capita of 20 thousand USD. This observation underscores the positive association between innovation leadership and economic prosperity, as reflected in the higher GDP levels achieved by entities with superior GII scores.

²⁰ Foreign direct investment and Innovation – developing countries // Mendeley Data : [site]. URL: <https://doi.org/10.17632/8ymh93nbsc> (accessed on 10.03.2024).

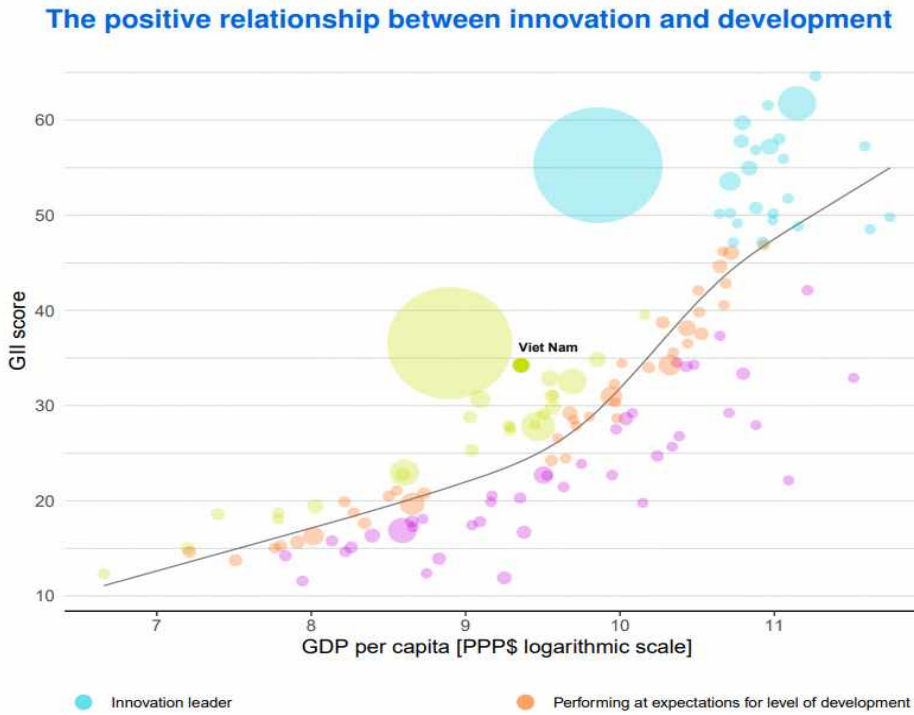

Fig. 11. The positive relationship between innovation and development of Vietnam 2022
Source: Global Innovation Index 2022²¹

Science and Technology human resources attraction policies in Asia

Policies to attract high-quality S&T human resources from abroad for work are among the most important policies of nations. According to Sami Mahroum (2007) [59], S&T human resources in countries are provided in two ways: domestic human resources from primary and university education, research and training centres, and businesses, while international human resources are trained in other countries and attracted to work by domestic organizations. Therefore, the policies to attract human resources in various countries have been implemented from an early stage, starting with the attraction of international students to countries with science and engineering programs [60].

However, alongside efforts to obtain a rich source of brain power from abroad in the field of S&T, nations must also contend with the potential loss of their brain power. This demonstrates the critical role of high-quality S&T human resources, creating a fiercely competitive market among countries in the battle for human resources [61]. Therefore, governments play a significant role in guiding development, promoting domestic science and technology capacity, and setting appropriate priorities for development.

S&T human resources attraction policies of South Korea

Since joining the OECD in 1996, South Korea has emerged as a global hub for science and technology, one of the most advanced digital economies in the world, and a leader in several industries such as electronics, automobiles, steel, and shipbuilding. To mitigate the negative impacts of S&T human resources mobility, the South Korean government has entered into several bilateral agreements with countries like Russia, Japan, and China

²¹ Global Innovation Index 2022 // World Intellectual Property Organization : [site]. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2022/ (accessed on 10.03.2024).

to exchange experts and human resources. Another significant policy in South Korea is the “Internationalization of Science and Technology Initiative,” launched in 2001, aimed at promoting international cooperation and enhancing the global presence of South Korean science and technology. Through this initiative, the South Korean government seeks to promote research exchange, joint projects, and partnerships with international organizations, with a focus on enhancing South Korea’s scientific and technological capacity by engaging with the global scientific community. The two main objectives of the policy demonstrate the brain exchange through the movement of S&T human resources in two directions: first, sending researchers and research students to foreign universities and research institutions for research; second, inviting foreign researchers to work in South Korea and directly participate in research projects and activities. This initiative plays a vital role in shaping South Korea’s research landscape and establishing connections with researchers worldwide.

S&T human resources attraction policies of China

Currently, in China, there is an imbalance in the distribution of science and technology human resources across different regions of the country. Some regions, such as Beijing, Shanghai, Tianjin, and Sichuan, have higher research and development (R&D) intensity compared to other areas. As a result, the Chinese government has introduced various policies to promote the rational redistribution of human resources. These policies aim to reduce domestic scientific and technological resources and regional imbalances while encouraging scientific and technological professionals to engage in commercial activities. The “Guidelines for Implementing the 11th Five-Year National Economic and Social Development Plan” (issued in 2006) emphasizes the importance of enhancing the development of science and technology human resources and cultivating outstanding talents in this field. The central and eastern regions encourage overseas Chinese students to work for their homeland, urging overseas Chinese scientists to serve their homeland and promote the flow of scientific and technological talents. This, in turn, helps develop China’s S&T human resources. Two key initiatives of the national government in the 2006 Long- and Medium-Term Talent Development Plan are the “Thousand Talents Program” and the “Ten Thousand Talents Program,” which were launched in 2008 and 2012, respectively²². Individuals who meet the educational and professional requirements of these programs receive generous financial support for research, entrepreneurship, living expenses, and other forms of assistance. Additionally, the Chinese Academy of Sciences initiated the “Hundred Talents Program,” providing substantial research funding and other support to encourage top Chinese scientists abroad to return to China [62]. As globalization increasingly impacts China’s economy, the Chinese government has realized that, besides accessing Chinese experts overseas, attracting skilled international migrants to China is crucial. Therefore, they are considering and comparing international human resource policies and practices as valuable resources to promote economic growth and innovation, as well as enhance China’s relations with the rest of the world. In the early 2000s, the Chinese government began introducing a series of policies aimed at attracting highly educated and skilled foreign talents to China, including experimenting with “Green Card” policies in Beijing and Shanghai in recent years.

²² K. Drinhausen, H. Legarda. “Comprehensive National Security” unleashed: How Xi’s approach shapes China’s policies at home and abroad // MERICS : [site]. 15.09.2022. URL: <https://merics.org/en/report/comprehensive-national-security-unleashed-how-xis-approach-shapes-chinas-policies-home-and> (accessed on 10.03.2024).

S&T human resources attraction policies of Japan

Intending to develop human resources in S&T, the Japanese government has implemented various policy measures to attract talented human resources from around the world. For instance, Japan established the “Advisory Board on Science and Technology Diplomacy” under the guidance of Minister Kishida in 2014 to discuss measures to promote diplomatic activities in the field of science and technology. Regarding bilateral cooperation, in 2014, Japan joined a joint commission with six countries, including the United States, India, the United Kingdom, Switzerland, based on the Agreement on Science and Technology Cooperation.

To meet the growing global demand for female researchers in science, technology, engineering, and mathematics (STEM) fields, the Tokyo Institute of Technology is making efforts to ensure an academic and research environment where all women can freely pursue their interests, thereby enhancing the female scientific workforce (expanding employment opportunities for female researchers). Furthermore, Japan has various policies to attract foreign researchers and students to work in Japan. For example, postdoctoral fellowships for foreign researchers are offered by the Japan Society for the Promotion of Science (JSPS) to foreign researchers. These fellowships provide financial support for conducting research in Japan and include maintenance allowances, research support allowances, travel allowances, and overseas travel insurance while in Japan. The Japanese government also promotes economic support policies for undergraduate and master's degree students in universities, allowing students to focus entirely on research activities [63].

The status of attracting talents in the field of Science and Technology and policy development in Vietnam: Expert opinions

Experts give the opinion that Vietnam was soon aware and had policies to attract talent in the field of science and technology, such as “National strategy to attract and utilize talents until 2030, vision to 2050”. However, those policies have not been implemented effectively. Talent recruitment policies for the science and technology field are still very formal, heavy on theory, and do not really pay attention to candidates' working abilities and skills. Remuneration policies for talented people in the public sector, mainly through salaries, are still low compared to the private sector. After recruitment, the allocation of science and technology human resources is sometimes not reasonable, leading to ineffectiveness.

Experts suggest that Vietnam's policies to attract talent in the field of science and technology need to continue to improve, focusing on two aspects: reasonable use of talent and the working environment of talent; there also needs a suitable remuneration policy that is competitive with the private and international sectors.

The S&T talents attraction policies in developed Asian nations like South Korea, China, and Japan have specific pros and cons. However, these policies are viewed as references designed for developed nations, potentially unsuitable or competitive for Vietnam, currently undergoing development with diverse socio-economic constraints. In crafting its S&T talent strategy, Vietnam integrates experiences from regional counterparts. Hence, Vietnam needs tailored talent attraction and utilization policies, addressing its unique conditions, including cultural, historical, and situational factors.

According to experts, the success of these policies in Vietnam hinges on the implementation mechanisms and management practices, drawing lessons from other nations to refine their application in reality. Furthermore, policies should demonstrate greater generosity in attracting talents, particularly high-quality individuals, with

an accurate assessment of labor demand aligned with market dynamics and genuine appreciation for scientists. Some experts also recommend studying Singapore's experience as a noteworthy model in Asia, renowned for having the most comprehensive policies for attracting foreign talents globally.

Conclusion

In summary, migration and innovation significantly contribute to the Science and Technology (S&T) and economic development of Asian countries. High-quality human resources, particularly in the S&T sector, have become a top priority in foreign labor attraction policies across nations. Countries analyzed in this study, such as South Korea, Japan, and China, have implemented various policies to attract highly skilled foreign workers. Vietnam, an emerging Asian nation with unique geographical and economic characteristics, has also adopted appropriate policies, continuously attracting many talents to live, study, and work.

References

1. Fassio, C. Skilled Migration and Innovation in European Industries / C. Fassio, F. Montobbio, A. Venturini. *Research Policy*. 2018. Vol. 48, No. 3. Pp. 706–718. DOI [10.1016/j.respol.2018.11.002](https://doi.org/10.1016/j.respol.2018.11.002).
2. Stephan, P. E. Exceptional Contributions to US Science by the Foreign-born and Foreign-educated / P. E. Stephan, S. G. Levin. *Population Research and Policy Review*. 2001. Vol. 20. Pp. 59–79. DOI [10.1023/a:1010682017950](https://doi.org/10.1023/a:1010682017950).
3. Chellaraj, G. The Contribution of International Graduate Students to US Innovation / G. Chellaraj, K. E. Maskus, A. Mattoo. *Review of International Economics*. 2008. Vol. 16, No. 3. Pp. 444–462. DOI [10.1111/j.1467-9396.2007.00714.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9396.2007.00714.x).
4. Hunt, J. How Much Does Immigration Boost Innovation? / J. Hunt, M. Gauthier-Loiselle. *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2010. Vol. 2, No. 2. Pp. 31–56. DOI [10.1257/mac.2.2.31](https://doi.org/10.1257/mac.2.2.31).
5. No, Y. The Importance of Foreign-born Talent for US Innovation / Y. No, J. P. Walsh. *Nature Biotechnology*. 2010. Vol. 28, No. 3. Pp. 289–291. DOI [10.1038/nbt0310-289](https://doi.org/10.1038/nbt0310-289).
6. Kerr, W. R. The Supply Side of Innovation: H-1B Visa Reforms and US Ethnic Invention / W. R. Kerr, W. F. Lincoln. *Journal of Labor Economics*. 2010. Vol. 28, No. 3. Pp. 473–508. DOI [10.1086/651934](https://doi.org/10.1086/651934).
7. Bell, M. *Cross-national Comparisons of Internal Migration: An Update of Global Patterns and Trends. Population Division Technical paper* / M. Bell, E. Charles-Edwards. New York : United Nations, Department of Economic and Social Affairs, 2013. 30 p. DOI [10.13140/RG.2.1.3489.1769](https://doi.org/10.13140/RG.2.1.3489.1769).
8. Iredale, R. R. *Return migration in the Asia Pacific* / R. R. Iredale, F. Guo, S. Rozario. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2003. 232 p. ISBN 1843763036.
9. Skeldon, R. Interlinkages Between Internal and International Migration and Development in the Asian Region. *Population, Space and Place*. 2006. Vol. 12, No. 1. Pp. 15–30. DOI [10.1002/psp.385](https://doi.org/10.1002/psp.385).
10. *International Migration Outlook 2021: The Fiscal Impact of Immigration in OECD Countries since the Mid-2000*. Paris : OECD Publishing, 2021. 442 p. ISBN 978-92-64-99766-0. DOI [10.1787/29f23e9d-en](https://doi.org/10.1787/29f23e9d-en).
11. Stojčić, N. The Impact of Migration Movements on Innovation Activities in Croatian Counties / N. Stojčić, M. Bečić, P. Vojinić. *Društvena istraživanja*. 2016. Vol. 25, No. 3. Pp. 291–307. DOI [10.5559/di.25.3.01](https://doi.org/10.5559/di.25.3.01).
12. Kazakis, P. On the Nexus Between Innovation, Productivity and Migration of US University Graduates. *Spatial Economic Analysis*. 2019. Vol. 14, No. 4. Pp. 465–485. DOI [10.1080/17421772.2019.1636127](https://doi.org/10.1080/17421772.2019.1636127).
13. Ozgen, C. Does Cultural Diversity of Migrant Employees Affect Innovation? / C. Ozgen, C. Peters, A. Nieburh et al. *International Migration Review*. 2018. Vol. 48, No. 1 Pp. 377–416. DOI [10.1111/imre.12138](https://doi.org/10.1111/imre.12138).
14. Schumpeter, J. A. *Capitalism, Socialism and Democracy*. New York : Harper & Row, 1942. 451 p. ISBN 9780415567893.
15. Solow, R. M. Technical Change and the Aggregate Production Function. *The Review of Economics and Statistics*. 1957. Vol. 39, No. 3. Pp. 312–320. DOI [10.2307/1926047](https://doi.org/10.2307/1926047).
16. Borjas, G. J. The Economic Benefits from Immigration. *Journal of Economic Perspectives*. 1995.

Vol. 9, No. 2. Pp. 3–22. DOI [10.1257/jep.9.2.3](https://doi.org/10.1257/jep.9.2.3).

17. Keely, L. C. Exchanging Good Ideas. *Journal of Economic Theory*. 2003. Vol. 111, Issue 2. Pp. 192–213. DOI [10.1016/S0022-0531\(03\)00065-6](https://doi.org/10.1016/S0022-0531(03)00065-6).

18. Hong, L. Groups of Diverse Problem Solvers Can Outperform Groups of High-Ability Problem Solvers / L. Hong, S. E. Page. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 2004. Vol. 101, No. 46. Pp. 16385–16389. DOI [10.1073/pnas.0403723101](https://doi.org/10.1073/pnas.0403723101).

19. Alesina, A. Ethnic Diversity and Economic Performance / A. Alesina, E. La Ferrara. *Journal of Economic Literature*. 2005. Vol. 43, No. 3. Pp. 762–800. DOI [10.1257/002205105774431243](https://doi.org/10.1257/002205105774431243).

20. Freeman, R. B. People Flows in Globalization. *Journal of Economic Perspectives*. 2006. Vol. 20, No. 2. Pp. 145–170. DOI [10.1257/jep.20.2.145](https://doi.org/10.1257/jep.20.2.145).

21. Jacobs, J. *The Economy of Cities*. New York : Random House, 1970. 268 p. ISBN 0394422961.

22. Duranton, G. Nursery Cities: Urban Diversity, Process Innovation, and the Life Cycle of Products / G. Duranton, D. Puga. *American Economic Review*. 2001. Vol. 91, No. 5. Pp. 1454–1477. DOI [10.1257/aer.91.5.1454](https://doi.org/10.1257/aer.91.5.1454).

23. Di Tomaso, N. Workforce Diversity and Inequality: Power, Status, and Numbers / N. Di Tomaso, C. Post, R. Parks-Yancy. *Annual Review of Sociology*. 2007. Vol. 33. Pp. 473–501. DOI [10.1146/annurev.soc.33.040406.131805](https://doi.org/10.1146/annurev.soc.33.040406.131805).

24. Asheim, B. T. Knowledge Bases and Regional Innovation Systems: Comparing Nordic Clusters / B. T. Asheim, L. Coenen. *Research Policy*. 2005. Vol. 34, No. 8. Pp. 1173–1190. DOI [10.1016/j.respol.2005.03.013](https://doi.org/10.1016/j.respol.2005.03.013).

25. Asheim, B. T. The Geography of Innovation: Regional Innovation Systems / B. T. Asheim, M. S. Gertler. In : *The Oxford Handbook of Innovation*. Oxford : Oxford University Press, 2009. Pp. 291–317. DOI [10.1093/oxfordhb/9780199286805.003.0011](https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199286805.003.0011).

26. Iammarino, S. An Evolutionary Integrated View of Regional Systems of Innovation: Concepts, Measures and Historical Perspectives. *European Planning Studies*. 2006. Vol. 13, No. 4. Pp. 497–519. DOI [10.1080/09654310500107084](https://doi.org/10.1080/09654310500107084).

27. Faggian, A. Human Capital Flows and Regional Knowledge Assets: A Simultaneous Equation Approach / A. Faggian, P. McCann. *Oxford Economic Papers*. 2006. Vol. 58, No. 3. Pp. 475–500. DOI [10.1093/oeq/gpl010](https://doi.org/10.1093/oeq/gpl010).

28. Fabricant, S. Manufacturing in the National Economy. In : *Employment in Manufacturing, 1899–1939: An Analysis of Its Relation to the Volume of Production*. Cambridge : NBER, 1942. Pp. 153–168.

29. Salt, J. *International Movements of the Highly Skilled*. OECD Social, Employment and Migration Working Papers, No. 3. Paris : OECD Publishing, 1997. DOI [10.1787/1815199X](https://doi.org/10.1787/1815199X).

30. Stark, O. A Brain Gain with a Brain Drain / O. Stark, C. Helmenstein, A. Prskawetz. *Economics Letters*. 1977. Vol. 55, No. 2. Pp. 227–234. DOI [10.1016/S0165-1765\(97\)00085-2](https://doi.org/10.1016/S0165-1765(97)00085-2).

31. Mayr, K. Brain Drain and Brain Return: Theory and Application to Eastern-Western Europe / K. Mayr, G. Peri. *The B. E. Journal of Economic Analysis & Policy*. 2009. Vol. 9, No. 1. DOI [10.2202/1935-1682.2271](https://doi.org/10.2202/1935-1682.2271).

32. Bhagwati, J. The Brain Drain, International Integration of Markets for Professionals and Unemployment: A Theoretical Analysis / J. Bhagwati, K. Hamada. *Journal of Development Economics*. 1974. Vol. 1, No. 1. Pp. 19–42. DOI [10.1016/0304-3878\(74\)90020-0](https://doi.org/10.1016/0304-3878(74)90020-0).

33. Lucas, R. E. On the Mechanics of Economic Development. *Journal of Monetary Economics*. 1998. Vol. 22, No. 1. Pp. 3–42. DOI [https://doi.org/10.1016/0304-3932\(88\)90168-7](https://doi.org/10.1016/0304-3932(88)90168-7).

34. Khuc, Q. V. Brain Drain out of the Blue: Pollution-Induced Migration in Vietnam / Q. V. Khuc, M. H. Nguyen, T. T. Le et al. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19, No. 6. Article 3645. DOI [10.3390/ijerph19063645](https://doi.org/10.3390/ijerph19063645).

35. Bernstein, J. H. Occupational Continuity and Change Among Immigrant Physicians from the Former Soviet Union in Israel / J. H. Bernstein, J. T. Shuval. *International Migration*. 1996. Vol. 33, No. 1. Pp. 3–25. DOI [10.1111/j.1468-2435.1995.tb00017.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.1995.tb00017.x).

36. Agrawal, A. Brain Drain or Brain Bank? The Impact of Skilled Emigration on Poor-Country Innovation / A. Agrawal, D. Kapur, J. McHale, A. Oettl. *Journal of Urban Economics*. 2011. Vol. 69, No. 1. Pp. 43–55. DOI [10.1016/j.jue.2010.06.003](https://doi.org/10.1016/j.jue.2010.06.003).

37. Constant, A. Return Migration by German Guestworkers: Neoclassical versus New Economic Theories / A. Constant, D. Massey. *International Migration*. 2002. Vol. 40, No. 4. Pp. 5–38. DOI <https://doi.org/10.1111/1468-2435.00204>.

38. McCormick, B. Overseas Work Experience, Savings and Entrepreneurship Amongst Return Migrants to LDC's / B. McCormick, J. Wahba. *Scottish Journal of Political Economy*. 2001. Vol. 48, No. 2. Pp. 164–178. DOI [10.1111/1467-9485.00192](https://doi.org/10.1111/1467-9485.00192).
39. Docquier, F. Globalization, Brain Drain and Development / F. Docquier, H. Rapoport. *Journal of Economic Literature*. 2011. Vol. 50, No. 3. Pp. 681–730. DOI [10.1257/jel.50.3.681](https://doi.org/10.1257/jel.50.3.681).
40. Bhagwati, J. Preface for Symposium on Globalization and the Brain Drain in the Journal of Development Economics. *Journal of Development Economics*. 2011. Vol. 95, No. 1. Pp. 1–3. DOI [10.7916/D8TH8XD7](https://doi.org/10.7916/D8TH8XD7).
41. Boon, E. The Socio-economic Contribution of African Migrants to Their Home and Host Countries: The Case of Ghanaian Residents in Flanders, Belgium / E. Boon, A. Ahenkan. *Journal of International Migration and Integration*. 2012. Vol. 13, No. 3. Pp. 343–363. DOI [10.1007/s12134-011-0201-9](https://doi.org/10.1007/s12134-011-0201-9).
42. Roudgar, I. *The Global Brain Drain: Theory and Evidence*. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publ., 2014. 56 p. ISBN 9783659607523.
43. Freeman, R. B. Immigration, International Collaboration, and Innovation: Science and Technology Policy in the Global Economy. *Innovation Policy and the Economy*. 2015. Vol. 15, No. 1. Pp. 153–175. DOI [10.1086/680062](https://doi.org/10.1086/680062).
44. Luo, Y. L. High-skill Migration and Chinese Taipei's Industrial Development / Y. L. Luo, W. J. Wang. In : *International Mobility of the Highly Skilled*. ISBN 9789264196896.
45. Yoon, B. S. L. Reverse Brain Drain in South Korea: State-Led Model. *Studies in Comparative International Development*. 1992. Vol. 27. Pp. 4–26. DOI [10.1007/BF02687102](https://doi.org/10.1007/BF02687102).
46. Hung, N. T. Những nguyên nhân cơ bản và điều kiện chủ yếu thúc đẩy di cư quốc tế [Fundamental Causes and Major Circumstances Fostering International Migration]. *Tạp chí Khoa học ĐHQGHN, Khoa học Xã hội và Nhân văn [VNU Journal of Science: Social Sciences and Humanities]*. 2012. Vol. 28, No. 3. Pp. 148–157. ISSN 2354-1172. (In Viet.).
47. *World Migration Report 2022*. Geneva : International Organization for Migration, 2022. 540 p. ISBN 978-92-9268-078-7.
48. *Attracting Skilled International Migrants to China: A Review and Comparison of Policies and Practices*. Beijing : ILO Country Office for China and Mongolia, 2017. 124 p. ISBN 978-92-2-119794-2.
49. Chung, S. Excelsior the Korean Innovation Story. *Issues in Science and Technology*. 2007. Vol. 24, No. 1. Article 63. ISSN 0748-5492.
50. Odagiri, H. Advance of Science-Based Industries and the Changing Innovation System of Japan. In : *Asia's Innovation Systems in Transition* / B.-Å. Lundvall, P. Intarakumnerd, J. Vang (eds.) Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2006. Pp. 200–226. ISBN 978-1-84542-713-9.
51. Gelb, S. *Technology, Migration and the 2030 Agenda for Sustainable Development* / S. Gelb, A. Krishnan. London : Overseas Development Institute, 2018. 20 p.
52. Arrow, K. J. The Economic Implications of Learning by Doing. *The Review of Economic Studies*. 1962. Vol. 29, No. 3. Pp. 155–173. DOI [10.2307/2295952](https://doi.org/10.2307/2295952).
53. Romer, P. M. The Origins of Endogenous Growth. *Journal of Economic Perspectives*. 1994. Vol. 8, No. 1. Pp. 3–22.
54. Grossman, G. M. Endogenous Innovation in the Theory of Growth / G. M. Grossman, E. Helpman. *Journal of Economic Perspectives*. 1994. Vol. 8, No. 1. Pp. 23–44.
55. Freire, C. Economic Diversification: A Model of Structural Economic Dynamics and Endogenous Technological Change. *Structural Change and Economic Dynamics*. 2019. Vol. 49. Pp. 13–28. DOI [10.1016/j.strueco.2019.03.005](https://doi.org/10.1016/j.strueco.2019.03.005).
56. Crescenzi, R. R&D, Social-economic Conditions, and Regional Innovation in China and India / R. Crescenzi, A. Rodriguez-Pose. *Growth and Change*. 2013. Vol. 44, No. 2. Pp. 1055–1085. DOI [10.1111/grow.12011](https://doi.org/10.1111/grow.12011).
57. Yang, C. H. Why Does Regional Innovative Capability Vary so Substantially in China? The Role of Regional Innovation Systems / C. H. Yang, C. H. Chia-Min Lee, C. A. Lin. *Asian Journal of Technology Innovation*. 2012. Vol. 20, No. 2. Pp. 239–255. DOI [10.1080/19761597.2012.741393](https://doi.org/10.1080/19761597.2012.741393).
58. Mahroum, S. Assessing Human Resources for Science and Technology: The 3Ds Framework. *Science and Public Policy*. 2007. Vol. 34, No 7. Pp. 489–499. DOI [10.3152/030234207X244838](https://doi.org/10.3152/030234207X244838).
59. Dang, K. K. L. High-Quality S&T Human Resources Social Mobility in Vietnamese Universities: The Case of Vietnam National University, Hanoi and Vietnam National University, Ho Chi Minh City / K. K. L. Dang, T. N. A. Nguyen, T. T. Nguyen. *VNU Journal Of Science: Policy And Management Studies*. 2019.

Vol. 35, No. 1. Article 4173. DOI [10.25073/2588-1116/vnupam.4173](https://doi.org/10.25073/2588-1116/vnupam.4173).

60. Nguyen, H. T. Current Situation of High-Quality Human Resources in FDI Enterprises in Vietnam-Solutions to Attract and Maintain / H. T. Nguyen, M. N. Nguyen, B. H. A. Dinh. *International Journal of Multidisciplinary Research and Growth Evaluation*. 2021. Vol. 2, Issue 1. Pp. 31–38. ISSN 2582-7138.

61. Jon, J. E. Internationalization of Higher Education in Korea: Policy Trends Toward the Pursuit of the SDGs / J. E. Jon, S. S. Yoo. *International Journal of Comparative Education and Development*. 2021. Vol. 23, No. 2. Pp. 120–135. DOI [10.1108/ijced-10-2020-0073](https://doi.org/10.1108/ijced-10-2020-0073).

62. Shimauchi, S. The Influence of Internationalization Policy on Master's Education in Japan : A Comparison of “Super Global” and Mass-Market Universities / S. Shimauchi, Y. Kim. *High Education Policy*. 2020. Vol. 33. Pp. 689–709. DOI [10.1057/s41307-020-00204-y](https://doi.org/10.1057/s41307-020-00204-y).

Bio notes:

Huong Lan Do, PhD, Associate Professor, Vice Director, Center for Social innovation and Entrepreneurship, National Economics University, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: landh@neu.edu.vn; ORCID ID: [0000-0001-7586-0767](https://orcid.org/0000-0001-7586-0767); Web of Science Researcher ID: [AGQ-4454-2022](https://orcid.org/AGQ-4454-2022); Scopus Author ID: [57222965237](https://orcid.org/57222965237).

Bao Ngoc Phung, Student, National Economics University, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: pbnhoc.yes@gmail.com; ORCID ID: [0009-0007-2035-063X](https://orcid.org/0009-0007-2035-063X).

Le My Nguyen, Student, National Economics University, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: lemy.contactforwork@gmail.com; ORCID ID: [0009-0009-9113-3151](https://orcid.org/0009-0009-9113-3151).

Linh Linh Ly, Student, National Economics University, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: lylinhlinh04@gmail.com; ORCID ID: [0009-0004-8091-5290](https://orcid.org/0009-0004-8091-5290).

Minh Khue Luong, Student, National Economics University, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: luongminhkhue2122004@gmail.com; ORCID ID: [0009-0003-8128-813X](https://orcid.org/0009-0003-8128-813X).

Phuong Thao Pham, Student, National Economics University, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: ppthao0625@gmail.com; ORCID ID: [0009-0002-6775-2672](https://orcid.org/0009-0002-6775-2672).

Received on 29.02.2024; accepted for publication on 30.04.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

МИГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИЙ: ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ В АЗИАТСКИХ СТРАНАХ И ОПЫТА ВЬЕТНАМА В ЭТОЙ ОБЛАСТИ

До Хьонг Лан

Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам

E-mail: landh@neu.edu.vn

Фунг Бао Нгок

Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам

E-mail: pbnhoc.yes@gmail.com

Нгуен Ле Ми

Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам

E-mail: lemy.contactforwork@gmail.com

Ли Линь Линь*Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам**E-mail: lylinhlinh04@gmail.com***Луонг Минь Хуэ***Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам**E-mail: luongminhkhue2122004@gmail.com***Фам Фуонг Тао***Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам**E-mail: ppthao0625@gmail.com*

Для цитирования: До, Хыонг Лан. Миграция в контексте инноваций: исследование политики привлечения научно-технических кадров в азиатских странах и опыта Вьетнама в этой области / Хыонг Лан До, Нгок Фунг Бао, Ле Ми Нгуен [и др.] // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 2. С. 21–43. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.2](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.2). EDN [DUSIGT](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.2).

Аннотация. В условиях глобализации миграция все чаще оказывается в центре международных дискурсов. В рамках настоящей работы авторы провели исследование влияния миграции в контексте инноваций, сосредоточив свое внимание на привлечении высококвалифицированных человеческих ресурсов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, особенно в области науки и технологий. Данная статья кратко излагает ключевые теории касательно трудовой миграции в контексте инноваций, предоставляя обзор обмена между странами высококвалифицированными человеческими ресурсами через привлечение научных и технологических кадров. Кроме того, статья отражает влияние миграции на развитие науки и технологий, а также ее экономические последствия. Для проведения исследования авторы использовали два основных метода: качественное исследование (интервью с экспертами) и количественное исследование (анализ композитных индексов активности организаций, специализирующихся на миграции и инновациях). Статья акцентирует внимание на трех азиатских странах: Южной Корее, Китае и Японии, которые преуспели в развитии и улучшении своего уровня научных и технологических навыков, а также стратегий привлечения квалифицированного персонала. Политика, направленная на привлечение и использование высококачественных кадров, определена как решающий фактор для их прогресса. В тесном сотрудничестве с экспертами авторы предлагают рекомендации по привлечению качественных человеческих ресурсов в области науки и технологий во Вьетнам для правительства страны, бизнеса, образовательных учреждений и общества.

Ключевые слова: инновации, миграция, наука и технологии, человеческие ресурсы, таланты

Сведения об авторах:

До Хыонг Лан, доктор PhD, доцент, заместитель директора, Центр социальных инноваций и предпринимательства, Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: landh@neu.edu.vn; ORCID ID: [0000-0001-7586-0767](https://orcid.org/0000-0001-7586-0767); Web of Science Researcher ID: [AGQ-4454-2022](https://orcid.org/AGQ-4454-2022); Scopus Author ID: [57222965237](https://orcid.org/57222965237).

Фунг Бао Нгок, студент, Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: pbngoc.yes@gmail.com; ORCID ID: [0009-0007-2035-063X](https://orcid.org/0009-0007-2035-063X).

Нгуен Ле Ми, студент, Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: lemy.contactforwork@gmail.com; ORCID ID: [0009-0009-9113-3151](https://orcid.org/0009-0009-9113-3151).

Ли Линь Линь, студент, Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: lylinhlinh04@gmail.com; ORCID ID: [0009-0004-8091-5290](https://orcid.org/0009-0004-8091-5290).

Луонг Минь Хуэ, студент, Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: luongminhkhue2122004@gmail.com; ORCID ID: [0009-0003-8128-813X](https://orcid.org/0009-0003-8128-813X).

Фам Фуонг Тао, студент, Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: ppthao0625@gmail.com; ORCID ID: [0009-0002-6775-2672](https://orcid.org/0009-0002-6775-2672).

Статья поступила в редакцию 29.02.2024; принята в печать 30.04.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ЗДОРОВЬЕ, САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И СМЕРТНОСТЬ

DOI [10.19181/demis.2024.4.2.3](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.3)

EDN [EIRBSK](https://eirbsk.ru)

ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ МЛАДЕНЧЕСКОЙ СМЕРТНОСТИ В МОСКВЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Савина А. А.

*НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Россия
E-mail: medstatistika@mail.ru*

Землянова Е. В.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: zem_lena@mail.ru*

Для цитирования: Савина, А. А. Динамика показателей младенческой смертности в Москве в период пандемии COVID-19 / А. А. Савина, Е. В. Землянова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 2. С. 44–57. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.3](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.3). EDN [EIRBSK](https://eirbsk.ru).

Аннотация. Пандемия COVID-19 оказала существенное воздействие на различные аспекты общественного здоровья и систему здравоохранения, а также на население всех возрастных групп. Младенческая смертность – это важнейший показатель, отражающий общее состояние здоровья, равно как и качество жизни, и оказания медицинской помощи населению. В статье представлен подробный анализ случаев, структуры и причин младенческой смертности по данным Росстата за 2000–2022 гг. Кроме того, дана оценка воздействия пандемии COVID-19 на формирование столичного показателя в эти годы, ввиду чего при анализе ряда показателей смертности за «базовый» был принят 2019 г. Целью настоящего исследования явилось определение степени воздействия пандемии COVID-19 на формирование показателей младенческой смертности в столице. Авторами проведен статистический анализ официальных данных Росстата о младенческой смертности в Москве и Российской Федерации в целом с разбивкой по периодам, полу, классам и отдельным причинам смерти. Установлено, что в 2019–2022 гг. коэффициент младенческой смертности в столице устойчиво снижался, в том числе и в первый год пандемии COVID-19. В 2022 г. показатель младенческой смертности в Москве составил 3,5 на 1 тыс. родившихся живыми, что ниже среднероссийского на 21%, хотя до 2019 г. темп снижения в РФ был выше на 13,7 п.п. Следует отметить, что младенческая смертность в столице в 2022 г. по сравнению с 2021 г. снизилась на 2,8%, а по России в целом – на 3,3%. Согласно данным Росстата, снижение младенческой смертности в 2022 г. произошло в основном за счет показателя у мальчиков: в Москве снижение составило 7,1%, а в целом по стране смертность среди мальчиков снизилась на 5,9%. У девочек в Москве в 2022 г. показатель младенческой смертности уменьшился на 1,7%, а в целом по Российской Федерации – всего лишь на 0,8%. В отличие от выраженного роста показателей смертности в других возрастных группах в годы пандемии коэффициент младенческой смертности в Москве устойчиво снижался и в 2022 г. составил 3,5 на 1 000 родившихся живыми, что ниже среднероссийского на 21%. Снижение младенческой смертности в столице происходило в первую очередь за счет младенцев мужского пола. Выявленный рост ранней неонатальной смертности от неонатального сахарного диабета, от других врожденных аномалий нервной системы и системы кровообращения, а также рост доли умерших младенцев с нормальной массой тела вызывает

серьезную озабоченность и требует принятия специальных мер. Вместе с тем пандемия COVID-19 не оказала сколько-нибудь существенного влияния на младенческую смертность в Москве.

Ключевые слова: младенческая смертность, неонатальная смертность, ранняя неонатальная смертность, Москва

Введение

7 мая 2018 г. Президент РФ подписал Указ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Во исполнение Указа был разработан целый ряд национальных проектов, в частности национальный проект «Здравоохранение», в котором одним из важнейших целевых ориентиров является снижение младенческой смертности до 4,5 случаев на 1 тыс. родившихся живыми [1]. В рамках национального проекта «Здравоохранение» каждый субъект РФ разработал собственную региональную программу «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям». Московская программа претворяется в жизнь в рамках подпрограммы «Охрана здоровья матери и ребенка» государственной программы города Москвы «Развитие здравоохранения города Москвы (Столичное здравоохранение)». Программа направлена на снижение младенческой смертности в столице к 2024 г. до 4,4 случая на 1 000 родившихся живыми, а также на повышение доступности и качества медицинской помощи на всех этапах ее оказания и профилактику заболеваемости детей первого года жизни.

Младенческая смертность требует особого внимания, поскольку высокий уровень смертности среди детей в возрасте от рождения до 1 года оказывает влияние на показатели ожидаемой продолжительности жизни населения [2; 3]. Данная проблема вызывает серьезную озабоченность и требует дополнительного изучения. По информации Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), на долю новорожденных до 1 года приходится 40% всех случаев смерти детей в возрасте до 5 лет. К основным причинами неонатальной смертности относятся: врожденные пороки развития, родовые травмы, пневмонии новорожденных (исключая врожденную). Соотношение этих причин различается в зависимости от уровня жизни и состояния здравоохранения в части родовспоможения [4].

Исследование причин младенческой смертности позволяет определить приоритетные направления для снижения данного показателя [5]. Анализ смертности детей до 1 года дает возможность получить более полную картину демографической ситуации в столице в целом [6]. Снижение младенческой смертности окажет влияние на величину показателя естественного прироста, поскольку резервы роста рождаемости в настоящее время незначительны, а резервы снижения смертности весьма существенны [7].

Материалы и методы

Исследование уровней младенческой смертности, структуры причин и распределения по полу было проведено по официальным публикациям открытых данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат), использовались бюллетени «Естественное движение населения Российской Федерации»¹ (ЕДН) за 2010–2022 гг. Существенным ограничением данного исследования стало наличие разных временных интервалов в аналитике показателей младенческой смертности, которые

¹ Демография // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 25.05.2023).

зависели от даты начала их публикации Росстатом. В своем исследовании авторы руководствовались максимально доступным периодом некоторых показателей младенческой смертности, опубликованных Росстатом.

Проведен статистический анализ официальных данных Росстата о младенческой смертности в Москве и Российской Федерации в целом. Анализ статистических данных проводился с разбивкой по периодам, полу, классам и отдельным причинам смерти.

Результаты

На протяжении длительного периода коэффициент младенческой смертности как в Москве, так и в Российской Федерации в целом довольно устойчиво снижался, что свидетельствует о серьезных достижениях в сфере охраны материнства и детства. Исключение составил 2012 г., когда Россия перешла на новые критерии живорождения, предложенные ВОЗ, и за этим переходом последовал технический рост показателей младенческой смертности. Однако уже в 2014 г. показатели вернулись к уровню 2011 г. и далее продолжили свое снижение.

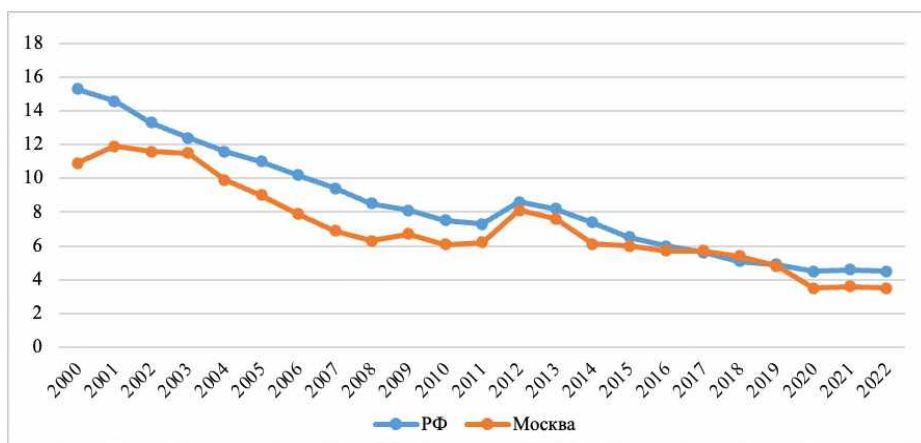

Рис. 1. Динамика показателя младенческой смертности, на 1 тыс. родившихся живыми, 2000–2022 гг.

Fig. 1 Infant mortality dynamics, per 1 000 live births, 2000–2022

Источник: составлено авторами по данным Росстата²

Кроме того, в долгосрочной динамике столичные уровни младенческой смертности всегда были ниже среднероссийских за исключением 2017–2018 гг., но справедливости ради, следует сказать, что данное превышение было невелико и составило в указанные годы 1,8% и 6,1% и, скорее всего, было связано с более интенсивными среднероссийскими темпами снижения младенческой смертности (рис. 1).

Позитивная динамика младенческой смертности в Москве имеет устойчивый характер, несмотря на то что многие беременные с тяжелой патологией матери или плода специально приезжают в столицу в надежде на благополучное родоразрешение или для лечения новорожденных в высокотехнологичных медицинских центрах. К сожалению, это не всегда дает положительный результат.

² Демография // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 25.05.2023).

Данные Росстата показывают, что уровень младенческой смертности в 2021 г. в Москве составил 3,6 на 1 тыс. родившихся, что оказалось ниже среднероссийского уровня (4,6 на 1⁰⁰⁰ родившихся живыми, соответственно), хотя темп его снижения до 2019 г. в России был выше почти на 13,7 п. п. Согласно данным официальной статистики, в 2021 г. уровень младенческой смертности вырос в столице на 2,9% за счет годового прироста показателя у мальчиков на 22,8%, при этом по стране в целом смертность возросла на 2,0%, тоже в основном за счет мальчиков (+5,2%). У девочек в Москве в 2021 г. показатель младенческой смертности снижался (-11,4%), но по России он оставался стабильным (+1%). По данным Росстата, в 2022 г. младенческая смертность в Российской Федерации составила 4,4 на 1⁰⁰⁰ родившихся живыми, а в столице – 3,5. Проведенный анализ показал, что в Москве у девочек этот показатель снизился до 3,0, а у мальчиков – до 4,1 на 1 тыс. родившихся живыми (рис. 2).

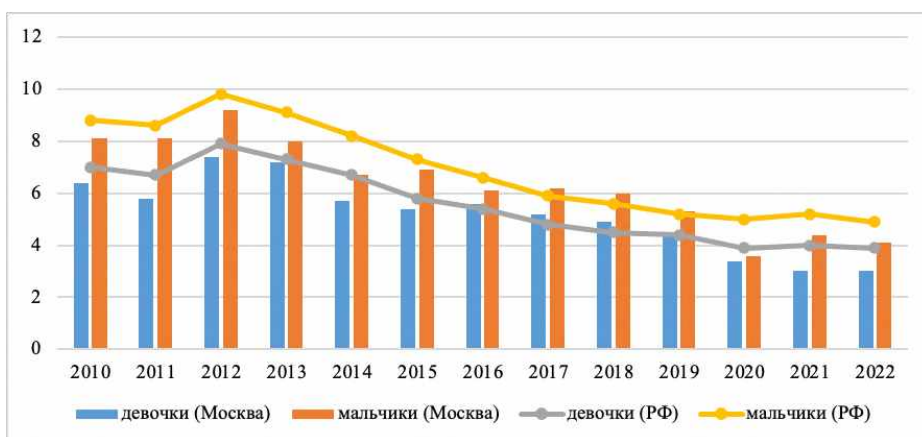

Рис. 2. Динамика младенческой смертности в г. Москве и Российской Федерации по полу, на 1 тыс. родившихся живыми, 2010–2022 гг.

Fig. 2 Infant mortality dynamics in Moscow and the Russian Federation by gender, per 1 000 live births, 2010–2022

Источник: составлено авторами по данным Росстата³

Для разработки и реализации профилактических мероприятий в сфере охраны материнства и детства необходимо учитывать структуру причин младенческой смертности. Анализ структуры по основным классам причин смерти младенцев указал на то, что на протяжении всего исследуемого периода с 2010 по 2022 гг. как в России в целом, так и в Москве основная доля смертей детей первого года жизни произошла по следующим причинам: отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде, и различные врожденные аномалии. При этом доли смертей от перинатальных причин и в стране, и в столице различались незначительно – в целом по России их доля в структуре смертности составляла от 46% до 56%, а в Москве – от 41% до 54%. В базовом 2019 г. доля перинатальных причин в РФ была 51,3%, а в столице – 44,4%. В первый год пандемии доли данной группы причин возросли, причем в стране в целом рост оказался незначительным – на 1,2 п. п., а вот в Москве весьма существенным – на 4,7 п. п. В 2021–2022 гг. их доля снизилась и составила по итогам

³ Демография // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 25.05.2023).

2022 г. в РФ и Москве 48,6% и 44,6% соответственно.

В то же время в России по сравнению с Москвой значительно ниже доли смертей младенцев от врожденных аномалий. За 2010–2022 гг. в России таковые составляли от 21% до 25%, а в Москве – от 35% до 47%. В 2019 г. доля таких причин по стране в целом равнялась 21,2%, и за 2020–2022 гг. она практически не изменилась. В столице же в 2019 г. доля врожденных аномалий составляла 42,5%, в 2020 г. она существенно уменьшилась – до 34,9%, в 2021 г. возросла до 42,1%, а в 2022 г. опять снизилась до 39,3%.

Таким образом, в Москве на фоне общего снижения младенческой смертности динамика смертности от врожденных аномалий носила неустойчивый характер.

Рассмотрим вклад других основных причин младенческой смертности. Итак, доли инфекционных и паразитарных болезней в структуре младенческой смертности в РФ в целом была в 2–4 раза выше, чем в столице, и этот разрыв сохранялся на протяжении всего исследуемого периода. В 2019 г. их вклад в РФ был равен 3,9%, в Москве – 1,2%. В первый год пандемии вклад инфекций в младенческую смертность в стране снизился, в то время как в Москве он возрос. В 2021 г. тенденции оказались противоположными. 2022 г. продемонстрировал рост смертности от инфекций: их вклад в структуру составил в РФ 4,5%, в столице – 1,6%.

Аналогичный характер динамики продемонстрировал и класс болезней органов дыхания (БОД). Их роль в структуре младенческой смертности как в целом по стране, так и в Москве была несколько выше, чем вклад инфекций и паразитарных болезней. В 2019 г. доля БОД в структуре младенческой смертности по РФ составила 4,7%, а в столице 1,7%. В первый год пандемии COVID-19 вклад болезней органов дыхания в структуру смертности младенцев в России в целом несколько снизился – до 4,2%, но при этом в Москве он возрос до 2,9%. За 2021–2022 гг. смертность детей до 1 года от БОД в стране выросла, и их доля в структуре по итогам 2022 г. составила 5,4%, в Москве же наоборот заметно снизилась до 1,1% в том же году.

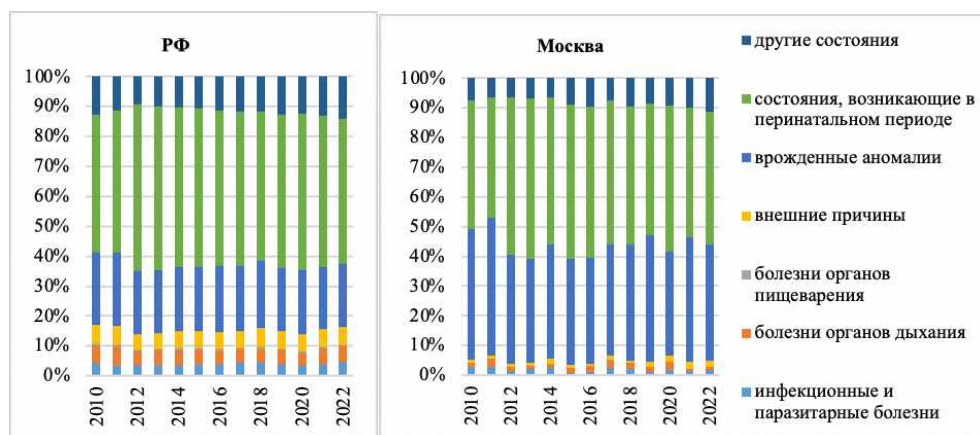

Рис. 3. Динамика структуры младенческой смертности в г. Москве и Российской Федерации, 2010–2022 гг. (%)

Fig. 3. Dynamics of infant mortality structure in Moscow and the Russian Federation, 2010–2022 (%)

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁴

⁴ Демография // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 25.05.2023).

Следует особо отметить такой класс причин смерти детей первого года жизни, как болезни органов пищеварения. В целом по стране их вклад в структуру на протяжении всего исследуемого периода не достигал 1%, а в Москве случаев смерти младенцев от данного класса причин вообще зарегистрировано не было.

Хуже обстоит ситуация со смертностью младенцев от внешних причин. Если в Москве их вклад в структуру младенческой смертности в 2010–2022 гг. был равен 1–2%, то по стране – 5–6,5%. И пандемия 2020–2021 гг. никакого влияния на такие показатели не оказала (рис. 3).

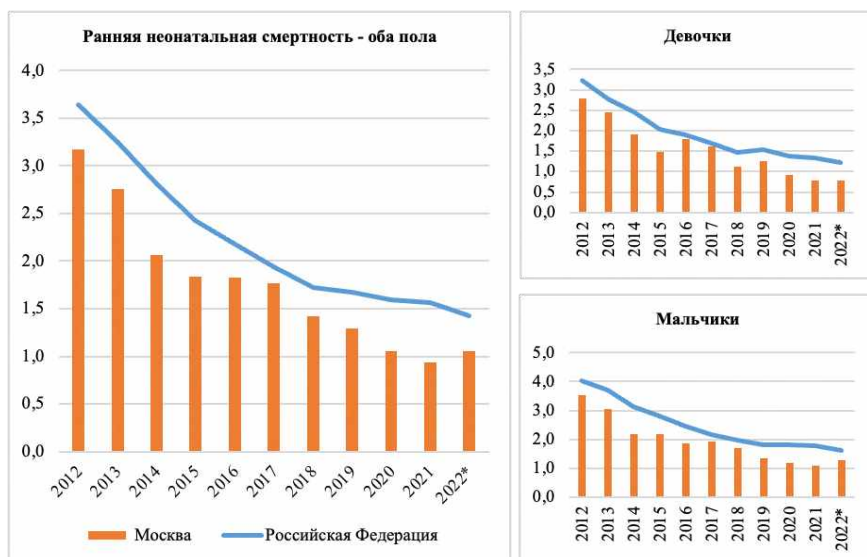

Рис. 4. Динамика показателя ранней неонатальной смертности в г. Москве и Российской Федерации, на 1 000 родившихся живыми, 2012–2022 гг.

Fig. 4. Dynamics of early neonatal mortality in Moscow and in the Russian Federation, per 1 000 live births, 2012–2022

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁵; * – рассчитано авторами

В соответствии с международными критериями в Российской Федерации с 1 января 2012 г. к ранней неонатальной смерти стали относиться случаи смерти детей, родившихся при сроке гестации 22 недели и более, с массой тела 500 г и больше и умерших в первые 168 часов жизни после рождения. По официальным данным Росстата, показатель ранней неонатальной смертности в России за 11 лет сократился более чем в 2 раза. Такой уровень снижения показателя соответствует долгосрочной позитивной тенденции и в Москве. Уровень ранней неонатальной смертности в столице на 43% ниже, чем в среднем по стране. Следует отметить, что для мальчиков характерен более высокий уровень показателя, чем для девочек. В 2021 г. уровень ранней неонатальной смертности среди мальчиков по РФ был выше, чем у девочек, примерно на треть, а в столице – на 40%. Согласно данным Росстата, в Москве уровень ранней неонатальной смертности в 2022 г. составил 1,05 на 1 тыс. родившихся живыми, при этом у девочек показатель остался на уровне 0,78, а у мальчиков – 1,29 (годовой при-

⁵ Демография // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 25.05.2023).

рост к уровню 2021 г. составил 18%), то есть показатель вернулся к близкому значению 2019 г. (рис. 4).

В результате перехода на новые критерии живорождения ВОЗ в 2012 г. 2/3 неонатальных смертей (66,8%) приходилось на недоношенных младенцев. За весь исследуемый период вклад недоношенных в структуру неонатальной смертности сократился на 5%.

Таблица 1

Динамика смертности детей от 0 до 6 дней и мертворожденных по отдельным причинам смерти в Москве, 2012–2021 гг. (%)

Table 1

The dynamics of early neonatal mortality 0–6 days and stillbirths due to certain causes of death in Moscow, 2012–2021 (%)

Отдельные причины смерти детей		Темп роста/убыли (%)
Родовая травма		-100
Асфиксия	плода антенатальная	-43,7
	плода интранатальная	-86,9
	новорожденного	-88,5
Респираторный дистресс новорожденного (болезнь гиалиновых мембран, др. респираторный дистресс)		-15,8
Врожденная пневмония инфекционная (исключая аспирационную)		-61,1
Другие респираторные состояния новорожденного		-100,0
Бактериальный сепсис новорожденного		-58,3
Инфекции плода и новорожденного специфичные для перинатального периода		-89,8
Кровотечение у плода и новорожденного		-77,8
Гемолитическая болезнь		-71,4
Эндокринные, метаболические и другие нарушения, специфичные для перинатального периода	Сахарный диабет у матери, неонатальный сахарный диабет (НСД)	+33,3
	Другие нарушения, специфичные для перинатального периода	-81,0
Врожденные гидроцефалии и Spina Bifida		-77,8
Анэнцефалия и подобные аномалии		-33,3
Другие врожденные аномалии нервной системы		+120,0
Врожденные аномалии сердца		-45,6
Другие врожденные аномалии системы кровообращения		+10,0
Синдром Дауна и другие хромосомные аномалии		-13,3
Врожденные аномалии органов пищеварения		-100,0
Врожденные аномалии мочевыделительной системы		-66,7
Другие виды врожденных аномалий		-49,2
Итого по всем представленным причинам смерти (форма А05 Росстата)		-53,6

Источник: составлено авторами по данным Росстата (форма А-05)⁶

По информации Росстата, в годы пандемии COVID-19 снизились как абсолютное число новорожденных, умерших в первые 168 часов жизни, так и сам показатель ранней неонатальной смертности. В статистических формах А-05 Росстата за 2020–2021 гг. нет информации о смерти новорожденных от новой коронавирусной инфекции. В табл. 1 представлены сформировавшиеся в 2012–2021 гг. тенденции по отдельным нозологиям, которые послужили причинами смерти детей 0–6 дней, а

⁶ Демография // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 25.05.2023).

также мертворождений в Москве. Проведенный анализ показал, что в течение 10 лет наблюдается устойчивое снижение смертности практически по всем нозологическим формам среди детей 0–6 дней. Исключение составили сахарный диабет матери и неонатальный сахарный диабет (+33,3%), другие врожденные аномалии нервной системы (+120,0%) и иные врожденные аномалии системы кровообращения (+10,0%).

Анализ данных о причинах ранней неонатальной смертности позволил установить, что происходит снижение роли таких респираторных нарушений, как врожденная пневмония и так называемых других респираторных состояний. Также снизились структурные доли инфекций, включая врожденный сепсис. По мнению авторов настоящей статьи, это свидетельствует об отсутствии непосредственного влияния инфицирования SARS-CoV-2 при наличии COVID-19 у беременных и SARS-CoV-2 у новорожденных [8; 9]. Чтобы получить полное представление о роли COVID-19 в генезе ранней неонатальной смертности, нужно располагать сведениями статистического учета не только по первоначальной причине смерти, но и по другим заболеваниям, входящих в том числе в рубрику комбинированного основного заболевания (сочетанных, конкурирующих). Кроме того, для определения истинной роли COVID-19 необходимо проводить клинко-патологоанатомический анализ каждого летального исхода у новорожденных с последующим обобщением.

В процессе исследования были проанализированы сведения о детях, умерших в возрасте 0–6 дней, по массе тела при рождении в Москве. Был выбран период с 2012 г., поскольку с этого года Росстат предоставляет данные об умерших новорожденных по массе тела при рождении (рис. 5).

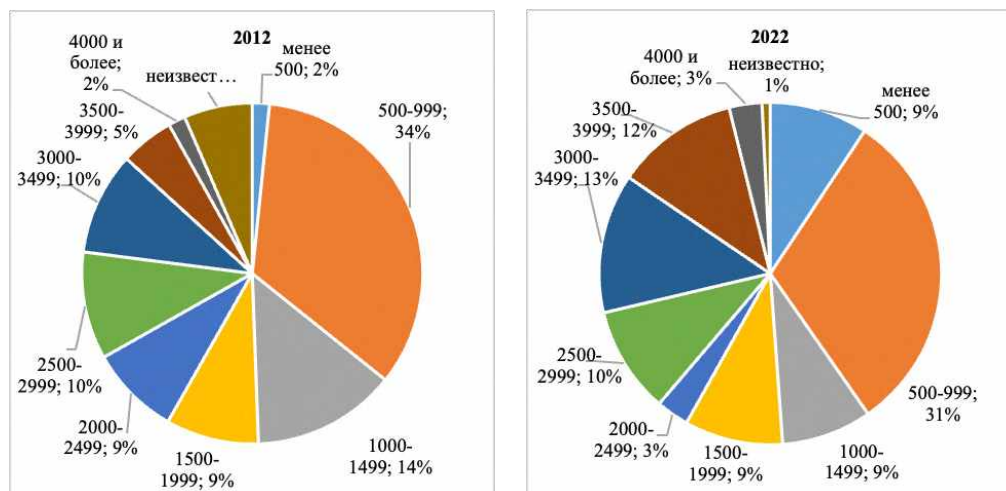

Рис. 5. Структура умерших детей в возрасте 0–6 дней по массе тела при рождении в г. Москве, 2012 г. и 2022 г. (%)

Fig. 5. Structure of early neonatal deaths 0–6 days by birth weight in Moscow, 2012 and 2022 (%)

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁷

⁷ Демография // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 25.05.2023).

Анализ динамики структуры смертности по массе тела показал, что за 2012–2022 гг. в столице выросла доля умерших младенцев с нормальной массой тела (3000 г и выше). Так, доля младенцев, чья масса тела при рождении составляла 3 000–3 499 г, выросла на 3 п. п. Доля умерших детей с массой тела 3 500–3 999 г увеличилась существенно – на 7 п. п., доля смертей младенцев с массой тела 4 000 г и более выросла на 1 п. п. При этом доля умерших детей 0–6 дней, масса тела которых при рождении не была установлена, в 2022 г. составила лишь 1%. Следует отметить, что максимальный рост долевого участия наблюдался у умерших детей с массой тела при рождении 3 500–3 999 г у мальчиков на 7 п. п. и у девочек на 5 п. п., т. е. младенцев с нормальной массой тела при рождении.

Исследование данных неонатальной смертности (0–27 дней включительно), проведенное по данным формы А12 Росстата за 2019–2022 гг., продемонстрировало, что в целом по РФ показатель неонатальной смертности снизился на 13,5%. В Москве этот показатель за 4 года сократился на 24%. Такое снижение в основном обусловлено более значительным уменьшением уровня показателя среди девочек. Так, с 2019 по 2022 гг. в среднем по РФ темп снижения неонатальной смертности среди девочек составил -16%, а в столице – -35%. У мальчиков за рассматриваемый период снижение было чуть менее выраженным, как в целом в РФ – 11%, так и в столице – 14% (рис. 6).

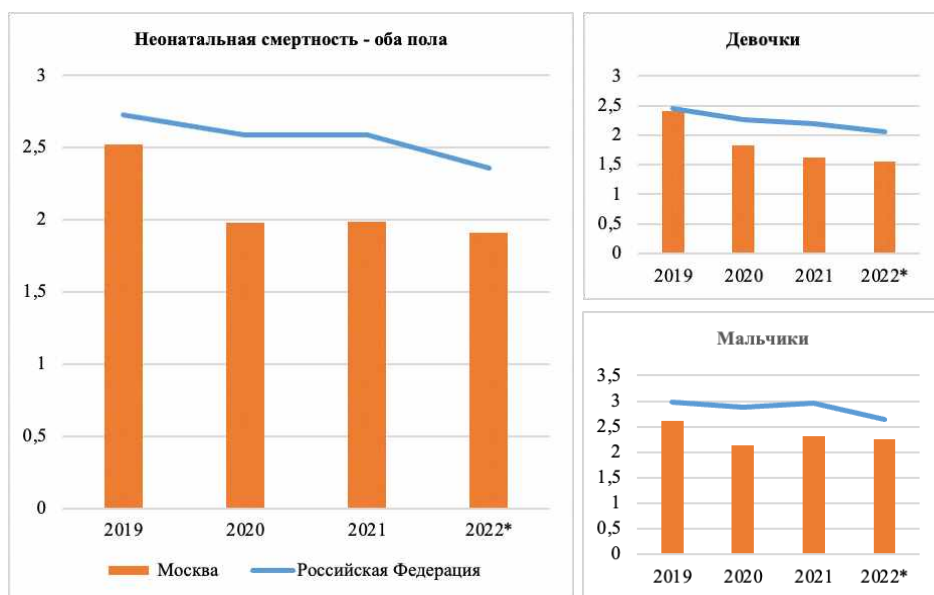

Рис. 6. Динамика неонатальной смертности в Российской Федерации и г. Москве, 2019–2022 гг., на 1 000 родившихся живыми соответствующего пола

Fig. 6. Dynamics of neonatal mortality in the Russian Federation and in Moscow in 2019–2022, per 1 000 live births by sex

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁸; * – рассчитано авторами

⁸ Демография // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 25.05.2023).

Обсуждение

Младенческая смертность в Москве имеет устойчивую тенденцию к снижению, это относится и ко всем ее структурным составляющим: неонатальной, ранней и поздней неонатальной смертности⁹.

Показатели младенческой смертности в столице на протяжении длительного периода значительно ниже среднероссийских, что подтверждено результатами настоящего исследования. Пандемия COVID-19 не оказала существенного влияния на младенческую смертность в Москве. В противовес росту показателей смертности в других возрастных группах в годы пандемии коэффициент младенческой смертности в столице устойчиво снижался и в 2022 г. составил 3,5 на 1 000 родившихся живыми, что ниже среднероссийского (4,5‰) на 21%. Исследование показало, что снижение младенческой смертности в Москве происходило в первую очередь за счет младенцев мужского пола.

Анализ структуры причин младенческой смертности в РФ и в столице указал на то, что ведущими здесь являются отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде, врожденные пороки развития и хромосомные нарушения, что подтверждается работами других авторов [10]. На фоне роста эффективности оказания акушерско-гинекологической и перинатальной помощи на первое место в структуре младенческой смертности выходят врожденные пороки развития и хромосомные аномалии, что и демонстрируют показатели в столице. Доля врожденных аномалий в структуре младенческой смертности в Москве на протяжении длительного периода (2010–2022 гг.) почти вдвое выше среднероссийского уровня – по данным 2022 г., 39% против 21%. В первую очередь это объясняется снижением смертности детей первого года жизни от других причин [11].

Изучение смертности детей от 0 до 6 дней по отдельным причинам смерти в столице позволило выявить рост смертности младенцев от неонатального сахарного диабета на 33%, других врожденных аномалий нервной системы в 1,2 раза и других врожденных аномалий системы кровообращения на 10%. Оценка динамики структуры смертности по массе тела показала, что за 11 лет в столице выросла доля умерших младенцев с нормальной массой тела. Полученные данные вызывают серьезную озабоченность и требуют проведения дополнительных углубленных исследований и принятия специальных мер со стороны акушерско-гинекологической и перинатальной служб для решения данной проблемы.

Стремительное развитие неонатологии и большое внимание, уделяемое улучшению материально-технической базе неонатальных отделений, создание и развитие сети перинатальных центров, повышение квалификации медицинских кадров привели к значительному снижению показателей младенческой смертности и в России в целом, и в Москве в частности [12]. В структуре медицинских организаций Департамента здравоохранения г. Москвы работают 4 перинатальных центра, куда направляются пациентки с наиболее тяжелыми формами беременности высокого риска, включая и преждевременные роды. Благодаря успешной работе неонатологов в столице значительно повысилась выживаемость новорожденных, родившихся

⁹ Младенческая смертность в январе-июле 2012 г. составила 8,6‰, увеличившись из-за изменения критериев рождения // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2012/0523/barom05.php> (дата обращения: 25.09.2023).

раньше срока¹⁰.

Для продолжения полученных устойчивых положительных результатов в снижении младенческой смертности, обеспечения выживаемости новорожденных и укрепления их здоровья необходимо постоянно повышать качество медицинской помощи для новорожденных [13].

Проведенный авторами статьи анализ показателей младенческой смертности позволил обозначить имеющиеся проблемы и выявить наметившиеся тенденции ее отдельных компонентов и причин. Мониторинг младенческой смертности необходим для формирования программ и мер, направленных на профилактику заболеваний и снижение смертности детей на первом году жизни [14].

Выводы

– Показатели младенческой смертности в Москве на протяжении длительного периода существенно ниже среднероссийских. В 2022 г. уровень младенческой смертности в столице составил 3,5‰ против 4,5‰ по России в целом.

– Доля врожденных аномалий в структуре младенческой смертности в Москве почти вдвое выше среднероссийского уровня – 39% против 21%.

– Самая значительная часть смертей младенцев в столице приходится на два класса: (R00–R96) «Отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде» и (Q00–Q99) «Врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения». На их долю в 2019 г. суммарно пришлось 78,1% случаев младенческой смертности, а в 2022 г. – 67,5%.

– Рост ранней неонатальной смертности от неонатального сахарного диабета на 33%, других врожденных аномалий нервной системы в 1,2 раза и других врожденных аномалий системы кровообращения на 10%, а также рост доли умерших младенцев с нормальной массой тела вызывают серьезную озабоченность, требуют проведения дополнительных углубленных исследований и принятия специальных мер со стороны акушерско-гинекологической и перинатальной служб для решения данной проблемы.

Список литературы

1. Шаповалова, М. А. Организационно-методические подходы к изучению младенческой смертности / М. А. Шаповалова, Х. Ю. Угурчиева, А. С. Ярославцев // Прикаспийский вестник медицины и фармации. 2023. Т. 4, № 1. С. 6–16. DOI [10.29039/2712-8164-2023-1-6-16](https://doi.org/10.29039/2712-8164-2023-1-6-16). EDN [WTZISW](https://www.edn.ru/WTZISW).
2. Андреев, Е. М. Неравенство в младенческой смертности среди населения современной России // Вопросы статистики. 2020. Т. 27, № 2. С. 48–62. DOI [10.34023/2313-6383-2020-27-2-48-62](https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-2-48-62). EDN [BPJFWC](https://www.edn.ru/BPJFWC).
3. Федотов, А. А. Поиск факторов воздействия на компоненты человеческого потенциала: межрегиональный анализ // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 3 (60). С. 153–158. DOI [10.25683/VOLBI.2022.60.358](https://doi.org/10.25683/VOLBI.2022.60.358). EDN [XEJBDE](https://www.edn.ru/XEJBDE).
4. Бобровская, М. А. Младенческая смертность в России // Экономика и социум. 2019. Т. 60, № 5. С. 410–417. EDN [GEOYKE](https://www.edn.ru/GEOYKE).
5. Каюков, Р. А. Причинно-следственный анализ младенческой смертности на современном этапе // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 1. С. 47. EDN [OXCCSE](https://www.edn.ru/OXCCSE).
6. Савинов, А. К. Уровень младенческой смертности как показатель деятельности службы здравоохранения // Молодой ученый. 2021. № 22 (364). С. 234–236. EDN [ZJYCWB](https://www.edn.ru/ZJYCWB).
7. Иванова, А. Е. Возможен ли естественный прирост населения России в ближайшие 10 лет? / А. Е. Иванова, Ю. Э. Плетнева, С. Ю. Сивоплясова [и др.] // Экономика. Налоги. Право. 2021. Т. 14,

¹⁰ В Москве выхаживают свыше 98 процентов детей, родившихся раньше срока // Новости города. Сайт Москвы mos.ru : [сайт]. URL: <https://www.mos.ru/news/item/116069073/> (дата обращения: 25.09.2023).

№ 2. С. 32–43. DOI [10.26794/1999-849X-2021-14-2-32-43](https://doi.org/10.26794/1999-849X-2021-14-2-32-43). EDN [0QJZWD](https://www.edn.ru/0QJZWD).

8. Белопольская, М. А. Анализ риска инфицирования новорожденных в зависимости от течения COVID-19 у матери / М. А. Белопольская, А. И. Гареева, В. Ю. Аврутин [и др.] // Журнал инфектологии. 2022. Т. 14, № 1. С. 105–110. DOI [10.22625/2072-6732-2022-14-1-105-110](https://doi.org/10.22625/2072-6732-2022-14-1-105-110). EDN [YHTXPH](https://www.edn.ru/YHTXPH).

9. Денисова, Т. Г. Возможные последствия для здоровья новорожденных от матерей, болевших COVID-19 во время беременности / Т. Г. Денисова, А. И. Сергеева, А. С. Григорьева [и др.] // Acta Medica Eurasica. 2021. № 3. С. 35–47. DOI [10.47026/2413-4864-2021-3-35-47](https://doi.org/10.47026/2413-4864-2021-3-35-47). EDN [SYREKP](https://www.edn.ru/SYREKP).

10. Исакова, П. В. Анализ распространенности, структуры и факторов риска младенческой смертности в Российской Федерации // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2017. № 5–6. С. 43–54. EDN [ZBIFMN](https://www.edn.ru/ZBIFMN).

11. Барашнев, Ю. И. Диагностика и лечение врожденных и наследственных заболеваний у детей: (путеводитель по клинической генетике) / Ю. И. Барашнев, В. А. Бахарев, П. В. Новиков. Москва: Триада-X, 2004. 550 с. ISBN 5-8249-0107-4. EDN [QLGOEX](https://www.edn.ru/QLGOEX).

12. Каткова, Л. И. Роль медико-организационных технологий в снижении младенческой смертности в Самарской области / Л. И. Каткова, С. В. Михальченко // Вестник современной клинической медицины. 2016. Т. 9, № 5. С. 25–29. EDN [WTPBQL](https://www.edn.ru/WTPBQL). DOI [10.20969/VSKM.2016.9\(5\).25-29](https://doi.org/10.20969/VSKM.2016.9(5).25-29).

13. Иванова, И. А. Статистический анализ и моделирование младенческой смертности как одного из индикаторов демографической безопасности регионов Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 9 (336). С. 50–55. EDN [RWGEEV](https://www.edn.ru/RWGEEV).

14. Баранов, А. А. Смертность детского населения в России: состояние, проблемы и задачи профилактики / А. А. Баранов, В. Ю. Альбицкий, Л. С. Намазова-Баранова // Вопросы современной педиатрии. 2020. Т. 19, № 2. С. 96–106. EDN [BEDBJG](https://www.edn.ru/BEDBJG). DOI [10.15690/vsp.v19i2.2102](https://doi.org/10.15690/vsp.v19i2.2102).

Сведения об авторах:

Савина Анна Александровна, кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: medstatistika@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-5543-7918](https://orcid.org/0000-0002-5543-7918); РИНЦ SPIN-код: [1144-8300](https://elibrary.ru/1144-8300); Web of Science Researcher ID: [AAP-4560-2021](https://orcid.org/AAP-4560-2021); Scopus Author ID: [57208510859](https://orcid.org/57208510859).

Землянова Елена Валерьевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: zem_lena@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6231-1611](https://orcid.org/0000-0001-6231-1611); РИНЦ SPIN-код: [3444-9754](https://elibrary.ru/3444-9754); Web of Science Researcher ID: [AAA-4170-2021](https://orcid.org/AAA-4170-2021); Scopus Author ID: [6508341322](https://orcid.org/6508341322).

Благодарности и финансирование:

Статья подготовлена в рамках технического задания ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ».

Статья поступила в редакцию 18.03.2024; принята в печать 20.05.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

INFANT MORTALITY DYNAMICS IN MOSCOW DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Anna A. Savina

*Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management
of Moscow Healthcare Department, Moscow, Russia*

E-mail: medstatistika@mail.ru

Elena V. Zemlyanova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: zem_lena@mail.ru

For citation: Savina, Anna A. Infant Mortality Dynamics in Moscow during the COVID-19 Pandemic / A. A. Savina, E. V. Zemlyanova. *Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 2. Pp. 44–57. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.3](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.3).

Abstract. COVID-19 pandemic substantially affected all aspects of public health and healthcare system as well as all age groups of population. Infant mortality is one of the most important indicators characterizing the general state of health and quality of life of the population. The article represents in-depth analysis of cases, structure and causes of infant mortality according to Rosstat data for 2000–2022. We also evaluated influence of COVID-19 on formation of the capital's indicator in those years that is why 2019 was considered as the "basic" when analyzing mortality indicators. The study purpose is to determine a degree of impact of COVID-19 pandemic on the formation of infant mortality rates in Moscow. Authors use statistical analysis of official Rosstat data on infant mortality in Moscow and Russian Federation as a whole conducted. Data analyzed using decomposition by periods of infant mortality, sex, classes and certain death causes. During 2019–2022, infant mortality rate in Moscow has continuously reducing including the first year of COVID-19 pandemic. In 2022 infant mortality rate in Moscow, estimated 3.5 per 1 000 live births that is lower than Russia's average by 21%, although before 2019 reduction rates in Russian Federation were higher by 13.7 percentage points. It is necessary to note the capital's infant mortality rate in 2022 compared to 2021 reduced by 2.8% and in Russia by 3.3%. According to Rosstat data, reduction of infant mortality in 2022 was mainly due to boys' indicator: in Moscow, overall reduction estimated 7.1%, in Russia as a whole – 5.9%. The capital's indicator for girls reduced in 2022 by 1.7%, in Russia as a whole – by 0.8%. In contrast to the increase in mortality rates in other age groups, during the pandemic years, infant mortality rate in Moscow continuously reduced and in 2022 estimated 3.5 per 1 000 live births, which is 21% lower than the national average. Infant mortality reduction in Moscow was mainly due to boys. Discovered growth of early neonatal mortality from neonatal diabetes mellitus, from other congenital abnormalities of the nervous system and circulatory system, as well as growing share of deaths of infants with normal body weight are of serious concern and require special measures. The COVID-19 pandemic has not had any significant impact on infant mortality in Moscow.

Keywords: infant mortality, neonatal mortality, early neonatal mortality, Moscow

References

1. Shapovalova, M. A. Organizational and Methodological Approaches of Studying Infantile Mortality / M. A. Shapovalova, Kh. Yu. Ugurchieva, A. S. Yaroslavl'tsev. *Caspian Journal of Medicine and Farmacy*. 2023. Vol. 4, No. 1. Pp. 6–16. DOI [10.29039/2712-8164-2023-1-6-16](https://doi.org/10.29039/2712-8164-2023-1-6-16). (In Russ.).
2. Andreev, E. M. Inequality in Infant Mortality among Population of Modern Russia. *Voprosy Statistiki*. 2020. Vol. 27, No. 2. Pp. 48–62. DOI [10.34023/2313-6383-2020-27-2-48-62](https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-2-48-62). (In Russ.).
3. Fedotov, A. A. Search for Factors Influencing the Components of Human Potential: An Interregional Analysis. *Business. Education. Law*. 2022. No. 3 (60). Pp. 153–158. DOI [10.25683/VOLBI.2022.60.358](https://doi.org/10.25683/VOLBI.2022.60.358). (In Russ.).
4. Bobrovskaya, M. A. Infant Mortality in Russia. *Economy and Society*. 2019. Vol. 60, No. 5. Pp. 410–417. (In Russ.).
5. Kayukov, R. A. Casual Analysis of Infant Mortality Today. *Modern Problems of Science and Education*. 2012. No. 1. P. 47. (In Russ.).
6. Savinov, A. K. Uroven' mladencheskoy smertnosti kak pokazatel' deyatelnosti sluzhby zdoravookhraneniya [Infant Mortality Rate as an Indicator of Health Service Performance]. *Young Scientist*. 2021. No. 22 (364). Pp. 234–236. (In Russ.).
7. Ivanova, A. E. Is Natural Population Growth in Russia Possible in the Next 10 Years? / A. E. Ivanova, Yu. E. Pletneva, S. Yu. Sivoplyasova et al. *Ekonomics, Taxes & Law*. 2021. Vol. 14, No. 2. Pp. 32–43. DOI [10.26794/1999-849X-2021-14-2-32-43](https://doi.org/10.26794/1999-849X-2021-14-2-32-43). (In Russ.).
8. Belopolskaya, M. A. Risk of COVID-19 in Newborns Depending on the Infection Course in the Mother / M. A. Belopolskaya, A. I. Gareeva, V. Yu. Avrutin, [et al.]. *Journal Infectology*. 2022. Vol. 14, No. 1. Pp. 105–110. DOI [10.22625/2072-6732-2022-14-1-105-110](https://doi.org/10.22625/2072-6732-2022-14-1-105-110). (In Russ.).
9. Denisova, T. G. Possible Health Consequences for Newborns from Mothers Who Suffered COVID-19 During Pregnancy / T. G. Denisova, A. I. Sergeeva, A. S. Grigorieva et al. *Acta Medica Eurasica*. 2021. No. 3. Pp. 35–47. DOI [10.47026/2413-4864-2021-3-35-47](https://doi.org/10.47026/2413-4864-2021-3-35-47). (In Russ.).
10. Isakova, P. V. Analysis of Prevalence, Structure and Risk Factors of Infant Mortality in the Russian Federation. *Health Care Standardization Problems*. 2017. No. 5–6. P. 43–54. EDN [ZBIFMN](https://www.edn.ru/zbifmn/). (In Russ.).
11. Barashnev, Yu. I. *Diagnostika i lechenie vrozhdennykh i nasledstvennykh zabolevaniy u detey* [Diagnosis and Treatment of Congenital and Hereditary Diseases in Children]: guide to clinical genetics / Yu. I. Barashnev, V. A. Bakharev, P. V. Novikov. Moscow : Triada–X Publ., 2004. 550 p. ISBN 5-8249-0107-4. (In Russ.).
12. Katkova, L. I. The Role of Medical Technologies in Infant Mortality Reduction in Samara Region / L. I. Katkova, S. V. Mikhhalchenko. *The Bulletin of Contemporary Clinical Medicine*. 2016. Vol. 9, No. 5. Pp. 25–

29. DOI [10.20969/VSKM.2016.9\(5\).25-29](https://doi.org/10.20969/VSKM.2016.9(5).25-29). (In Russ.).

13. Ivanova, I. A. Statistical Analysis and Modeling of Infant Mortality as an Indicator of Demographic Safety in the Regions of the Russian Federation. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2014. No. 9 (336). Pp. 50–55. (In Russ.).

14. Baranov, A. A. Child Mortality in Russia: Situations, Challenges and Prevention Aims / A. A. Baranov, V. Yu. Al'bitsky, L. S. Namazova-Baranova. *Current Pediatrics*. 2020. Vol. 19, No. 2. Pp. 96–106. DOI [10.15690/vsp.v19i2.2102](https://doi.org/10.15690/vsp.v19i2.2102). (In Russ.).

Bio notes:

Anna A. Savina, Candidate of Medical Sciences, Leading Researcher, Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Department of Health, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: medstatistika@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-5543-7918](https://orcid.org/0000-0002-5543-7918); RSCI SPIN code: [1144-8300](https://www.rsci.ru/spin/1144-8300); Web of Science Researcher ID: [AAP-4560-2021](https://orcid.org/AAP-4560-2021); Scopus Author ID: [57208510859](https://orcid.org/57208510859).

Elena V. Zemlyanova, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: zem_lena@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6231-1611](https://orcid.org/0000-0001-6231-1611); RSCI SPIN-код: [3444-9754](https://www.rsci.ru/spin/3444-9754); Web of Science Researcher ID: [AAA-4170-2021](https://orcid.org/AAA-4170-2021); Scopus Author ID: [6508341322](https://orcid.org/6508341322).

Acknowledgements and financing:

The article was prepared within the framework of the technical assignment of the Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Department of Health

Received on 18.03.2024; accepted for publication on 20.05.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.2.4](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.4)

EDN [INJWMN](https://www.edn.ru/INJWMN)

ОСОБЕННОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Полянская Е. В.

*Дальневосточный научный центр физиологии и патологии дыхания,
Благовещенск, Россия*

E-mail: polanska2011@yandex.ru

Для цитирования: Полянская, Е. В. Особенности медицинской активности населения Амурской области // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 2. С. 58–73. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.4](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.4). EDN [INJWMN](https://www.edn.ru/INJWMN).

Аннотация. В статье рассмотрены особенности медицинской активности и приверженности профилактическим мероприятиям среди населения Амурской области на основе социологического исследования. На основании кластеризации муниципальных образований региона проведен анализ влияния доступности медицинской помощи на уровень медицинской активности. Выделены две значимые составляющие, препятствующие оздоровлению населения области: пренебрежение квалифицированной медицинской помощью и регулярными профилактическими мероприятиями. Установлены значительные территориальные диспропорции приверженности здоровому образу жизни. Доказано, что приверженность к диспансеризации и профилактическим медицинским осмотрам характеризуется возрастным вектором и особенностями расселения. Подведем краткий итог сказанному. Итак, цель исследования – определить характеристики медицинской активности населения Амурской области в контексте приверженности выполнению медицинских рекомендаций и прохождению периодических медицинских осмотров и диспансеризации.

Ключевые слова: здоровье, медицинская активность, диспансеризация, периодический медицинский осмотр

Введение

Сохранение населения, здоровья и благополучия людей в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹ определено одной из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г.

Однако, несмотря на пристальное внимание к вопросам сохранения здоровья, медицинская активность населения в части сознательного и активного поведения при профилактике и лечении, по мнению исследователей, остается практически инвариантной по отношению к предпринимаемым государством усилиям, и говорить об устойчивом успехе пока рано [1–3].

Доказано, что медицинская активность во многом определяется доступностью медицинской помощи [4]. При формировании уровня доступности медицинских услуг чрезвычайно важными являются условия, под воздействием которых у индивида формируется решение обратиться в медицинское учреждение. В числе таких условий особое место уделяется географическим барьерам в предоставлении медицинской помощи [5–8].

В научной литературе особенности медицинской активности в регионах Дальнего Востока на сегодняшний день недостаточно освещены, отсутствуют также исследования, посвященные взаимосвязи обращаемости в медицинские учреждения и

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 12.03.2024).

географической доступности медицинской помощи.

Принимая во внимание многогранность факторов, оказывающих влияние на медицинскую активность, данное исследование было сосредоточено на изучении медицинской активности респондентов Амурской области и ее взаимосвязи с доступностью медицинских услуг.

Методология исследования

Настоящее исследование построено на основе данных социологического опроса населения Амурской области в количестве 16 432 человек в возрасте 18–65 лет, из них трудоспособное население составило 11 667 человек, старше трудоспособного – 4 765 человек. При проведении анкетирования учитывалась половозрастная структура населения региона пропорционально количеству проживающих в городах и муниципальных образованиях области. Объем выборки был равен примерно 2% от общей численности населения на каждой территории, что позволяет сделать вывод о ее репрезентативности. Опрос проводился в июне-августе 2023 г. с помощью сервиса Google Формы. При оценке достоверности различий в распределении частот был использован непараметрический критерий χ^2 . Достоверность отрицания «нулевой» гипотезы принималась на уровне 95%.

В состав Амурской области входит семь городов областного подчинения, одно закрытое административно-территориальное образование Циолковский, один поселок городского типа Прогресс, 20 муниципальных районов. Для региона, как и в целом для Дальнего Востока, характерна низкая плотность населения – 2,3 человека на 1 кв. км.

Особенности расселения населения в регионе заключаются в том, что 75% проживают в центральной и южной части региона. Северная часть региона, на которую приходится 45% площади Амурской области, является практически неосвоенной. Существуют районы, приравненные к районам Крайнего Севера, на территории которых проживает 10,5% населения региона. В северных муниципальных образованиях фиксируется низкий уровень автомобильного сообщения, нерегулярное муниципальное транспортное сообщение с районными центрами, несоответствие автомобильных дорог нормативным требованиям, необходимым для перевозок пассажиров автобусным транспортом.

Для проведения анализа полученных результатов все территории Амурской области были сгруппированы в однородные группы на основе нейросетевого кластерного анализа. Для кластеризации муниципальных образований области были взяты показатели, напрямую определяющие возможность получения медицинских услуг, как в пространственном аспекте, так и с точки зрения укомплектованности медицинскими кадрами и больничными койками непосредственно в зоне проживания населения.

В этот набор переменных вошли:

- среднегодовая численность постоянного населения (от окончательных итогов Всероссийской переписи населения 2020 г. с учетом годовых данных о родившихся и умерших, прибывших и выбывших);
- укомплектованность физическими лицами врачей (%);
- численность врачей на 10 000 человек населения;
- число посещений на одного жителя;
- обеспеченность больничными койками дневного стационара;

- обеспеченность больничными койками круглосуточного стационара;
- доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром городского округа (муниципального района), в общей численности населения городского округа (муниципального района) (%);
- коэффициент Энгельса;
- коэффициент Гольца.

Приведенная система показателей позволяет количественно оценить основные факторы, влияющие на уровень доступности медицинской помощи в регионе. В результате все территории Амурской области были разбиты на три кластера в зависимости от уровня ресурсного обеспечения отрасли здравоохранения, а также с учетом географических барьеров, которые могут препятствовать получению медицинской помощи.

Обзор научной литературы

Изучение поведения населения в отношении сбережения собственного здоровья уже долгие годы находится в зоне пристального внимания российских исследователей. В отечественной науке термин «самосохранительное поведение» впервые был использован А. И. Антоновым, согласно которому это «система действий и отношений, направленных на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла, на продление срока жизни в пределах этого цикла» [9].

Самосохранительное поведение включает в себя множество действий: занятия физкультурой и спортом, приверженность здоровому образу жизни, отказ от вредных привычек, соблюдение медицинских рекомендаций, регулярные профилактические медицинские мероприятия и т. п. Одним из компонентов самосохранительного поведения выступает медицинская активность индивидумов, которая в первую очередь выражается в обращаемости в медицинские учреждения и выполнении медицинских рекомендаций.

Научные публикации современных демографов и социологов по проблемам медицинской активности направлены в основном на изучение влияния мотивов обращаемости [10], состояния здоровья [11; 12], а также социальной среды [13] на уровень обращаемости за медицинской помощью.

Не вызывает сомнения тот факт, что здоровье в немалой степени зависит от формирования системы мотивации граждан к здоровому образу жизни. Приверженность к профилактическим мероприятиям, регулярное посещение медицинских специалистов и выполнение их рекомендаций также определяет уровень здоровьесберегающего поведения граждан. Результаты исследований А. Е. Ивановой доказывают вклад профилактических усилий и позитивных поведенческих установок в снижении смертности от предотвратимых причин [14; 15]. Оценка отношения населения к сбережению собственного здоровья и профилактическим медицинским мероприятиям имеет особое значение, поскольку позволяет расширить представления об откликах населения на проводимые государством мероприятия в сфере повышения качества и доступности медицинской помощи и популяризации здорового образа жизни.

Согласно данным экспертного опроса, представленным в исследовательской работе А. В. Кисиленко, одну из ведущих ролей в состоянии здоровья человека играет пренебрежение к профилактическим осмотрам, равно как и несвоевременное обра-

щение к медицинским специалистам, т. е. поведение индивида относительно собственного здоровья и его решения во многом определяют уровень его здоровья [16].

Многие исследователи отмечают важность внешней среды, которая оказывает влияние на поведенческие особенности в части потребления медицинской помощи [17; 18]. В этой связи интерес представляют исследования, направленные на выявление условий, под воздействием которых формируется уровень обращаемости в медицинское учреждение.

Согласно федеральному закону «Об охране здоровья граждан»² к факторам, обеспечивающим доступность медицинской помощи, относятся географическая возможность получения медицинской помощи и ресурсное обеспечение отрасли здравоохранения. Причинами пониженной медицинской активности принято считать: низкий уровень ресурсной составляющей отрасли здравоохранения, который существенным образом сокращает возможность получения своевременной медицинской помощи; пренебрежительное отношение к своему здоровью; недостаток образования в вопросах здоровьесбережения и т. д. [19–21].

В данном исследовании акцент сделан на пространственных барьерах получения медицинской помощи и низкой доступности услуг здравоохранения непосредственно в месте проживания населения.

Результаты исследования

В результате кластеризации территорий Амурской области было получено три разнотипных группы, каждая из которых описывалась вектором из восьми соответствующих показателей (рис. 1).

Первая группа территорий сформировалась из городов и районов Амурской области, находящихся в непосредственной зоне влияния областного центра. Главной особенностью этого кластера является высокая доступность медицинской помощи, а также высокая транспортная доступность услуг здравоохранения.

К стабильным можно отнести и кластер 2, который сформировался за счет районов центральной и южной части Амурской области. Территории, расположенные во втором кластере, имеют наилучшие средние показатели по общей укомплектованности медицинскими кадрами, больничными койками, приходящимися на одного жителя, а кроме того, по показателям транспортной доступности.

Третий кластер был сформирован за счет районов, приравненных к труднодоступным северным территориям региона. Территории данного кластера характеризуются нерегулярным муниципальным транспортным сообщением с районными центрами, несоответствием автомобильных дорог нормативным требованиям, необходимым для перевозок пассажиров автобусным транспортом, низкой доступностью медицинских услуг.

Одной из основных проблем недостаточной эффективности терапии является низкая приверженность пациентов назначенному лечению. Полученные результаты свидетельствуют в целом о крайне низком уровне самосохранительного поведения во всех возрастных группах, опрошенных в регионе. Поведение трудоспособного населения и населения старше трудоспособного возраста в отношении своего здоровья характеризуется определенными различиями (табл. 1, 2, 3).

² Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Министерство здравоохранения Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025> (дата обращения: 12.03.2024).

Рис. 1. Типизация населенных пунктов Амурской области на основе нейросетевого кластерного анализа

Fig. 1. Typification of settlements in the Amur Region based on neural network cluster analysis

Источник: составлено автором

Ответы на вопрос относительно прохождения назначенных врачом процедур статистически достоверно различаются среди населения территорий трех кластеров, формируя градиент с уменьшением процента положительных ответов от первого к третьему кластеру. При этом достоверность различий в распределении ответов респондентов трудоспособного возраста между кластерами гораздо выше, чем у респондентов старшей возрастной группы.

Население трудоспособного возраста в принципе имеет более высокую медицинскую активность во всех населенных пунктах Амурской области. Однако в третьем кластере в пяти из семи административно-территориальных единиц население старше трудоспособного возраста чаще, чем трудоспособное население, самостоятельно проходит назначенные врачом процедуры.

Меньше всего ситуаций, когда пациент не продолжает назначенное врачом лечение, было зафиксировано в первом кластере лидирующих территорий, что связано с развитой сетью медицинских учреждений, а, следовательно, и более высокой доступностью медицинских услуг. Так, около половины всех респондентов, проживающих в зоне влияния областного центра, всегда проходят назначенные врачом процедуры.

Таблица 1

**Отношение респондентов к выполнению медицинских рекомендаций
по поддержанию уровня здоровья в зависимости от возраста**

Table 1

**Respondents' attitude to the implementation of medical recommendations
to maintain health depending on age**

Населенные пункты	Прохожу назначенные врачом процедуры или делаю их самостоятельно					
	Делаю всегда		Делаю редко, по возможности		Практически никогда не делаю	
	Трудоспо- собное население	Старше трудоспо- собного возраста	Трудоспо- собное население	Старше трудоспо- собного возраста	Трудоспо- собное население	Старше трудоспо- собного возраста
Территории 1 кластера						
г. Благовещенск	53%	68%	35%	27%	12%	5%
г. Белогорск	48%	53%	34%	40%	18%	7%
Благовещенский р-н	50%	46%	34%	44%	16%	10%
Ивановский р-н	48%	38%	33%	49%	19%	13%
Константиновский р-н	52%	39%	38%	50%	10%	11%
Тамбовский р-н	54%	51%	31%	42%	15%	7%
<i>Среднее значение</i>	<i>50,8%</i>	<i>49,2%</i>	<i>34,2%</i>	<i>42,0%</i>	<i>15,0%</i>	<i>8,8%</i>
Территории 2 кластера						
г. Райчихинск	37%	40%	50%	48%	13%	12%
п. Прогресс	49%	50%	30%	35%	21%	15%
г. Свободный	35%	62%	41%	20%	24%	18%
г. Шимановск	35%	35%	42%	39%	23%	26%
Архаринский р-н	35%	36%	52%	49%	13%	15%
Белогорский р-н	51%	42%	35%	50%	14%	7%
Бурейский р-н	47%	51%	40%	34%	13%	15%
Завитинский р-н	57%	51%	29%	45%	14%	4%
Ромненский р-н	39%	38%	48%	50%	13%	12%
Мазановский р-н	42%	39%	46%	42%	12%	19%
Михайловский р-н	27%	33%	56%	48%	17%	19%
Октябрьский р-н	26%	40%	50%	54%	24%	6%
Свободненский р-н	43%	50%	40%	34%	17%	16%
Серышевский р-н	37%	32%	43%	48%	20%	20%
Шимановский р-н	34%	34%	43%	53%	23%	13%
<i>Среднее значение</i>	<i>39,6%</i>	<i>42,2%</i>	<i>43,0%</i>	<i>43,3%</i>	<i>17,4%</i>	<i>14,5%</i>
Территории 3 кластера						
г. Зея	34%	33%	39%	38%	28%	29%
г. Тында	31%	32%	45%	49%	24%	19%
Зейский р-н	39%	50%	36%	40%	25%	10%
Магдагачинский р-н	31%	39%	42%	49%	27%	12%
Селемджинский р-н	25%	30%	47%	35%	28%	35%
Сковородинский р-н	20%	39%	47%	46%	33%	15%
Тындинский р-н	38%	37%	40%	46%	22%	17%
<i>Среднее значение</i>	<i>31,1%</i>	<i>37,1%</i>	<i>42,3%</i>	<i>43,3%</i>	<i>26,7%</i>	<i>19,6%</i>
Достоверность различий между кластерами						
p_1^*	0,0002	0,2059	0,0008	0,7665	0,2183	0,0095
p_2^*	0,0001	0,0485	0,0015	0,7555	0,0001	0,0207
p_3^*	0,0256	0,1541	0,7828	0,9953	0,0001	0,2116

Источник: составлено автором по данным анкетирования

* Примечание: p_1 – достоверность различий между кластерами 1 и 2; p_2 – между кластерами 1 и 3; p_3 – между кластерами 2 и 3

По мере отдаления от г. Благовещенска на север возрастает число ответов участников опроса, которые практически никогда не проходят назначенные врачом процедуры. Негативное отношение к назначениям встречалось среди исследованного контингента второго кластера в 17,4% ответов трудоспособного и в 14,5% ответов старше трудоспособного возраста.

Большая доля респондентов, не получивших необходимую медицинскую помощь, отмечается в третьем кластере – 26,7% трудоспособного возраста и 19,6% старше трудоспособного возраста. Самая высокая доля респондентов как трудоспособного, так и старше трудоспособного возраста, которая не предпринимает никаких мер относительно выполнения назначений медицинских работников, зафиксирована в северных отдаленных территориальных образованиях – Селемджинском, Сковородинском и Зейском районах.

Позитивная направленность поведения в сфере здоровьесбережения предполагает наличие стремления сохранить здоровье, что может быть выражено в готовности проходить медицинские исследования и обращаться к профильным специалистам по направлению лечащего врача.

В Амурской области в целом респонденты, проживающие в первом кластере, характеризуются большей медицинской активностью относительно дальнейшего прохождения медицинских обследований и получения консультаций у профильных специалистов (табл. 2). К тому же население трудоспособного возраста чаще всего продолжает лечение (40,7%), чем население старше трудоспособного возраста (39,2%).

Во втором кластере, напротив, участники опроса старше трудоспособного возраста чаще давали положительные ответы относительно прохождения назначенных исследований (33,9%), чем трудоспособное население (31,4%). Самое большое число респондентов, которые практически никогда не проходят лечение как среди трудоспособного (31,9%), так и среди старше трудоспособного возраста (23,3%), отмечается в территориях, относящихся к третьему кластеру. Интересной тенденцией является практически одинаковое распределение ответов респондентов о том, что они всегда проходят медицинские исследования в когорте трудоспособного (30,6%) и старше трудоспособного возраста (30,1%).

Понимая, что для сохранения здоровья большое значение имеет приверженность правильному образу жизни, мы не обошли этот вопрос в исследовании. Ориентация на выполнение рекомендаций медицинских специалистов чаще встречается в ответах респондентов старше трудоспособного возраста (табл. 3).

Высокая приверженность к здоровому образу жизни ассоциируется с участниками опроса, проживающими в первом кластере, и более старшим возрастом.

Из населенных пунктов Амурской области самое большое количество респондентов, всегда выполняющих рекомендации относительно здорового образа жизни, наблюдается в г. Благовещенске, г. Белогорске, Ивановском и Тамбовском районах.

В населенных пунктах второго и третьего кластера каждый третий респондент всегда соблюдает рекомендации относительно правильного образа жизни. В то же время каждый пятый опрошенный трудоспособного (21,6%) и старше трудоспособного возраста (21,7%), проживающий в третьем кластере, никогда не выполняет рекомендации о правильном образе жизни.

Таблица 2

**Отношение респондентов к выполнению медицинских назначений
в зависимости от возраста**

Table 2

Respondents' attitude towards fulfilling medical prescriptions depending on age

Населенные пункты	Прохожу медицинские исследования, назначенные врачом, обращаюсь к профильным врачам-специалистам по направлению врача					
	Делаю всегда		Делаю редко, по возможности		Практически никогда не делаю	
	Трудоспособное население	Старше трудоспособного возраста	Трудоспособное население	Старше трудоспособного возраста	Трудоспособное население	Старше трудоспособного возраста
Территории 1 кластера						
г. Благовещенск	48%	45%	45%	50%	7%	5%
г. Белогорск	35%	42%	58%	47%	7%	11%
Благовещенский р-н	39%	43%	45%	53%	16%	4%
Ивановский р-н	38%	31%	53%	54%	9%	15%
Константиновский р-н	34%	32%	50%	53%	16%	15%
Тамбовский р-н	50%	42%	35%	46%	15%	12%
<i>Среднее значение</i>	<i>40,7%</i>	<i>39,2%</i>	<i>47,7%</i>	<i>50,5%</i>	<i>11,6%</i>	<i>10,3%</i>
Территории 2 кластера						
г. Райчихинск	29%	38%	47%	47%	24%	15%
п. Прогресс	29%	32%	59%	54%	12%	14%
г. Свободный	29%	31%	56%	51%	15%	18%
г. Шимановск	29%	31%	43%	47%	28%	22%
Архаринский р-н	33%	31%	48%	35%	19%	34%
Белогорский р-н	33%	24%	56%	39%	11%	37%
Бурейский р-н	37%	34%	45%	51%	18%	15%
Завитинский р-н	41%	45%	44%	50%	15%	5%
Ромненский р-н	36%	39%	48%	53%	16%	8%
Мазановский р-н	35%	38%	40%	49%	24%	13%
Михайловский р-н	34%	38%	50%	46%	16%	16%
Октябрьский р-н	27%	31%	47%	51%	26%	18%
Свободненский р-н	24%	29%	57%	50%	19%	21%
Серышевский р-н	32%	41%	49%	47%	19%	12%
Шимановский р-н	23%	27%	46%	50%	31%	23%
<i>Среднее значение</i>	<i>31,4%</i>	<i>33,9%</i>	<i>49,0%</i>	<i>48,0%</i>	<i>19,5%</i>	<i>18,1%</i>
Территории 3 кластера						
г. Зея	29%	31%	45%	49%	26%	20%
г. Тында	33%	29%	29%	49%	38%	22%
Зейский р-н	37%	35%	41%	44%	22%	21%
Магдагачинский р-н	31%	30%	42%	55%	27%	15%
Селемджинский р-н	25%	28%	36%	41%	39%	31%
Сковородинский р-н	32%	24%	35%	45%	33%	31%
Тындинский р-н	27%	34%	35%	43%	38%	23%
<i>Среднее значение</i>	<i>30,6%</i>	<i>30,1%</i>	<i>37,6%</i>	<i>46,6%</i>	<i>31,9%</i>	<i>23,3%</i>
Достоверность различий между кластерами						
p_1^*	0,0176	0,1028	0,7182	0,2101	0,0059	0,0186
p_2^*	0,0125	0,0129	0,0281	0,1120	0,0021	0,0010
p_3^*	0,6804	0,0796	0,0006	0,5318	0,0020	0,1142

Источник: составлено автором по данным анкетирования

* *Примечание:* p_1 – достоверность различий между кластерами 1 и 2; p_2 – между кластерами 1 и 3; p_3 – между кластерами 2 и 3

Таблица 3

**Соблюдение респондентами рекомендаций врача о правильном образе жизни
в зависимости от возраста**

Table 3

**Respondents' compliance with doctor's recommendations
about healthy lifestyle depending on age**

Населенные пункты	Прохожу медицинские исследования, назначенные врачом, обращаюсь к профильным врачам-специалистам по направлению врача					
	Делаю всегда		Делаю редко, по возможности		Практически никогда не делаю	
	Трудоспособное население	Старше трудоспособного возраста	Трудоспособное население	Старше трудоспособного возраста	Трудоспособное население	Старше трудоспособного возраста
Территории 1 кластера						
г. Благовещенск	44%	49%	51%	47%	5%	4%
г. Белогорск	43%	54%	46%	44%	11%	2%
Благовещенский р-н	45%	50%	42%	42%	13%	8%
Ивановский р-н	49%	49%	40%	42%	12%	9%
Константиновский р-н	45%	42%	45%	50%	10%	8%
Тамбовский р-н	50%	51%	43%	45%	7%	4%
Среднее значение	46,0%	49,2%	44,5%	45,0%	9,7%	5,8%
Территории 2 кластера						
г. Райчихинск	44%	29%	37%	56%	19%	15%
п. Прогресс	45%	39%	47%	48%	8%	13%
г. Свободный	46%	52%	49%	40%	5%	8%
г. Шимановск	47%	43%	46%	42%	7%	15%
Архаринский р-н	41%	39%	42%	49%	17%	12%
Белогорский р-н	37%	42%	44%	49%	19%	9%
Бурейский р-н	42%	41%	40%	50%	18%	9%
Завитинский р-н	35%	36%	52%	53%	13%	11%
Ромненский р-н	37%	29%	43%	52%	20%	19%
Мазановский р-н	41%	38%	50%	42%	9%	20%
Михайловский р-н	41%	23%	45%	59%	14%	18%
Октябрьский р-н	32%	29%	46%	58%	22%	13%
Свободненский р-н	39%	29%	43%	53%	18%	18%
Серышевский р-н	39%	40%	48%	49%	13%	11%
Шимановский р-н	40%	38%	49%	46%	11%	16%
Среднее значение	40,4%	36,5%	45,4%	49,7%	14,2%	13,8%
Территории 3 кластера						
г. Зея	39%	35%	44%	49%	17%	16%
г. Тында	29%	36%	43%	42%	28%	22%
Зейский р-н	36%	32%	39%	35%	25%	33%
Магдагачинский р-н	38%	37%	47%	40%	15%	23%
Селемджинский р-н	34%	38%	43%	47%	23%	15%
Сковородинский р-н	38%	36%	45%	49%	17%	15%
Тындинский р-н	27%	31%	47%	41%	26%	28%
Среднее значение	34,4%	35,0%	44,0%	43,3%	21,6%	21,7%
Достоверность различий между кластерами						
p_1^*	0,0032	0,0001	0,6422	0,0260	0,0266	0,0001
p_2^*	0,0002	0,0001	0,7965	0,4832	0,0004	0,0005
p_3^*	0,0158	0,5030	0,3554	0,0218	0,0091	0,0235

Источник: составлено автором по данным анкетирования

* Примечание: p_1 – достоверность различий между кластерами 1 и 2; p_2 – между кластерами 1 и 3; p_3 – между кластерами 2 и 3

Картина распределения ответов о том, что респонденты никогда не соблюдают рекомендации врача о правильном образе жизни, разнообразна в трех кластерах. Так, в первом кластере разница между ответами респондентов трудоспособного (9,7%) и старше трудоспособного возраста (5,8%) составляет 3,8%. Во втором и третьем кластерах различий в распределении ответов между возрастными группами практически нет: 0,4% во втором кластере и 0,1% в третьем.

Важнейшим инструментом раннего выявления заболеваний выступают профилактические осмотры и диспансеризация населения. Охват населения Амурской области диспансеризацией, по данным проведенного опроса, свидетельствует о том, что население старших возрастных групп в большей степени проходит профилактические медицинские осмотры и диспансеризацию. Это связано с увеличением охвата населения профилактическими осмотрами и скринингами согласно Приказу Министерства здравоохранения РФ от 27 апреля 2021 г. № 404н «Об утверждении Порядка проведения профилактического медицинского осмотра и диспансеризации определенных групп взрослого населения»³ (табл. 4), в соответствии с которым диспансеризация проводится ежегодно для лиц в возрасте 40 лет и старше и раз в три года – для населения в возрасте от 18 до 39 лет.

Таблица 4

Прохождение респондентами диспансеризации в зависимости от возраста

Table 4

Respondents' completion of medical examination depending on age

Населенные пункты	Прохожу медицинские исследования, назначенные врачом, обращаюсь к профильным врачам-специалистам по направлению врача					
	Делаю всегда		Делаю редко, по возможности		Практически никогда не делаю	
	Трудоспособное население	Старше трудоспособного возраста	Трудоспособное население	Старше трудоспособного возраста	Трудоспособное население	Старше трудоспособного возраста
Территории 1 кластера						
г. Благовещенск	37%	59%	49%	31%	14%	10%
г. Белогорск	33%	25%	43%	51%	24%	24%
Благовещенский р-н	35%	29%	44%	55%	21%	16%
Ивановский р-н	35%	39%	44%	54%	21%	7%
Константиновский р-н	32%	39%	41%	48%	27%	13%
Тамбовский р-н	40%	49%	42%	37%	18%	14%
Среднее значение	37,2%	40,0%	43,8%	46,0%	19,0%	14,0%
Территории 2 кластера						
г. Райчихинск	29%	41%	37%	44%	34%	15%
п. Прогресс	38%	43%	32%	46%	30%	11%
г. Свободный	39%	49%	45%	38%	16%	13%
г. Шимановск	34%	46%	35%	38%	31%	16%
Архаринский р-н	20%	31%	49%	39%	31%	30%
Белогорский р-н	26%	31%	39%	50%	35%	19%
Бурейский р-н	35%	31%	47%	56%	18%	13%
Завитинский р-н	29%	32%	40%	58%	31%	10%
Ромненский р-н	25%	33%	39%	40%	36%	20%
Мазановский р-н	38%	32%	46%	49%	16%	19%

³ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 27.04.2021 № 404н «Об утверждении Порядка проведения профилактического медицинского осмотра и диспансеризации определенных групп взрослого населения» // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106300043> (дата обращения: 12.03.2024).

Населенные пункты	Прохожу медицинские исследования, назначенные врачом, обращаюсь к профильным врачам-специалистам по направлению врача					
	Делаю всегда		Делаю редко, по возможности		Практически никогда не делаю	
	Трудоспособное население	Старше трудоспособного возраста	Трудоспособное население	Старше трудоспособного возраста	Трудоспособное население	Старше трудоспособного возраста
Михайловский р-н	30%	43%	44%	43%	26%	14%
Октябрьский р-н	24%	38%	50%	50%	26%	12%
Свободненский р-н	38%	47%	44%	39%	18%	14%
Серышевский р-н	44%	48%	38%	34%	18%	18%
Шимановский р-н	29%	24%	34%	51%	37%	25%
Среднее значение	31,9%	37,9%	41,3%	45,0%	26,9%	16,6%
Территории 3 кластера						
г. Зея	18%	39%	34%	32%	48%	29%
г. Тында	30%	35%	51%	46%	20%	19%
Зейский р-н	28%	27%	38%	51%	34%	22%
Магдагачинский р-н	30%	38%	44%	38%	26%	24%
Селемджинский р-н	23%	25%	46%	43%	31%	32%
Сковородинский р-н	30%	38%	36%	40%	34%	22%
Тындинский р-н	30%	39%	24%	40%	46%	21%
Среднее значение	27,0%	34,4%	39,0%	41,4%	34,1%	24,1%
Достоверность различий между кластерами						
p_1^*	0,0350	0,7197	0,1802	0,8266	0,0055	0,3721
p_2^*	0,0011	0,3535	0,2149	0,3499	0,0063	0,0069
p_3^*	0,0583	0,2644	0,5534	0,2444	0,0023	0,0049

Источник: составлено автором по данным анкетирования

* Примечание: p_1 – достоверность различий между кластерами 1 и 2; p_2 – между кластерами 1 и 3; p_3 – между кластерами 2 и 3

В целом в исследуемом регионе охват диспансеризацией и профилактическими медицинскими осмотрами выше среди населения старше трудоспособного возраста, а также среди респондентов, проживающих в первом кластере. Больше всего положительных ответов о регулярном прохождении профилактических мероприятий дали лица старше трудоспособного возраста в первом кластере – 40%. Из них по количеству положительных ответов лидирует город Благовещенск – 59%.

Несмотря на то, что лица старше трудоспособного возраста в большей степени контактируют с медицинскими организациями в части получения профилактической медицинской помощи, из всех обследованных респондентов пенсионного возраста каждый четвертый, проживающий в третьем кластере, практически никогда не проходит профилактические мероприятия.

Охват диспансерным наблюдением лиц трудоспособного возраста характеризуется убывающим вектором в зависимости от территории проживания интервьюеров. Большее число ответов о том, что респонденты «всегда регулярно проходят диспансеризацию и профилактические медицинские осмотры» дали жители первого кластера (37,2%). Наименьший охват диспансеризацией трудоспособного населения наблюдается в третьем кластере, где каждый третий респондент никогда не проходит диспансеризацию. Большинство положительных ответов дали жители г. Зея (48%), Тындинского района (46%), Зейского и Сковородинского районов (по 34% соответственно).

Обсуждение результатов

По данным проведенного исследования, распространенность компонентов низ-

кой приверженности населения Амурской области к самосохранительному поведению распределяется в порядке убывания в основном по трем выделенным кластерам: прохождение диспансеризации (профилактических медицинских осмотров), обращение к профильным врачам-специалистам, прохождение назначенных врачом процедур, соблюдение рекомендаций врача относительно правильного образа жизни.

Территория проживания участников опроса, уровень обеспеченности ресурсами здравоохранения напрямую влияют на медицинскую активность населения в Амурской области. Предрасположенность к медицинской активности во многом обусловлена имеющимся уровнем здравоохранения, а также территориальной доступностью медицинских услуг. Низкая мотивированность к здоровьесберегающему поведению у жителей северных отдаленных территорий встречается чаще, чем у проживающих в центральной и южной частях исследуемого региона.

Достоверность межкластерных различий в ответах респондентов трудоспособного возраста выше, чем в ответах респондентов старше трудоспособного возраста, что может свидетельствовать о том, что уровень медицинской активности трудоспособного населения находится под более сильным влиянием условий, определяющих потребность в обращении за медицинской помощью. В то же время различия в ответах респондентов старших возрастных групп более сглажены, что наводит на мысль о важности влияния дополнительных факторов, определяющих уровень медицинской активности в регионе: уровень информированности и просвещения в медицинских вопросах, состояния здоровья, социального окружения, доходов и пр.

Полученные автором научного исследования результаты определяют необходимость дифференцированного подхода к обеспечению необходимого уровня медицинской активности в зависимости от территории проживания и возраста населения.

Выводы

Медицинская активность находится под сильным влиянием условий ее формирования. Обосновано, что доминирующими факторами, как положительной, так и отрицательной оценки состояния своего здоровья выступают параметры внутрирегионального развития системы здравоохранения, транспортная доступность медицинских услуг, а также возраст респондентов. Удаленность территории проживания от областного центра оказывает существенное влияние на возможность обратиться за медицинской помощью. Таким образом, можно заключить, что повышение доступности медицинской помощи в северных муниципальных образованиях благоприятным образом скажется на увеличении медицинской активности всех возрастных групп.

Результаты исследования свидетельствуют о недостаточной мотивированности населения к ведению здорового образа жизни, а также о кризисе доверия, проявляющемся в отношении системы здравоохранения и профилактических мероприятий.

На основе субъективных представлений о здоровье можно сделать заключение о чрезвычайно низкой фактической ценности здоровья, недостаточной культуре самосохранения и ответственности за собственное здоровье в муниципальных образованиях, которые преимущественно относятся к труднодоступным и отдаленным местностям Амурской области (Селемджинский, Тындинский, Сковородинский районы).

Здоровьесберегающее поведение характеризуется четким возрастным векто-

ром. В то же время вызывают тревогу неблагоприятные поведенческие паттерны в области здоровьесбережения, которые выражаются в низком охвате диспансеризацией трудоспособного населения, особенно в географически изолированных труднодоступных районах.

Список литературы

1. Рязанцев, С. В. Самооценка здоровья и самосохранительное поведение населения Тюменской области трудоспособного возраста / С. В. Рязанцев, А. Е. Иванова // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 7–24. DOI [10.17213/2075-2067-2023-4-7-24](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-7-24). EDN [DADVII](https://www.edn.ru/DADVII).
2. Архангельский, В. Н. Воспроизводственный потенциал демографического развития России / В. Н. Архангельский, А. Е. Иванова, Т. А. Фадеева ; под ред. Л. Л. Рыбаковского. Москва : Изд-во «Экон-Информ», 2022. 165 с. ISBN 978-5-907427-72-3.
3. Вангородская, С. А. Изменение образа жизни населения и снижение смертности от хронических неинфекционных заболеваний в контексте достижения третьей Цели устойчивого развития / С. А. Вангородская, Т. П. Сабгайда, А. В. Зубко // Социальные аспекты здоровья населения. 2022. Т. 68, № 6. DOI [10.21045/2071-5021-2022-68-6-8](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2022-68-6-8). EDN [TEYBZA](https://www.edn.ru/TEYBZA).
4. Короленко, А. В. Медицинская активность как фактор здоровья населения (на примере Вологодской области) // Парадигмы и модели демографического развития : Сборник статей XII Уральского демографического форума, Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 03–04 июня 2021 года / Ред. О. А. Козлова [и др.]. Том II. Екатеринбург : Институт экономики Уральского отделения РАН, 2021. С. 131–140. DOI [10.17059/udf-2021-4-11](https://doi.org/10.17059/udf-2021-4-11). EDN [FLKGCX](https://www.edn.ru/FLKGCX).
5. Гурвич, И. Н. Социальная психология здоровья. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 1023 с. ISBN 5-288-02260-7.
6. Колосницына, М. Г. Факторы роста ожидаемой продолжительности жизни: кластерный анализ по странам мира / М. Г. Колосницына, Т. В. Коссова, М. А. Шелунцова // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 1. С. 124–150. EDN [OPMYXN](https://www.edn.ru/OPMYXN).
7. Римашевская, Н. М. Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века : монография / Н. М. Римашевская, Л. М. Прокофьева, И. В. Рывкина и др. ; под ред. Н. М. Римашевской. Москва : ИСЭПН, 2001. 314 с. ISBN 5-89997-016-2.
8. Kaplan, G. A. Perceived Health and Mortality: A Nine-Year Follow-Up of the Human Population Laboratory Cohort / G. A. Kaplan, T. Camacho // American Journal of Epidemiology. 1983. Vol. 117, № 3. Pp. 292–304. DOI [10.1093/oxfordjournals.aje.a113541](https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.aje.a113541).
9. Антонов, А. И. Социология семьи : учеб. пособие для вузов / А. И. Антонов, В. М. Медков. Москва : Изд-во Моск. ун-та : Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и упр., 1996. 302 с. ISBN 5-211-03485-6.
10. Назарова, И. Б. Мониторинг состояния здоровья населения и факторов риска (к методологии изучения здоровья) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22, № 3. С. 616–629. DOI [10.22363/2313-2272-2022-22-3-616-629](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-3-616-629). EDN [KDWVEN](https://www.edn.ru/KDWVEN).
11. Александрова, О. А. Способы повышения трудовой мотивации работников медицинских организаций / О. А. Александрова, А. В. Ярашева, Н. В. Алиперова [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28, № S2. С. 1049–1055. DOI [10.32687/0869-866X-2020-28-s2-1049-1055](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-s2-1049-1055). EDN [PUEEAH](https://www.edn.ru/PUEEAH).
12. Дмитриева, Ю. В. Самосохранительное поведение как условие сокращения смертности и увеличения продолжительности жизни // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 3. С. 93–101. DOI [10.24411/1561-7785-2019-00029](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00029). EDN [SWUDOY](https://www.edn.ru/SWUDOY).
13. Иванова, А. Е. Резервы роста продолжительности жизни населения Москвы за счет эффективной деятельности здравоохранения : коллективная монография / А. Е. Иванова, В. Г. Семенова, Т. П. Сабгайда [и др.]. Москва : Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, 2019. 79 с. ISBN 978-5-907251-09-0. EDN [YQNQPC](https://www.edn.ru/YQNQPC).
14. Антонов, А. И. Диспозиционная регуляция репродуктивного и самосохранительного поведения в нетипичных семьях с больным ребенком / А. И. Антонов, М. А. Гусева // Социальные аспекты здоровья населения. 2019. Т. 65, № 1. С. 1–31. DOI [10.21045/2071-5021-2019-65-1-2](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2019-65-1-2). EDN [MNXSNP](https://www.edn.ru/MNXSNP).

15. Иванова, А. Е. Прогресс в достижении здорового образа жизни и благополучия российского населения / А. Е. Иванова, С. А. Вангородская, Т. П. Сабгайда, В. Г. Семенова, А. В. Зубко // Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, В. Н. Архангельский [и др.]. Москва : Изд-во Проспект, 2023. С. 163–181. ISBN 978-5-392-38629-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023). EDN [GKFMMR](https://www.edn.ru/GKFMMR).
16. Ниорадзе, Г. В. Региональная дифференциация демографической динамики России и роль здравоохранения / Г. В. Ниорадзе, А. В. Топилин, О. Д. Воробьева, А. Е. Иванова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. Т. 31, № S2. С. 1275–1281. DOI [10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1275-1281](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1275-1281). EDN [VSIADQ](https://www.edn.ru/VSIADQ).
17. Кисиленко, А. В. Анализ результатов экспертного опроса о факторах самосохранительного поведения населения центральных регионов России / А. В. Кисиленко, И. С. Шаповалова, Д. Г. Кисиленко [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28, № 2. С. 253–260. DOI [10.32687/0869-866X-2020-28-2-253-260](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-2-253-260). EDN [ZHBDMT](https://www.edn.ru/ZHBDMT).
18. Ходакова, О. В. Самооценка здоровья, как элемент самосохранительного поведения и приверженности к диспансеризации взрослого населения / О. В. Ходакова, Н. В. Кошечкина // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2019. № 4. С. 309–326. DOI [10.24411/2312-2935-2019-10099](https://doi.org/10.24411/2312-2935-2019-10099). EDN [NAEBKI](https://www.edn.ru/NAEBKI).
19. Русинова, Н. Л. Доступ к услугам здравоохранения: методологические подходы и методы измерения / Н. Л. Русинова, Л. В. Панова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5, № 4. С. 147–163. EDN [OPRNUF](https://www.edn.ru/OPRNUF).
20. Щетинина, С. Ю. Медицинская активность как компонент здорового образа жизни // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 5–3(44). С. 194–197. DOI [10.24411/2500-1000-2020-10581](https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10581). EDN [CJXXHI](https://www.edn.ru/CJXXHI).
21. Шабунцова, А. А. Здоровье населения в России: состояние и динамика. Вологда : Вологодский научный центр Российской академии наук, 2010. 408 с. ISBN 978-5-93299-161-9. EDN [QDFWDF](https://www.edn.ru/QDFWDF).

Сведения об авторе:

Полянская Елена Викторовна, ведущий научный сотрудник, Дальневосточный научный центр физиологии и патологии дыхания, Благовещенск, Россия.

Контактная информация: e-mail: polanska2011@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-6260-8693](https://orcid.org/0000-0001-6260-8693); РИНЦ SPIN-код: [9921-6511](https://elibrary.ru/9921-6511).

Статья поступила в редакцию 15.02.2024; принята в печать 18.04.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

FEATURES OF MEDICAL ACTIVITY OF THE POPULATION OF THE AMUR REGION

Elena. V. Polyanskaya

Far Eastern Scientific Center for Physiology and Pathology of Respiration, Blagoveshensk, Russia

E-mail: polanska2011@yandex.ru

For citation: Polyanskaya, Elena V. Features of Medical Activity of the population of the Amur Region. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 2. Pp. 58–73. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.4](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.4).

Abstract. The article discusses the features of medical activity and adherence to preventive measures among the population of the Amur Region based on sociological research. Based on the clustering of municipalities of the Amur region, an analysis of the influence of the availability of medical care on the level of medical activity was carried out. Two significant components have been identified that impede the improvement of the region's population: neglect of qualified medical care and regular preventive measures. Significant territorial disproportions in adherence to a healthy lifestyle have been established. It has been proven

that adherence to clinical examination and preventive medical examinations is characterized by age vector and characteristics of settlement. The purpose of the study is to determine the characteristics of the medical activity of the population of the Amur region in the context of adherence to following medical recommendations and undergoing periodic medical examinations and medical examinations.

Keywords: health, medical activity, medical examination, periodic medical examination

References

1. Ryazantsev, S. V. Self-Assessment of Health and Self-Preservation Behavior of the Population of the Tyumen Region of Working Age / S. V. Ryazantsev, A. E. Ivanova. Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences. 2023. Vol. 16, No. 4. Pp. 7–24. DOI [10.17213/2075-2067-2023-4-7-24](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-7-24). (In Russ.).
2. Arkhangelskiy, V. N. Vospriizvodstvennyy potentsial demograficheskogo razvitiya Rossii [Reproductive potential of Russia's demographic development] / V. N. Arkhangelskiy, A. E. Ivanova, T. A. Fadeeva ; ed. L. L. Rybakovsky. Moscow : Econ-Inform Publishing House, 2022. 165 p. ISBN 978-5-907427-72-3. (In Russ.).
3. Vangorodskaya, S. A. Changing Lifestyle and Reducing Mortality from Chronic Non-Communicable Diseases in the Context of Achieving the Sustainable Development Goal 3 / S. A. Vangorodskaya, T. P. Sabgayda, A. V. Zubko. Social Aspects of Population Health. 2022. Vol. 68, No. 6. DOI [10.21045/2071-5021-2022-68-6-8](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2022-68-6-8). (In Russ.).
4. Korolenko, A. V. Medical Activity as a Factor of Public Health (On the Example of Vologda Oblast). In: Paradigmy i modeli demograficheskogo razvitiya [Paradigms and models of demographic development] : proceedings of the XII Ural Demographic Forum, International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, June 03–04, 2021 / Ed. O. A. Kozlova et al. Vol. II. Ekaterinburg : Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2021. Pp. 131–140. DOI [10.17059/udf-2021-4-11](https://doi.org/10.17059/udf-2021-4-11). (In Russ.).
5. Gurvich, I. N. Sotsial'naya psikhologiya zdorov'ya [Social psychology of health]. St. Petersburg : St. Petersburg State University Publishing House, 1999. 1023 p. ISBN 5-288-02260-7. (In Russ.).
6. Kolosnitsyna, M. G. Factors of the Life Expectancy Increase: Country-Level Cluster Analysis / M. G. Kolosnitsyna, T. V. Kossova, M. A. Sheluntcova. Demographic Review. 2019. Vol. 6, No. 1. Pp. 124–150. (In Russ.).
7. Rimashevskaya, N. M. Zhenshchina, muzhchina, sem'ya v Rossii: poslednyaya tret' XX veka [Woman, man, family in Russia: the last third of the 20th century] : monograph / N. M. Rimashevskaya, L. M. Prokofieva, I. V. Ryvkina et al. ; ed. N. M. Rimashevskaya. Moscow : Institute of Socio-Economic Studies of Population, 2001. 314 p. ISBN 5-89997-016-2. (In Russ.).
8. Kaplan, G. A. Perceived Health and Mortality: A Nine-Year Follow-Up of the Human Population Laboratory Cohort / G. A. Kaplan, T. Camacho. American Journal of Epidemiology. 1983. Vol. 117, № 3. Pp. 292–304. DOI [10.1093/oxfordjournals.aje.a113541](https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.aje.a113541).
9. Antonov, A. I. Sotsiologiya sem'i [Sociology of the family] : textbook for universities / A. I. Antonov, V. M. Medkov. Moscow : Moscow State University Publishing House : International University of Business and Management Publishing House, 1996. 302 p. ISBN 5-211-03485-6. (In Russ.).
10. Nazarova, I. B. Monitoring of the Population Health and Health Risk Factors (Research Methodology). RUDN Journal of Sociology. 2022. Vol. 22, No. 3. Pp. 616–629. DOI [10.22363/2313-2272-2022-22-3-616-629](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-3-616-629). (In Russ.).
11. Aleksandrova, O. A. Instruments for Increasing Labor Motivation of Medical Organizations Employees / O. A. Aleksandrova, A. V. Yarasheva, N. V. Alikperova et al. Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine. 2020. Vol. 28, No. S2. Pp. 1049–1055. DOI [10.32687/0869-866X-2020-28-s2-1049-1055](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-s2-1049-1055). (In Russ.).
12. Dmitrieva, Yu. V. Self-Preservation Behavior as the Condition for Reducing Mortality and Increasing Life Expectancy. Population. 2019. Vol. 22, No. 3. Pp. 93–101. DOI [10.24411/1561-7785-2019-00029](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00029). (In Russ.).
13. Ivanova, A. E. Rezervy rosta prodolzhitel'nosti zhizni naseleniya Moskvy za schet effektivnoy deyatel'nosti zdravookhraneniya [Reserves for growth in life expectancy of the population of Moscow due to effective health care activities] : collective monograph / A. E. Ivanova, V. G. Semyonova, T. P. Sabgaida et al. Moscow : Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department, 2019. 79 p. ISBN 978-5-907251-09-0. (In Russ.).

14. Antonov, A. I. Dispositional Regulation of Reproductive and Self-Preserving Behaviour in Atypical Families with a Sick Child / A. I. Antonov, M. A. Guseva. Social Aspects of Population Health. 2019. Vol. 65, No. 1. Pp. 1–31. DOI [10.21045/2071-5021-2019-65-1-2](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2019-65-1-2). (In Russ.).
15. Ivanova, A. E. Progress v dostizhenii zdorovogo obraza zhizni i blagopoluchiya rossiyskogo naseleniya [Progress in achieving a healthy lifestyle and well-being of the Russian population] / A. E. Ivanova, S. A. Vangorodskaya, T. P. Sabgaida, V. G. Semyonova, A. V. Zubko. In: Rossiyskoye obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh stanovleniya novogo mirovogo poryadka: demograficheskaya situatsiya v 2022 godu [Russian society and state in the conditions of the emergence of a new world order: Demographic situation in 2022] / S. V. Ryazantsev, T. K. Rostovskaya, V. N. Arkhangelsky et al. Moscow : Prospekt Publishing House, 2023. Pp. 163–181. ISBN 978-5-392-38629-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023). (In Russ.).
16. Nioradze, G. V. Regional Differentiation of Demographic Dynamics in Russia and the Role of Healthcare / G. V. Nioradze, A. V. Topilin, O. D. Vorobyova, A. E. Ivanova. Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine. 2023. Vol. 31, No. S2. Pp. 1275–1281. DOI [10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1275-1281](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1275-1281). (In Russ.).
17. Kisilenko, A. V. The Analysis of Expert Survey on Factors of Self-Preserving Behavior of Population of the Central Regions of Russia / A. V. Kisilenko, I. S. Shapovalova, D. G. Kisilenko et al. Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine. 2020. Vol. 28, No. 2. Pp. 253–260. DOI [10.32687/0869-866X-2020-28-2-253-260](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-2-253-260). (In Russ.).
18. Khodakova, O. V. Self-Assessment of Health as an Element of Self-Preserving Behavior and Addition to Dispensarization of Adults / O. V. Khodakova, N. V. Koshevaya. Current Problems of Health Care and Medical Statistics. 2019. No. 4. Pp. 309–326. DOI [10.24411/2312-2935-2019-10099](https://doi.org/10.24411/2312-2935-2019-10099). (In Russ.).
19. Rusinova, N. L. Access to Health Care: Methodological Approaches and Basic Measures / N. L. Rusinova, L. V. Panova. Journal of Sociology and Social Anthropology. 2002. Vol. 5, No. 4. Pp. 147–163. (In Russ.).
20. Schetinina, C. Ю. Medical Activity as a Component of a Healthy Lifestyle. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. No. 5-3(44). Pp. 194–197. DOI [10.24411/2500-1000-2020-10581](https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10581). (In Russ.).
21. Shabunova, A. A. Zdorov'ye naseleniya v Rossii: sostoyaniye i dinamika [Population health in Russia: State and dynamics]. Vologda : Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2010. 408 p. ISBN 978-5-93299-161-9. (In Russ.).

Bio note:

Elena V. Polyanskaya, Leading Researcher, Far Eastern Scientific Center for Physiology and Pathology of Respiration, Blagoveshensk, Russia.

Contact information: e-mail: polanska2011@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-6260-8693](https://orcid.org/0000-0001-6260-8693); RSCI SPIN code: [9921-6511](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=9921-6511).

Received on 15.02.2024; accepted for publication on 18.04.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЯ РЫНКА ТРУДА

DOI [10.19181/demis.2024.4.2.5](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.5)

EDN [IVPDNF](https://www.edn.ru/IVPDNF)

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИСТАНЦИОННОЙ ЗАНЯТОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Давлетшина Л. А.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Государственный университет управления, Москва, Россия

E-mail: fille_777@mail.ru

Долгих Е. А.

Государственный университет управления, Москва, Россия

E-mail: ekaterina-d@inbox.ru

Для цитирования: Давлетшина, Л. А. Статистический анализ дистанционной занятости в Российской Федерации / Л. А. Давлетшина, Е. А. Долгих // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 2. С. 74–87. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.5](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.5). EDN [IVPDNF](https://www.edn.ru/IVPDNF).

Аннотация. В статье рассмотрены особенности дистанционной занятости в Российской Федерации и ее регионах. Информационной базой послужили результаты Всероссийской переписи населения 2021 г. и данные обследования рабочей силы, проводимого Федеральной службой государственной статистики. В работе представлены количественная характеристика рассматриваемого явления, степень его распространенности и однородности по территории России. Отдельное внимание уделено характеристике достоинств и недостатков удаленной работы. На основании результатов Всероссийской переписи населения 2021 г. выполнен сравнительный анализ федеральных округов по доле работающих дистанционно в численности занятых, работающих за пределами своего населенного пункта. Проведено исследование структуры удаленных работников по федеральным округам, а также по территории нахождения работы. Осуществлена группировка субъектов страны по доле работающих дистанционно на территории своего субъекта в общей численности удаленных работников. Она позволила сделать вывод о том, что наибольшая доля работающих дистанционно на территории своего субъекта в общей численности удаленных работников характерна в основном для субъектов Дальневосточного, Сибирского и Приволжского федеральных округов. Проанализирована динамика и структура дистанционных работников по результатам обследования рабочей силы, что позволило сформировать «потрет удаленного работника». Выявлено, что в III квартале 2023 г. наибольшая доля работающих дистанционно имела высшее образование, являлась специалистами высшего уровня квалификации, проживала в городах и работала дистанционно несколько дней, но не все.

Ключевые слова: удаленная работа, пандемия COVID-19, обследование рабочей силы, перепись населения, регионы России, дифференциация территорий

Введение

В последние годы в Российской Федерации наблюдаются значительные изменения как в экономике, так и в социальной сфере. Основными причинами являются развитие цифровой экономики, пандемия COVID-19, а также геополитические события, происходящие в нашей стране. Трансформация коснулась и рынка труда. Это выразилось в том, что достаточно широкое распространение получил дистанционный формат работы. Концепцию работы в таком формате предложил в 1973 г. Дж. Ниллес. В 1975 г. появились первые персональные компьютеры, в 1983 г. – Интернет. Перечис-

ленные события и послужили предпосылками для распространения удаленной работы, а появление в 1991 г. формата сети Wi-Fi ускорило данный процесс.

Дистанционный формат работы – это подход, позволяющий сотрудникам работать за пределами традиционной офисной среды. Согласно трудовому законодательству Российской Федерации, дистанционный сотрудник взаимодействует с работодателем не только посредством сети Интернет, но и сетей общего пользования: телефона, мессенджеров, смс-сообщений и пр. [1].

Россия, обладая обширными территориями, включающими более 10 часовых поясов, характеризующаяся существенной социально-экономической дифференциацией, имеет свои специфические черты распространения дистанционных форм занятости. Их определение и характеристика возможны в первую очередь сквозь призму цифр. Верифицированные и репрезентативные данные дают возможность проведения количественного и качественного анализа.

Цель данной работы – выполнение статистического анализа дистанционной занятости в Российской Федерации на основе данных Всероссийской переписи населения этапа 2021 г. и обследования рабочей силы.

Обзор научной литературы

Всеобщее распространение цифровых технологий и инструментов способствует изменениям в различных сферах жизни общества. Среди них наиболее динамично развивающимися являются новые модели ведения бизнеса, уникальные цепочки создания стоимости, появление разнообразных форм занятости населения [2]. В результате трансформаций сформировался новый элемент рыночной системы – глобальный рынок труда, в рамках которого взаимоотношения выстраиваются посредством цифровых технологий, отсутствуют территориальные границы и временные барьеры, применяется единое трудовое законодательство.

В части использования единого законодательства на истоках включения к изучаемой категории «дистанционная занятость» в нашей стране оставались нерешенные вопросы. Так, А. В. Салабутин в своей работе акцентирует внимание не только на регулируемых российским законодательством аспектах дистанционного труда, но и указывает на существующие проблемы заключения трудовых договоров и вопросов регулирования нормативно-правовой базы для лиц, привлеченных к труду по дистанционной форме занятости [3]. Т. А. Камарова в рамках изучения перспектив развития дистанционной занятости наряду с перспективами данной формы привлечения работников и ее вклада в развитие трудового потенциала России подчеркивает потребность в совершенствовании регулирования отношений на законодательном уровне [4]. А. В. Кашепов обращает внимание на проблему трудовых прав фрилансеров и других категорий работников, связанных с цифровой и шеринговой занятостью [5].

Вступившие в силу 01.01.2021 г. изменения в Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. N 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях»¹ вносят ясность в категории «дистанционная занятость» и «дистанционный работник», определяют понятие дистанционной (удаленной) рабо-

¹ Федеральный закон от 08.12.2020 г. № 407-ФЗ // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46184> (дата обращения: 14.03.2024).

ты, регламентируют особенности заключения трудового договора и дополнительно соглашения к трудовому договору, предусматривающих выполнение работником трудовой функции дистанционно.

Ю. Ю. Губина рассматривает удаленную занятость как одну из современных форм занятости и описывает основные перспективы ее развития в России [6]. В статье «Актуальные вопросы дистанционной работы» коллектив исследователей указывает на то, что цифровизация производства стала толчком в возникновении новых сфер, видов и средств приложения труда, создании виртуальных рынков труда, и, как следствие, виртуальной занятости и трудовой онлайн среды [7]. Особое место отводится дистанционной форме занятости и практике применения дистанционных форм занятости, реализуемым в условиях новой реальности.

Согласно результатам репрезентативных социологических исследований населения РФ, полученных в период 2020–2021 гг., авторами работы «Дистанционная занятость в период коронакризиса: масштабы распространения и результативность внедрения» выявлено, что толчком развития дистанционных форм занятости в стране, прежде всего, стали коронавирусные ограничения [8]. По их мнению, в среднесрочной перспективе произойдут процессы оптимизации управленческих усилий внедрения дистанционной занятости и сегментарного развития смешанных форм занятости.

Н. В. Тонких представила авторское видение методических аспектов и инструментов оценки роли дистанционной занятости в изменении социально-экономических процессов, как сферы исследования новых направлений в области нестандартных социально-трудовых отношений [9]. Т. А. Камарова посвятила работу «Устойчивое развитие современных нестандартных форм занятости» уточнению сущности новых форм занятости на рынке труда, классификации и систематизации нетрадиционных форм занятости в России. В статье дана характеристика дистанционной занятости как одной из современных нетрадиционных форм занятости по признакам. Определены формы занятости, регламентированность трудовых отношений, тип трудового контракта, рабочий график и прочие характеристики [10].

Ученые из Института экономики РАН определили барьеры распространения дистанционной формы занятости среди лиц, имеющих семейные обязанности. По их мнению, это институциональная незрелость дистанционного рынка труда и слабая разработанность целевых программ, позволяющая применить новые возможности гибкой занятости [11].

Региональный анализ дистанционных форматов профессионального развития для женщин, воспитывающих детей в возрасте до 3 лет, проведен исследователями УрГЭУ [12]. Согласно результатам эмпирического социологического исследования, установлено, что для женщин с детьми до 3 лет наиболее приемлем дистанционный формат обучения и занятости. Определено, что рост дистанционной активности среди женщин в период воспитания детей повлечет увеличение активности женщин вне семьи. Кроме того, авторы подчеркнули потребность в организации работы по уточнению списка профессий, специальностей и квалификаций, подходящий для данной категории лиц.

В результате изучения ряда научных трудов и исследований было выявлено, что вопросам дистанционной занятости посвящено большое количество работ, касающихся широкого спектра проблем: от законотворчества до вопросов трудоустройства женщин, находящихся в декретном отпуске; от цифровизации и новых бизнес-тех-

нологий до характеристики дистанционной занятости по признакам.

Несмотря на скрупулезное внимание ученых и исследователей к изучению дистанционной занятости, на данный момент еще не все аспекты этого явления рассмотрены. Среди них научный и практический интерес вызывает статистический анализ дистанционной занятости в России на основе данных последней Переписи населения и по результатам обследования рабочей силы.

Материалы и методы

Для характеристики удаленной работы были использованы результаты Всероссийской переписи населения этапа 2021 г. в разрезе федеральных округов. При этом особое внимание уделено структуре работающих в дистанционном формате по территории нахождения работы. Отдельно рассмотрена доля работающих дистанционно на территории своего субъекта. По полученным данным проведена аналитическая группировка.

Вопрос о дистанционной занятости включен в переписной лист Л1 в части, касающейся определения местонахождения работы. Данный вопрос содержит два подпункта, один из которых направлен на выявление места нахождения работы (субъект РФ, городской населенный пункт, муниципальный район/округ, городской округ или иностранное государство), а второй – на оценку частоты выезда/выхода на работу (ежедневно, несколько раз в неделю, несколько раз в месяц, 1 раз в месяц и реже или дистанционная работа).

По данным обследования рабочей силы, проводимого Федеральной службой государственной статистики, со второго квартала 2022 г. доступны сведения о занятости в дистанционном формате. На их основе выявлены расхождения численности населения, занятого в дистанционном формате, с данными Всероссийской переписи. Изучена структура занятого населения по уровню образования и по занятиям на основной работе.

В настоящее время данные выборочного обследования рабочей силы собираются по Форме № 1-3, утвержденной Приказом Росстата № 360 от 31.07.2023 г. Вопрос о дистанционной работе включен в раздел, касающийся местоположения основной работы, причем при положительном ответе на вопрос, приходилось ли выполнять работу удаленно, можно выбрать либо все дни рабочей недели, либо несколько дней, но не все. Следует отметить, что в обследовании рабочей силы 2017–2019 гг. тоже содержался вопрос о дистанционной работе. Он входил в раздел, описывающий место основной работы, и был сформулирован следующим образом: «работа выполнялась на дому с использованием сети «Интернет»?». Однако этот вопрос не нашел отражения в результатах рассматриваемого обследования.

В работе применялись следующие методы: общенаучные (описательный, сравнительный и типологический анализ) и математико-статистические (группировка, изучение структуры, сравнение со средними значениями по России, графический). На основании данных Всероссийской переписи населения этапа 2021 г. и обследования рабочей силы построены графики, демонстрирующие как структуру анализируемых показателей, так и ее динамику.

Преимущества и недостатки дистанционной занятости

Удаленная работа имеет достаточно немало преимуществ как для сотрудников, так и для работодателей.

Наиболее очевидная причина, по которой работники выбирают дистанционный формат, заключается в том, что это дает им гибкость в исполнении работы. Сотрудники могут работать в любом удобном для них месте. Причем свобода выбора места, в котором сотрудник работает более продуктивно, а в некоторых случаях и наиболее удобного времени для работы делает сотрудников более производительными. А с точки зрения работодателей, такой формат сокращает операционные расходы. Еще одним преимуществом удаленной работы является отсутствие потерь времени и средств на проезд к месту работы.

Важно также и то, что отсутствие человека на работе в офисе снижает вероятность распространения инфекционных заболеваний, поскольку контактов с другими людьми будет меньше, а то и вовсе их не будет.

Несмотря на то, что удаленная работа набирает все большую популярность, у данного формата деятельности есть и некоторые недостатки. Один из них заключается в том, что многие воспринимают удаленную работу как более легкую нагрузку, что в принципе неверно. Ведь человек, работая удаленно, отвечает на звонки и электронные письма зачастую до начала или после окончания рабочего дня. К тому же, работая удаленно, сотрудник имеет меньше контактов с коллегами и, соответственно, меньше шансов познакомиться с новыми людьми и завести друзей. Также нельзя не отметить и тот факт, что у многих людей, работающих в удаленном формате дома, нередко появляются личные отвлекающие факторы, которые могут замедлить темпы выполнения работы [13].

Анализ результатов Всероссийской переписи населения

Значительное внимание изучению удаленной работе было посвящено при проведении Всероссийской переписи населения в 2021 г. (далее – перепись), поскольку в бланк переписного листа был включен вопрос о том, работал ли человек дистанционно (Лист 2, вопрос 20.2).

Результаты переписи содержат данные о дистанционных работниках в разрезе субъектов Российской Федерации с указанием того, на какой территории работал человек. Всего насчитывалось 172,7 тыс. человек, работающих дистанционно, что составило 2,6% от численности занятых, работавших за пределами своего населенного пункта (рис. 1).

Процент удаленных сотрудников в численности занятых, работающих за пределами своего населенного пункта, варьировался от 1,5% в Северо-Кавказском федеральном округе до 3,2% в Центральном и Северо-Западном федеральных округах. Причем в последних, а также в Южном федеральном округе значение рассматриваемого показателя превышало среднероссийское.

В структуре дистанционных работников по федеральным округам преобладают занятые Центрального федерального округа, доля которых составила 43,5%. Достаточно заметное значение показателя наблюдается в Приволжском федеральном округе, где 17,4% занятых работают в дистанционном формате (рис. 2).

При изучении дистанционной занятости довольно важным представляется анализ структуры удаленных работников по территории нахождения работы (рис. 3).

У большинства дистанционных сотрудников Российской Федерации работа находилась на территории другого субъекта (67,7%). Данная ситуация в той или иной мере характерна для всех федеральных округов, за исключением Дальневосточного, в котором доля таких работников составила 40,5%. В рассматриваемом федеральном

округе наибольшая доля удаленных занятых работали на территории своего субъекта (52,2%). В целом по стране почти четверть занятых в дистанционном формате работала на территории своего субъекта (24,7%). Наименьшая доля этого показателя приходилась на работавших на территории иностранного государства (3,5%). Что касается субъектов, то в абсолютном большинстве максимальная доля дистанционных сотрудников приходилась на работающих на территории другого субъекта РФ. Исключениями являются следующие субъекты: Нижегородская, Свердловская, Иркутская, Сахалинская области, Республика Саха и Приморский край. В них наибольшая доля работающих удаленно относится к территории своего субъекта. Следует отметить, что максимальная доля наблюдается в Республике Саха, где она составила 82,8% [14].

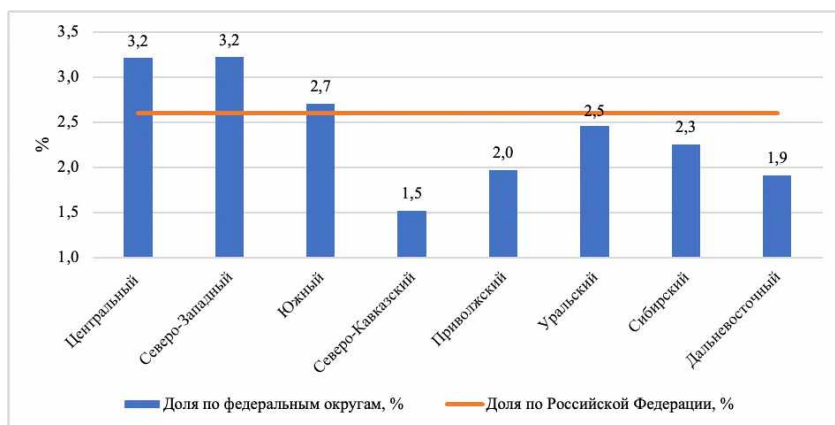

Рис. 1. Доля работающих дистанционно в численности занятых, работающих за пределами своего населенного пункта, по результатам переписи (%)

Fig. 1. The share of remote workers in the number of employees working outside their locality, according to the Census results (%)

Источник: составлено авторами по данным Всероссийской переписи населения²

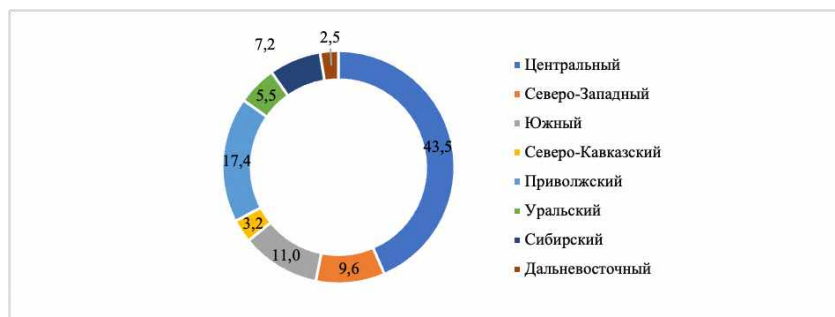

Рис. 2. Структура работающих в дистанционном формате по федеральным округам России, по результатам переписи (%)

Fig. 2. The structure of remote workers in the federal districts of Russia, according to the Census results (%)

Источник: составлено авторами по данным Всероссийской переписи населения³

² Всероссийская перепись населения 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 14.03.2024).

³ Там же.

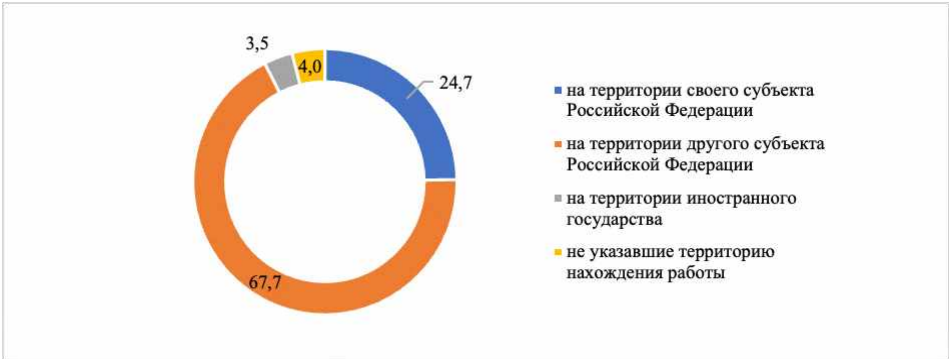

Рис. 3. Структура работающих в дистанционном формате по территории нахождения работы, по результатам переписи (%)
Fig. 3. The structure of remote workers in the territory where they are employed, according to the Census results (%)

Источник: составлено авторами по данным Всероссийской переписи населения⁴

Кроме того, обратим внимание на то, что проведение переписи населения пришлось на постпандемийное время, когда многие организации были вынуждены переводить своих сотрудников на работу в удаленном формате [15]. И масштабы такого перехода в различных субъектах были различны. Доля сотрудников, работающих дистанционно на территории своего субъекта, варьировала от 1,1% до 82,8%. С данной точки зрения важной представляется группировка субъектов по доле сотрудников, работающих дистанционно на территории своего субъекта, в общей численности удаленных работников (табл. 1). Это косвенно даст понимание и масштабов трудовой миграции.

Таблица 1

Группировка субъектов Российской Федерации по доле работающих дистанционно на территории своего субъекта в общей численности удаленных работников
Table 1

Grouping of the subjects of the Russian Federation by the share of remote workers in the territory of their region in the total number of remote workers

Группы по доле работающих на территории своего субъекта (%)	Состав группы
менее 20,6	ЦФО: Владимирская обл., Калужская обл., Курская обл., Московская обл., Тамбовская обл., Тверская обл., г. Москва; СЗФО: Ленинградская обл., Новгородская обл., Псковская обл., Ненецкий АО, г. Санкт-Петербург; ЮФО: Респ. Адыгея, Респ. Калмыкия, Астраханская обл., г. Севастополь; СКФО: Кабардино-Балкарская Респ.; ПФО: Респ. Марий Эл; УФО: Ямало-Ненецкий АО; СФО: Респ. Хакасия; ДВФО: Еврейская авт. обл.

⁴ Всероссийская перепись населения 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 14.03.2024).

Группы по доле работающих на территории своего субъекта (%)	Состав группы
20,6–27,1	ЦФО: Брянская обл., Ивановская обл., Костромская обл., Липецкая обл., Орловская обл., Смоленская обл., Тульская обл., Ярославская обл.; СЗФО: Респ. Карелия, Калининградская обл., Мурманская обл.; СКФО: Карачаево-Черкесская Респ.; ПФО: Респ. Мордовия, Чувашская Респ., Кировская обл.; УФО: Ханты-Мансийский АО; СФО: Респ. Алтай, Кемеровская обл., Омская обл., ДВФО: Магаданская обл., Чукотский АО
27,1–37,8	ЦФО: Белгородская обл., Рязанская обл.; СЗФО: Респ. Коми, Архангельская обл.; ЮФО: Респ. Крым, Краснодарский край, Волгоградская обл.; СКФО: Респ. Северная Осетия-Алания, Чеченская Респ., Ставропольский край; ПФО: Удмуртская Респ., Оренбургская обл., Пензенская обл., Саратовская обл., Ульяновская обл.; УФО: Курганская обл., Тюменская обл., Челябинская обл.; СФО: Алтайский край, Томская обл.; ДВФО: Хабаровский край
37,8 и выше	ЦФО: Воронежская обл.; ЮФО: Вологодская обл., Ростовская обл.; СКФО: Респ. Дагестан, Респ. Ингушетия; ПФО: Респ. Башкортостан, Респ. Татарстан, Пермский край, Нижегородская обл., Самарская обл.; УФО: Свердловская обл.; СФО: Респ. Тыва, Красноярский край, Иркутская обл., Новосибирская обл.; ДВФО: Респ. Бурятия, Респ. Саха (Якутия), Забайкальский край, Камчатский край, Приморский край, Амурская обл., Сахалинская обл.

Источник: составлено авторами по данным Всероссийской переписи населения⁵

Основу группы с минимальными значениями рассматриваемого показателя составляют субъекты Центрального, Северо-Западного и Южного федеральных округов (7, 5 и 4 субъектов соответственно). Работники названных субъектов отдадут предпочтение удаленной работе на территории другого субъекта.

Группа с наивысшими значениями доли работающих дистанционно на территории своего субъекта в общей численности удаленных работников состоит в основном из субъектов Дальневосточного, Сибирского и Приволжского федеральных округов (7, 4 и 5 субъектов соответственно).

Анализ результатов обследования рабочей силы

Федеральная служба государственной статистики, начиная со второго квартала 2022 г., публикует данные о занятости в дистанционном формате, полученные в результате проведения обследования рабочей силы. Поскольку данные за четвертый квартал 2022 г. отсутствуют, в работе будет рассмотрен временной интервал с первого по третий квартал 2023 г. Так, численность населения, занятого в дистанционном формате, имела тенденцию к ежеквартальному снижению в среднем на 183 тыс. человек (14,4%). В III квартале 2023 г. занятыми удаленно были 1002,5 тыс. человек. Нельзя не обратить внимание на то, что значение показателя в 5,8 раз превышает значение, полученное в результате переписи. Следует признать, что тенденция рассматриваемого показателя в 2023 г. не совпадает с тенденцией численности занятых, которая, напротив, возростала ежеквартально на 600,5 тыс. человек (0,8%) (рис. 4).

Сравнение динамики численности работающих в 2023 г. относительно соответствующего квартала 2022 г. показало заметное снижение. Так, в I квартале оно составило 27,1%, во II квартале – 18%, а в III квартале – 47,7%.

⁵ Всероссийская перепись населения 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 14.03.2024).

Что касается доли занятых, работающих в дистанционном формате, в общей численности занятых, то она снижалась в 2023 г. ежеквартально на 0,25 п. п. и составила 1,4% в III квартале.

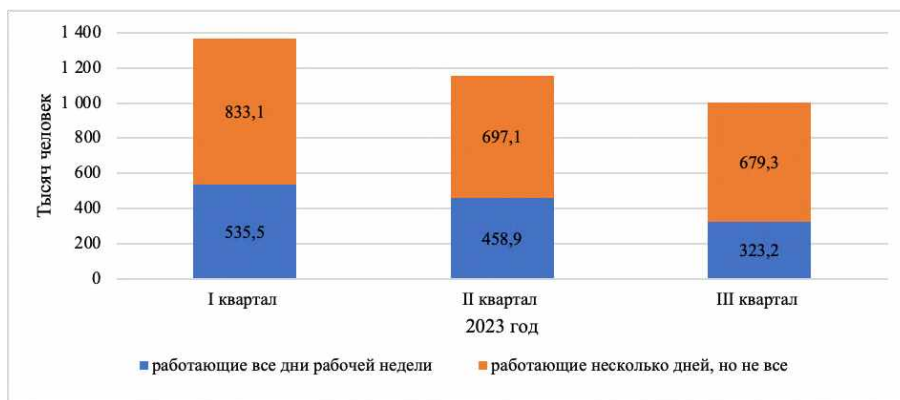

Рис. 4. Численность занятого населения, работающего дистанционно, в России

Fig. 4. The number of employed people working remotely in Russia

Источник: составлено авторами по результатам обследования рабочей силы⁶

В составе занятого населения, работающего удаленно, преобладают работающие в таком формате несколько дней, но не все. Их доля в III квартале 2023 г. насчитывала 67,8% (679,3 тыс. человек).

Дистанционная занятость характерна больше для городского населения, нежели для сельского: в III квартале 2023 г. их доли составили 83,8% и 16,2% соответственно.

Поскольку удаленная работа предполагает использование широкого спектра компьютерных программ и/или приложений для смартфонов, актуальным представляется изучение возрастного состава работающих удаленно.

В структуре занятых, работающих в дистанционном формате, в III квартале 2023 г. более трети составляли работники в возрастном интервале от 30 до 39 лет (36,1%). Достаточно велика была доля лиц в возрасте от 40 до 49 лет (26,3%). Средний возраст работающих удаленно в III квартале 2023 г. был равен 39,4 года, в то время как в I квартале он был на 0,6 года выше. Это позволяет сделать вывод о том, что удаленная занятость «молодеет».

В структуре занятых, работающих в дистанционном формате, в III квартале 2023 г., преобладали работники, имеющие высшее образование (73,5%). На втором месте по доле работников располагалось среднее профессиональное образование по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих): доля удаленных работников с таким образованием составила 16,8% (рис. 5).

Очевидно, что не любую работу можно перевести в дистанционный формат. Ярким примером являются работники сферы охраны граждан. В связи с чем интерес представляет оценка структуры работников, работающих удаленно, по занятиям на основной работе (рис. 6).

⁶ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 14.03.2024).

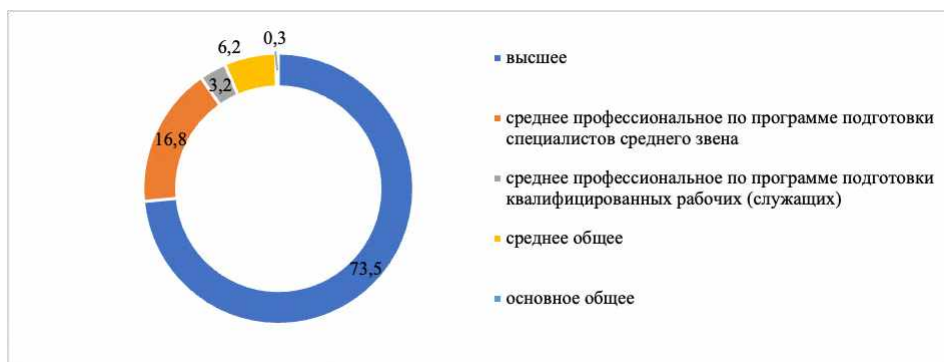

Рис. 5. Структура занятого населения, работающего дистанционно в III квартале 2023 г., по уровню образования (%)

Fig. 5. The structure of the employed population working remotely in the third quarter of 2023, by level of education (%)

Источник: составлено авторами по результатам обследования рабочей силы⁷

Рис. 6. Структура занятого населения, работающего удаленно, по занятиям на основной работе в III квартале 2023 г., %

Fig. 6. The structure of the employed population working remotely by occupation in the main job in the third quarter of 2023, %

Источник: составлено авторами по результатам обследования рабочей силы⁸

Так, в III квартале 2023 г. наибольшая доля удаленных работников приходилась на специалистов высшего уровня квалификации (67,0%). Доли специалистов среднего уровня квалификации и руководителей были практически равны – 14,2% и 13,2% соответственно. Наименьшая доля работников в дистанционном формате наблюдалась по сотрудникам сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности.

⁷ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 14.03.2024).

⁸ Там же.

Выводы

Анализ научных трудов позволил установить, что дистанционная занятость, несмотря на относительную новизну явления, представляет собой актуальную отрасль исследований, в которой все еще достаточно белых пятен.

Особую ценность для проведения дальнейших экономико-статистических исследований имеют количественная и качественная характеристика рассматриваемого явления, степень его распространенности и однородности по территории России. Решение данного вопроса не представляется возможным без гармонизации индикаторов наблюдения по существующим источникам. Особое внимание следует обратить на расширение регистрируемых показателей, характеризующих дистанционную занятость в рамках текущих форм статистического наблюдения. Наличие верифицированных и репрезентативных данных дает возможность исследователям и практикам проводить количественный и качественный анализ рассматриваемого явления.

На основании использованных данных, размещенных на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики, в работе определены динамика и структура дистанционной занятости населения России как с позиции территории, так и с точки зрения характеристики работающего населения.

Масштабы занятости в дистанционном формате достаточно велики несмотря на то, что острая необходимость, появившаяся в таком формате работы в пандемийное время, на сегодняшний день практически отсутствует. Многие работники и работодатели оценили удобство удаленной работы и продолжают ее практиковать в своих компаниях, что привело к внесению корректировок в Трудовой кодекс Российской Федерации в 2020 г. с целью минимизации конфликтов в части категорийного аппарата и особенностей заключения трудового договора и дополнительного соглашения к трудовому договору.

В заключение отметим, что масштабы дистанционной занятости в региональном разрезе различны, и при принятии решений в данной области необходимо учитывать региональные особенности дистанционной занятости в нашей стране [16]. Для осуществления более глубокого экономико-статистического анализа, включающего выявление тенденции объекта наблюдения, определение однородности изучаемой совокупности, проведение корреляционно-регрессионного анализа с целью выявления факторов распространенности дистанционной занятости по субъектам Российской Федерации существует потребность в расширении и углублении регистрируемых индикаторов, характеризующих дистанционную занятость.

Список литературы

1. Малышев, А. А. Эволюция практики удаленной работы в России и за рубежом // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2018. № 3 (27). С. 33–40. EDN [YGIGTZ](#).
2. Новикова, И. В. Стратегия глобального рынка труда // Региональные проблемы преобразования экономики: интеграционные процессы и механизмы формирования и социально-экономическая политика региона : Материалы IX Международной научно-практической конференции, Махачкала, 05–06 декабря 2018 г. Махачкала : Институт социально-экономических исследований Дагестанского научного центра РАН, 2018. С. 621–622. EDN [YZZLIT](#).
3. Салабутин, А. В. Правовые проблемы развития дистанционной занятости // Стратегическое развитие инновационного потенциала отраслей, комплексов и организаций : Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 27–28 октября 2020 г. Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2020. С. 93–96. EDN [XFLJNI](#).
4. Камарова, Т. А. Распространение, достоинства применения и перспективы развития дистан-

ционной занятости // Человеческий и производственный потенциал российской экономики перед глобальными и локальными вызовами : материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 30 ноября 2018 г. Саратов : Издательство «КУБиК», 2019. С. 157–162. EDN [VXUHIK](#).

5. *Кашепов, А. В.* Цифровизация и новые бизнес-технологии как факторы труда и занятости населения // Modern Science. 2020. № 8–1. С. 71–76. EDN [RUVXLD](#).

6. *Губина, Ю. Ю.* Удаленная работа как одна из современных форм занятости и перспективы ее развития в Российской Федерации // Социально-экономические проблемы и перспективы развития трудовых отношений в инновационной экономике : Материалы Международной научно-практической конференции, Омск, 19 апреля 2019 г. Омск : Омский государственный технический университет, 2019. С. 30–34. EDN [FWIMRW](#).

7. *Волошина, И. А.* Актуальные вопросы дистанционной работы / И. А. Волошина, И. И. Баргоякова, Т. Р. Новикова // Актуальные вопросы современной экономики. 2021. № 2. С. 72–88. DOI [10.34755/IROK.2021.48.13.010](#). EDN [LIOSPI](#).

8. *Логинов, Д. М.* Дистанционная занятость в период коронакризиса: масштабы распространения и результативность внедрения / Д. М. Логинов, М. В. Лопатина // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 4. С. 107–121. DOI [10.19181/population.2021.24.4.9](#). EDN [IIRGXC](#).

9. *Тонких, Н. В.* Методические аспекты исследования влияния дистанционных форм женской занятости на институт родительства // E-FORUM. 2018. № 1 (2). С. 3. EDN [VUDJHY](#).

10. *Камарова, Т. А.* Устойчивое развитие современных нестандартных форм занятости // Современные исследования проблем управления кадровыми ресурсами : Сборник научных статей по результатам III международной научно-практической конференции: в 3-х томах, Москва, 11–12 апреля 2018 г. Москва : Типография «Формат», 2018. Т. 3. С. 118–124. EDN [YVXHAL](#).

11. *Баскакова, М. Е.* Баланс семьи и работы: новые возможности в условиях цифровой экономики / М. Е. Баскакова, И. В. Соболева // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 3. С. 122–135. DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-3-09](#). EDN [YNHELK](#).

12. *Тонких, Н. В.* Актуальность дистанционных форматов профессионального развития для женщин, воспитывающих детей в возрасте до трех лет / Н. В. Тонких, Д. А. Семерикова // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2019. Т. 17, № 3. С. 111–124. DOI [10.25513/1812-3988.2019.17\(3\).111-124](#). EDN [OWUIEY](#).

13. *Икизли, С. А.* Рынок дистанционной работы: преимущества и недостатки удаленной работы / С. А. Икизли, М. Ю. Смольянинов, Е. А. Забавина, Ю. Н. Кашина // Инновационные технологии управления : Сборник статей по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 04 декабря 2019 г. Нижний Новгород : Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, 2020. С. 18–20. EDN [OFANHU](#).

14. *Попова, О. В.* Последствия расширения масштабов дистанционной занятости в северном регионе (на примере Республики Саха) // Теория и практика общественного развития. 2021. № 8 (162). С. 61–65. DOI [10.24158/tipor.2021.8.9](#). EDN [YDJWWJ](#).

15. *Dash, B.* Remote Work and Innovation During this COVID-19 Pandemic: An Employers' Challenge // International Journal of Computer Science and Information Technology. Vol. 14, No. 2. 2022. P. 13–18. DOI [10.5121/ijcsit.2022.14202](#).

16. *Naumowicz, K.* The Impact of Remote Work Regulations During COVID-19 Pandemic on Work-life Balance in Poland // Praca i Zabezpieczenie Społeczne. 2022. Vol. 22, No. 1. P. 23–30. DOI [10.33226/0032-6186.2022.1.3](#).

Сведения об авторах:

Давлетшина Лейсан Анваровна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; доцент, Государственный университет управления, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: file_777@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-1497-1751](#); РИНЦ SPIN-код: [1246-3360](#); Web of Science Researcher ID: [AAF-1194-2021](#).

Долгих Екатерина Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент, Государственный университет управления, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ekaterina-d@inbox.ru; ORCID ID: [0000-0003-2266-3326](#); РИНЦ SPIN-код: [6532-2299](#).

Статья поступила в редакцию 26.02.2024; принята в печать 26.04.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

STATISTICAL ANALYSIS OF DISTANCE EMPLOYMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Leisan A. Davletshina

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

State University of Management, Moscow, Russia

E-mail: fille_777@mail.ru

Ekaterina A. Dolgikh

State University of Management, Moscow, Russia

E-mail: ekaterina-d@inbox.ru

For citation: Davletshina, Leisan A. Statistical Analysis of Distance Employment in the Russian Federation / L. A. Davletshina, E. A. Dolgikh. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 2. Pp. 74–87. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.5](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.5).

Abstract. The article examines the features of distance employment in the Russian Federation and its regions. The information base was the results of the All-Russian Population Census of the 2021 stage and data from the Labor Force Survey conducted by the Federal State Statistics Service. The paper presents a quantitative characteristic of the phenomenon under consideration, the degree of its prevalence and homogeneity across the territory of Russia. Special attention is paid to the characteristics of the advantages and disadvantages of remote work. Based on the results of the All-Russian Population Census conducted in 2021, a comparative analysis of federal districts was performed by the proportion of remote workers in the number of employed people working outside their locality. The analysis of the structure of remote workers by federal districts, as well as by the territory where the work is located, is carried out. The grouping of the subjects of the country according to the share of remote workers in the territory of their subject in the total number of remote workers was carried out. The dynamics and structure of remote workers are analyzed based on the results of a Labor Force Survey conducted by the Federal State Statistics Service. Special attention is paid to the characteristics of remote workers on all days of the working week and only a few days.

Keywords: remote work, pandemic, labor force survey, population census, regions of Russia, differentiation of territories

References

1. Malyshev, A. A. Evolution of Remote Work Practice in Russia and Abroad. *Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies*. 2018. No. 3 (27). Pp. 33–40. (In Russ.).
2. Novikova, I. V. Global'naya strategiya rynka truda [Strategy of the global labor market]. In: *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki: integratsionnyye protsessy i mekhanizmy formirovaniya i sotsial'no-ekonomicheskaya politika regiona* [Regional problems of economic transformation: integration processes and mechanisms of formation and socio-economic policy of the region] : Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference, Makhachkala, 05-06 December 2018. Makhachkala : Dagestan Scientific Center of the RAS, 2018. Pp. 621–622. (In Russ.).
3. Salabutina, A. V. Legal Problems of Remote Employment Development. In: *Strategic Development of Innovative Potential of Industries, Complexes and Organizations* : Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Penza, October 27-28, 2020. Penza : Penza State Agrarian University, 2020. Pp. 93–96. (In Russ.).
4. Kamarova, T. A. Rasprostraneniye, dostoinstva primeneniya i perspektivy razvitiya distantsionnoy zanyatosti [Distribution, advantages of application and prospects for the development of distance employment]. In: *Chelovecheskiy i proizvodstvennyy potentsial rossiyskoy ekonomiki pered global'nymi i lokal'nymi vyzovami* [The human and industrial potential of the Russian economy in front of global and local challenges] : Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Saratov, November 30, 2018. Saratov : Publishing House KUBiK, 2019. Pp. 157–162. (In Russ.).
5. Kashpov, A. V. Tsifrovizatsiya i novyye biznes-tehnologii kak faktory truda i zanyatosti naseleniya [Digitalization and New Business Technologies as Factors of Labor and Employment of the Population]. *Modern Science*. 2020. No. 8–1. Pp. 71–76. (In Russ.).
6. Gubina, Yu. Yu. Udalennaya rabota kak odna iz sovremennykh form zanyatosti i perspektivy yeyo

razvitiya v Rossiyskoy Federatsii [Remote work as one of the modern forms of employment and prospects for its development in the Russian Federation] In: *Sotsial'no-ekonomicheskiye problemy i perspektivy razvitiya trudovykh otnosheniy v innovatsionnoy ekonomike* [Socio-economic problems and prospects for the development of labor relations in the innovative economy] : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Omsk, April 19, 2019. Omsk : Omsk State Technical University, 2019. Pp. 30–34. (In Russ.).

7. Voloshina, I. A. Aktual'nyye voprosy distantsionnoy raboty [Current issues of remote work] / I. A. Voloshina, I. I. Bargoyakova, T. R. Novikova. *Topical Issues of the Modern Economy*. 2021. No. 2. Pp. 72–88. DOI [10.34755/IROK.2021.48.13.010](https://doi.org/10.34755/IROK.2021.48.13.010). (In Russ.).

8. Loginov, D. M. Remote Employment in the Corona-Crisis Period: The Extent of Spread and Effectiveness of Introduction / D. M. Loginov, M. V. Lopatina. *Population*. 2021. Vol. 24, No. 4. Pp. 107–121. DOI [10.19181/population.2021.24.4.9](https://doi.org/10.19181/population.2021.24.4.9). (In Russ.).

9. Tonkikh, N. V. Methodological Aspects Studies of the Remote Forms Effect of Women's Employment on the Parenthood Institution. *E-FORUM*. 2018. No. 1 (2). P. 3. (In Russ.).

10. Kamarova, T. A. Sustainable Development of Modern Non-Standard Forms of Employment. In: *Sovremennyye issledovaniya problem upravleniya kadrovymi resursami* [Modern research on human resources management problems] : Proceedings of the III International Scientific and practical conference: in 3 vols., Moscow, April 11–12, 2018. Moscow: Format Printing House, 2018. Vol. 3. Pp. 118–124. (In Russ.).

11. Baskakova, M. E. Work-Family Balance: New Opportunities under Digital Economy / M. E. Baskakova, I. V. Soboleva. *Population*. 2018. Vol. 21, No. 3. Pp. 122–135. DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-3-09](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-3-09). (In Russ.).

12. Tonkikh, N. V. Relevance of Remote Formats of Professional Development for Women Raising Children Aged up to Three Years / N. V. Tonkikh, D. A. Semerikova. *Bulletin of Omsk University. Series: Economics*. 2019. Vol. 17, No. 3. Pp. 111–124. DOI [10.25513/1812-3988.2019.17\(3\).111-124](https://doi.org/10.25513/1812-3988.2019.17(3).111-124). (In Russ.).

13. Ikizli, S. A. Rynok distantsionnoy raboty: preimushchestva i nedostatki udalennoy raboty [The market of remote work: advantages and disadvantages of remote work] / S. A. Ikizli, M. Yu. Smolyaninov, E. A. Zabavina, Yu. N. Kashina. In : *Innovatsionnyye tekhnologii upravleniya* [Innovative management technologies] : Proceedings of the VI All-Russian Scientific and practical conference, Nizhny Novgorod, December 04, 2019. Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin, 2020. Pp. 18–20. (In Russ.).

14. Popova, O. V. Consequences of Distant Employment Scale Expansion for the Northern Region (on the example of the Republic of Sakha). *Theory and Practice of Social Development*. 2021. No. 8 (162). Pp. 61–65. DOI [10.24158/tipor.2021.8.9](https://doi.org/10.24158/tipor.2021.8.9). (In Russ.).

15. Dash, B. Remote Work and Innovation During this COVID-19 Pandemic: An Employers' Challenge. *International Journal of Computer Science and Information Technology*. Vol. 14, No. 2. 2022. P. 13–18. DOI [10.5121/ijcsit.2022.14202](https://doi.org/10.5121/ijcsit.2022.14202).

16. Naumowicz, K. The Impact of Remote Work Regulations During COVID-19 Pandemic on Work-life Balance in Poland. *Praca i Zabezpieczenie Społeczne*. 2022. Vol. 22, No. 1. P. 23–30. DOI [10.33226/0032-6186.2022.1.3](https://doi.org/10.33226/0032-6186.2022.1.3).

Bio notes:

Leisan A. Davletshina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS; Associate Professor, State University of Management, Moscow, Russia.

Contact information e-mail: file_777@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-1497-1751](https://orcid.org/0000-0002-1497-1751); RSCI SPIN-code: [1246-3360](https://www.scirp.com/spin-code/1246-3360); Web of Science Researcher ID: [AAf-1194-2021](https://orcid.org/AAf-1194-2021).

Ekaterina A. Dolgikh, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, State University of Management, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ekaterina-d@inbox.ru; ORCID ID: [0000-0003-2266-3326](https://orcid.org/0000-0003-2266-3326); RSCI SPIN-code: [6532-2299](https://www.scirp.com/spin-code/6532-2299).

Received on 26.02.2024; accepted for publication on 26.04.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.2.6](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.6)

EDN [YDUPFW](https://edn.ydupfw.com)

POLICIES TO ATTRACT HIGH-QUALITY FOREIGN HUMAN RESOURCES IN SOUTH KOREA AND SUGGESTIONS FOR VIETNAM

Van Trong Dinh

Danang University of Economics, Danang, Vietnam

E-mail: trongdv@due.edu.vn

Viet Anh Duong

Danang University of Economics, Danang, Vietnam

E-mail: anhdv@due.edu.vn

For citation: Dinh, Van Trong. Policies to Attract High-Quality Foreign Human Resources in South Korea and Suggestions for Vietnam / Van Trong Dinh, Viet Anh Duong. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 2. Pp. 88–98. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.6](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.6).

Abstract. Human resources, specifically high-quality human resources play an important role in economy of any country today. The context of globalization and the fourth industrial revolution has had a profound impact on the process of cooperation between countries fundamentally changing its structure including labor cooperation. Over the past decades, the population structure of the Republic of Korea has changed dramatically, as the population aging outpacing the birth rate resulted in this country having to face the challenges of domestic labor resources shortage and expand the recruitment of immigrant workers from other countries in the region and the world to supplement human resources necessary to serve the further economic development process. Vietnam is likely to face the same demographic challenges in long run, that is why the experience of South Korea in fighting them is highly relevant. This paper aims to draw policy suggestions for Vietnam based on the analysis of empirical evidence and academic theories collected through various sources including scientific journals, newspapers, the internet, and books about developing high-quality human resources in South Korea, as well as assessing the lack of quality human resources in South Korea, and Vietnam through calculations based on statistics retrieved from international open data sources.

Keywords: population aging, labor market, labor shortage, international migration, attracting talents, migration policy, South Korea, Vietnam

Introduction

The impact of the fourth industrial revolution and the COVID-19 pandemic have caused numerous changes in the global labor market. Gradually transitioning from an industrial economy to an information economy entailed changes in equipment, factories, and financial capital – they are no longer the most important assets in the economies of developing countries. Intangible resources such as knowledge, skills, and relationships become the leading competitive advantages¹. Along with that is the trend of an aging population and low birth rate, which has caused a shortage of human resources in general, and high-quality human resources have become increasingly scarce. Due to the rapid development of multinational corporations, the movement of workers is free, no longer

¹ “Thu hút nhân tài”: Kinh nghiệm trong đổi mới sáng tạo cho Việt Nam [“Attracting talent”: Experience in innovation for Vietnam] // Tạp chí Tuyên giáo : [Propaganda Magazine] : [site]. 09.03.2022. URL: <https://tuyengiao.vn/thu-hut-nhan-tai-kinh-nghiem-trong-doi-moi-sang-tao-cho-viet-nam-142661> (accessed on 30.01.2024). (In Viet.).

hindered by geographical distance, work visa or nationality. Outstanding advances in science and technology allow employees to work remotely. The rise of emerging economies in Asia and Latin America is becoming a strong attractor for global talents². All these factors have contributed to turning countries' talent attraction strategies into a major "battlefield", and moreover, it is significant that businesses and countries are required to manage people well. New factors are rapidly closing the gap between the world's traditional talent attraction centers such as Switzerland, England, the USA, and new champions reaching or approaching the top, of which the Republic of Korea (South Korea) is a living proof.

From the mid-1960-s till the 1980-s, brain drain was observed in the Republic of Korea itself. In 1990-s, the country started a policy of sponsoring scholarships for foreign students to come for study, research, and work. The Korean government launched a program of granting "golden cards" to young foreign scientists working in the country with many preferential measures such as high salaries, transportation, and housing support³. Thanks to this talent attraction policy, the Republic of Korea has created a large force of talented and dedicated specialists in many fields of science and technology. This has contributed to making the country one of the Asian "dragons" and a competitor to the leading developed countries of the world.

The successes of South Korea in such practice of developing high-quality human resources is a good example for many countries of the region, including Vietnam. Currently in Vietnam, the process of industrialization and modernization is requiring abundant human resources. Therefore, policies to develop human resources at all levels, especially attracting high-quality foreign human resources, are becoming an urgent need. In recent years, cooperation in human resource development with the Republic of Korea has received special attention and focus from the Vietnamese side [1–4, etc.]. Therefore, Korean policies to attract high-quality foreign human resources can be a useful reference for Vietnamese governmental bodies now and in the future.

This paper aims to draw policy suggestions for Vietnam based on the analysis of empirical evidence and academic theories collected through various sources including scientific journals, newspapers, the internet, and books about developing high-quality human resources in South Korea, as well as assessing the lack of quality human resources in South Korea, and Vietnam through calculations based on statistics retrieved from the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) database.

The progress in attracting high-quality foreign human resources in the Republic of Korea

High-quality human resources are considered a part of the workforce, capable of meeting complex work requirements, thereby creating productivity and efficiency at work, creating significant contributions to the growth and development of the community and society in general [1, p. 22]. However, currently there is no consensus on high-quality human resources between countries and scientists [e.g., 5–7].

² "Thu hút nhân tài": Kinh nghiệm trong đổi mới sáng tạo cho Việt Nam ["Attracting talent": Experience in innovation for Vietnam] // Tạp chí Tuyên giáo : [Propaganda Magazine] : [site]. 09.03.2022. URL: <https://tuyengiao.vn/thu-hut-nhan-tai-kinh-nghiem-trong-doi-moi-sang-tao-cho-viet-nam-142661> (accessed on 30.01.2024). (In Viet.).

³ Kinh nghiệm thu hút, trọng dụng nhân tài của một số nước – Bài học tham khảo cho Việt Nam [Experience in attracting and using talented people of some countries - Reference lessons for Vietnam] // Bộ Nội vụ [The Ministry of Home Affairs] : [site]. 28.12.2020. URL: <https://moha.gov.vn/tintuc/Pages/listbnv.aspx?Cat=611&ItemID=44501> (accessed on 20.02.2024). (In Viet.).

In modern society, high-quality human resources are the most important resource for the development of every nation, because it takes qualified and capable people to exploit other resources well. For modern industrial countries, human resources should be guaranteed in sufficient quantity, and to have enough quantity to manage modern technologies. Further economic development requires workforce with high technical expertise, scientific staff, and all kinds of intellectual workers with relevant expertise and good operational capacity, which would allow them to adapt quickly to the changing conditions, master new qualifications and integrate into production processes. Another task is to maintain a reasonable human resource structure in terms of age, gender, technical expertise, training level, between industries, regions, and in the national economy in general [8].

The current situation of high-quality labor shortage in South Korea

After World War II, the Republic of Korea remained a backward agricultural country. However, thanks to its strategy of rapid industrialization aimed both at domestic and export markets, and development of education at all levels, it rose to become a newly industrialized country as soon as in the 1980-s [1, p. 48]. Nowadays, South Korea is one of the economically most developed countries in the world, according to the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD). However, in recent decades, the Republic of Korea has been facing the trend of population aging, when the ratio of the elderly population over 65 years old to the total population of the country increased by an average of 3.3% a year through the period 1970–2018, which is the highest rate among OECD countries. In 2000, the Republic of Korea became an aging society with the elderly population accounting for over 7% of the total population. In 2018, the share of the elderly doubled and accounted for over 14% of the total population. If this trend continues, South Korea is likely to enter a super-aged society by 2026 with the elderly population accounting for over 20% of the total population. Compared to the three countries with the highest percentage of the elderly population in the OECD – Japan, Italy, and Spain – in the Republic of Korea this indicator is still growing faster, expected to surpass Italy, which ranks third, by 2036⁴.

The demographic developments taking place in the Republic of Korea will also alter the balance between the working-age and elderly populations in the society. A much higher proportion of retirees for every working individual is likely to place strain on the fiscal institutions, and the delivery of public services. Korea currently has 177 residents aged 65 and above for every 1,000 persons of working age. This ratio – known as the old-age dependency ratio – was considerably lower than the OECD average of 246 in 2015. Looking ahead, the pace of Republic of Korea's population aging will only accelerate in the near future. Remarkably, the UN projects that in 2050 Japan will have the highest share of the population aged 65 and over, at 80.7%, among OECD countries, but the change in the ratio from 2020 to 2050 will be the largest in South Korea. The old-age dependency ratio is expected to increase in South Korea even faster than in Japan and by 2050 is projected at 0.65⁵.

The pace and extent of the country's forthcoming demographic changes is prognosed to have important consequences for economic performance given that labor resource utilization is a key pillar of the Korean economy [9; 10].

The cause of population aging in the Republic of Korea is the decreasing birth rate. Despite all the Government's efforts to slow the aging process, the number of babies born

⁴ Calculated by the authors based on the data from: Historical population data and projections (1950–2050) // OECD Statistics : [site]. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=POP_PROJ (accessed on 25.01.2024).

⁵ Ibid.

continues to decline, along with the total fertility rate, which is calculated as the average number of children born per one woman. In 2018, this indicator fell to its lowest level since 1970. Accordingly, the total fertility rate in the country accounted for 0.98 (while in 2017 this figure was 1.05) – much lower than the standard total fertility rate (2.1) necessary to maintain a stable population⁶.

This situation poses great challenges for ensuring social security and creates serious barriers to the development of Asia's fourth-largest economy. According to a survey by the Korea Federation of Small and Medium Business (KBIZ) in October 2021, 92% of companies said they were lacking production manpower and facing the risk of labor shortage in such fields as information technology, new materials, electricity, electronics, and mechanics, while in Korean industrial parks, the shortage of human resources is already very serious. According to the Korea Semiconductor Industry Association (KSIA), the country's industry lacks about 3,000 workers each year. Along with that, the Bank of Korea Economic Research Institute forecasts that the supply and demand for human resources with bachelor's degrees or higher in the field of science and technology will be short of about 47,000 people in the period from 2024 to 2028⁷.

South Korea's rapid population aging rate and very low birth rate are leading to the risk of labor shortage, which requires the Government to develop a new strategy to attract additional human resources from abroad, including attracting talents from other countries through student scholarship programs and immigration programs for a high-quality workforce [8].

The policy of the Korean government

To supplement the labor shortage in the country, the Korean Government has issued policies addressing different groups of potential immigrants:

– For overseas Koreans (Korean diaspora)

Since 1968, the Republic of Korea has launched a policy to bring talented people back home, which provides many incentives such as housing, modernized working environment, high salaries, etc. Notably, Korean businesses, especially large corporations, have taken many additional corporate measures to attract and high-tech engineers living abroad and utilize their labor resources, while improving domestic research and development capacity, in two forms: repatriation, or engaging in the host country⁸. As for the incentive package to repatriate Korean talents, it includes attractive remuneration regimes such as high salaries and bonuses, and additional “repatriation allowance”⁹. As for engaging human resources in host countries, expats were offered good working conditions, high salaries, independent work, and promotions in Korean companies working abroad.

⁶ Calculated by the authors based on the data from: Historical population data and projections (1950–2050) // OECD Statistics : [site]. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=POP_PROJ (accessed on 25.01.2024).

⁷ Hàn Quốc tăng tốc đào tạo và thu hút nguồn nhân lực công nghệ cao [Korea accelerates training and attracts high-tech human resources] // Công dân và Khuyến học [Citizenship and Education Promotion] : [site]. 16.07.2022. URL: <https://congdamkhuyenhoc.vn/han-quoc-tang-toc-dao-tao-va-thu-hut-nguon-nhan-luc-cong-nghe-cao-17922071611521287.htm> (accessed on 28.02.2024). (In Viet).

⁸ Kinh nghiệm phát triển nguồn nhân lực khoa học và công nghệ của Hàn Quốc [Experience in developing science and technology human resources of Korea] // Tổng cục Công nghiệp quốc phòng [General Department of Defense Industry] : [site]. 31.08.2020. URL: <http://vdi.org.vn/article/617/kinh-nghiem-phat-trien-nguon-nhan-luc-khoa-hoc-va-cong-nghe-cua-han-quoc> (accessed on 06.12. 2023). (In Viet).

⁹ Ibid.

As the result, since 1992, corporate research and development centers attracted 427 Korean talents. Technology and planning positions at the headquarters of corporations were mostly held by Korean specialists with extensive experience in multinational companies. Many large corporations such as Samsung, Hyundai, and LG have established research and development units in Silicon Valley (California, USA) to carry out research and development activities in the field of microcomputers, electronics, semiconductors, and biotechnology¹⁰.

In economic terms, overseas Koreans contribute to their homeland's industrialization process through remittances, direct investment, and trade connections. In terms of science and technology, they play an important role in technology transfer, resulting in the rapid development of the country's high-tech industry. Regarding soft power, they contribute to the implementation of Korean foreign policy. Evaluations affirm that one of the reasons why the country develops rapidly today is due to the contributions of Korean diaspora abroad over the past four decades [11–13].

– *For foreign workers*

South Korea's birth rate is decreasing at the fastest rate in the world. Facing that situation, the Government needs to find ways to recruit more workers from abroad to fill the gap in human resources.

In 2004, South Korea began accepting low-skilled foreign workers. Under this program, the government controls the entire recruitment process, starting from recruiting, placing migrants to work, and sending them home after their employment period ends. This workforce is deployed in many fields such as manufacturing, construction, agriculture, livestock, fisheries, and services¹¹. In addition, during this period, the Republic of Korea also developed many different programs to support foreign residents, such as consulting services and language education. In such support centers established across the country the Korean language is taught by certified experts using government-authored textbooks¹².

After the COVID-19 pandemic, many industries that depend on foreign labor resources, are still experiencing a serious shortage of workers. In the context of the International Monetary Fund (IMF) lowering its economic growth outlook for 2022, Asia's fourth-largest economy is urgently innovating policies to create favorable conditions to attract more foreign workers¹³.

In 2022, the Korean Government announced an increase in foreign worker quotas in five industries (agriculture, primary manufacturing, services and retail, transportation, shipbuilding). According to statistics, by June 2022, the country's shipbuilding industry lacked 4,800 workers, the basic manufacturing industry needed 27,000 more workers, the service and retail industry was short of 14,200 workers, bus companies and taxis required

¹⁰ Kinh nghiệm phát triển nguồn nhân lực khoa học và công nghệ của Hàn Quốc [Experience in developing science and technology human resources of Korea] // Tổng cục Công nghiệp quốc phòng [General Department of Defense Industry] : [site]. 31.08.2020. URL: <http://vdi.org.vn/article/617/kinh-nghiem-phat-trien-nguon-nhan-luc-khoa-hoc-va-cong-nghe-cua-han-quoc> (accessed on 06.12. 2023). (In Viet).

¹¹ Báo động về thiếu nhân lực, Hàn Quốc rộng cửa cho lao động nước ngoài [Alarmed by the lack of human resources, Korea opened its doors to foreign workers] // Toquoc.vn : [site]. 17.04.2023. URL: <https://toquoc.vn/bao-dong-ve-thieu-nhan-luc-han-quoc-rong-cua-cho-lao-dong-nuoc-ngoi-20230417145130536.htm> (accessed on 09.02.2024). (In Viet).

¹² Ibid.

¹³ Hàn Quốc đẩy mạnh chính sách thu hút lao động [Korea promotes policies to attract labor] // Báo Nhân Dân điện tử [People's Electronic Newspaper] : [site]. 13.08.2022. URL: <https://nhandan.vn/han-quoc-day-manh-chinh-sach-thu-hut-lao-dong-post710266.html> (accessed on 05.02.2024). (In Viet).

2,300 workers. South Korea's Ministry of Employment and Labor has also committed to shortening the immigration process for workers, smoothing administrative procedures for immigrant labor employers, and increasing support for important industries¹⁴.

In July 2022, South Korea's Ministry of Justice announced a new type of visa called "Region-specific visa," effective from October 2022, for foreign citizens who want to live and work in rural areas designated by the Government. According to the new visa policy, high-skilled foreign workers who meet certain criteria (such as the Korean language proficiency, and an educational background with a bachelor's degree or higher) will be eligible to apply residence visa (F-2) when working in industries designated by local authorities. After being granted an F-2 visa, foreign citizens should commit to living in the registered area for at least five years and are allowed to invite their spouse and minor children to stay with them¹⁵. The Ministry of Justice selected five regions to issue F-2 visas to 500 immigrant workers, piloting the project for one year (until October 2023), before expanding to other regions. Currently, similar visa policies are applied by several countries around the world, such as the "Skilled Regional Visa" in Australia or the "Atlantic Immigration Program" in Canada. The Korean Government also plans to attract foreign information and communication technology experts by speeding up procedures for them to become Korean citizens or granting long-term residence visas to international graduates in science and technology¹⁶.

In order to enhance the competitiveness of Korean businesses, from the beginning of August 2022, students graduating from prestigious universities abroad can be granted internships at high-tech companies and institutes in the Republic of Korea under the new visa program (D-10-3). Students are eligible for a D-10-3 visa if they study high-tech majors at the 200 best universities according to the Time Magazine ranking (USA) or the top 500 universities according to the QS World University Rankings. South Korea's Ministry of Justice grants D-10-3 visas to graduates in s high-tech fields, such as semiconductors, information technology, nanotechnology, digital electronics, and biology. At the same time, the Korean government allows extending the stay of foreign high-tech interns¹⁷.

Recently, the Korean government also applied the "Yellow card" program to attract high-skilled workers and foreign experts. A "Yellow card" is issued with an E-7 visa (specialized visa or engineer visa). It loosens application forms, grants multiple entry visas to experts without any nationality, and increases the maximum residence period.

According to data from the Korean Government, in 1990 the country had about 49,000 long-term foreign workers, and by 2019 the number of foreigners, including those residing for less than 90 days, had increased by more than 2.5 million, accounting for 4.9% of South Korea's total population.

In an effort to open the labor market, the Republic of Korea implemented various measures to help foreign workers become permanent residents. Currently, foreign workers can legally reside in the country or become permanent residents by marrying a Korean national. The number of marriages between foreigners and Koreans has increased sharply since 2000. Nowadays, one in 10 marriages in the country has a foreign bride or groom.

– *For international students*

¹⁴ Hàn Quốc đẩy mạnh chính sách thu hút lao động [Korea promotes policies to attract labor] // Báo Nhân Dân điện tử [People's Electronic Newspaper] : [site]. 13.08.2022. URL: <https://nhandan.vn/han-quoc-day-manh-chinh-sach-thu-hut-lao-dong-post710266.html> (accessed on 05.02.2024). (In Viet).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

Correspondingly, the Korean Government aims to attract more international students specializing in science, technology, and engineering to strengthen high-tech industries in the country. With the Global Scholarship Program, the Republic of Korea will provide full financial support to 2,700 international students studying science and engineering in master's and doctoral programs by 2027. At the same time, supporting 6,000 students studying other subjects, South Korea's Ministry of Education will establish specialized departments to attract international students to Korean Education Centers around the world, providing more systematic support for those who want to study in the country¹⁸. According to the new plan of the Korean Government, the Ministry of Education will cooperate with the Ministry of Justice to establish an expedited visa system to attract and create more favorable conditions for talented foreign science and technology students¹⁹. After the new system takes effect, students with master's or doctoral degrees in science and technology can be granted permanent residence after living in the country for three years instead of six years as it was required before²⁰.

Some suggestions for Vietnam

The experience of attracting high-quality foreign human resources in South Korea suggests some lessons that Vietnam could learn in the future:

First, it is advisable to attract overseas Vietnamese with experience in foreign science and technology to serve industrialization. Measures to attract expat talents should be consistent with the actual conditions of Vietnam today. The Korean experience shows that, when the socio-economic level was still low, they focused on such measures as creating a favorable working environment and providing satisfactory remuneration. In recent years the Vietnamese government implemented similar preferential policies to attract from abroad more intellectuals, science and technology experts of Vietnamese origin who contribute to the country's development, such as paying higher salaries, creating favorable conditions for their wives and children, buying, or providing houses, etc.

Second, it is necessary to promulgate and implement policy mechanisms to attract those high-quality foreign human resources that Vietnam really needs. In order to achieve its goals, the country needs to make changes in thinking, approaches, and specific measures in human resource development policies, as well as in attracting foreign human resources. Accordingly, the policymakers that are responsible for the development of science and technology human resources need to have a deeper understanding of the country's potential, advantages, difficulties, and challenges, along with the current political, social, cultural, and economic trends. Such understanding is necessary to elaborate correct and appropriate policies on salaries, bonuses, repatriation allowances, settlement plans, etc.

Third, mobilizing contributions from the entire society is also one of the important solutions to successfully implement the strategy of attracting high-quality foreign human resources to work in Vietnam. In the current context of international economic integration and competition, Vietnam is facing new requirements. The Party and State's guiding documents on work with overseas Vietnamese all identify the important task of strongly promoting the resources of the entire nation. To do this work well, the problem

¹⁸ Hàn Quốc đẩy mạnh chính sách thu hút lao động [Korea promotes policies to attract labor] // Báo Nhân Dân điện tử [People's Electronic Newspaper] : [site]. 13.08.2022. URL: <https://nhandan.vn/han-quoc-day-manh-chinh-sach-thu-hut-lao-dong-post710266.html> (accessed on 05.02.2024). (In Viet).

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

is to mobilize the participation of the entire society, support the community to have a strong, stable legal status, develop and integrate into the locality, encourage all forms of gathering and uniting Vietnamese people abroad on a voluntary basis, in accordance with the laws, customs and practices of Vietnam. An important step is to consolidate and develop associations of experts, intellectuals, businessmen, youth, and Vietnamese students abroad as the core leading the development of the community. A useful practice is to organize sessions to share experiences, exchange information, and train to implement association and union work for key association and union leaders. Finally, the support for initiatives of Vietnamese people abroad should include activities on traditional education, teaching and learning Vietnamese, and camps for Vietnamese youth abroad.

Conclusion

Population aging occurs in many regions and is global in nature as the result of an inevitable and long-term demographic transition. Nowadays, the aging population is not only a burden on social security issues, but also a huge challenge for the post-industrial transformation of national economies. The biggest challenge of population aging is changing the labor force structure, as the proportion of people in older age (45–60 years old) will continue to increase and the rate of entering the labor market will decrease from now on. Therefore, to meet the human resource needs for the economic development process, countries have to use older workforce²¹. Economically, population aging also has a profound impact. On the one hand, the labor productivity of the older age groups is generally lower than that of younger people in the labor force, leading to the income of a country's economy as a whole, and livelihoods of each family being affected. As a consequence, young people have to work more to compensate for the lack of income²².

To gain enough human resources to serve the development of economic in post-industrialization, many countries now are implementing a system of policies to encourage young people to get married and have children. The system of solutions includes financial support for families when giving birth, or medical support for maternal health care, or propaganda through the media to change families' perceptions in the matter of giving birth and raising children. Some countries even offer policies to partially support young families' education costs when their children reach primary-school age. Some cities offer free medical care for children over 7 years old, including dental-related costs. Technologically advanced countries of the world promote the application of machinery and artificial intelligence in businesses, especially robot technology in production activities, in order to reduce the need for labor in enterprises²³.

Vietnam is in the process of promoting industrialization and modernization of the country towards achieving the goal by 2030 and becoming a high-middle income country by 2035, so developing human resources, especially high-skilled human resources serving national development is inevitable.

²¹ Xu hướng già hóa dân số và an sinh xã hội trong thế kỷ 21 [Trends in population aging and social security in the 21st century] // BHXH Bộ Quốc phòng [Social insurance of the Ministry of National Defense] : [site]. 07.12.2018. URL: <http://bhxhbqp.vn/bai-viet/xu-huong-gia-hoa-dan-so-va-an-sinh-xa-hoi-trong-the-k-21-63> (accessed on 25.01.2024). (In Viet).

²² Ibid.

²³ Ứng phó với già hoá dân số: Kinh nghiệm quốc tế và bài học cho Việt Nam [Responding to population aging: International experiences and lessons for Vietnam] // Tạp chí Tuyên giáo [Propaganda Magazine] : [site]. 15.12.2022. URL: <https://tuyengiao.vn/ung-pho-voi-gia-hoa-dan-so-kinh-nghiem-quoc-te-va-bai-hoc-cho-viet-nam-147116> (accessed on 12.04.2024). (In Viet).

Currently, according to statistics, there are about 4.5 million Vietnamese people living and working abroad, among them there are many scientists, and engineers with high achievements. This is a precious resource, worthy of great importance. On the other hand, with the Party and State's open-door and international integration policy, favorable conditions have been created to attract and use high-quality human resources of overseas Vietnamese, or foreigners from countries with strong economies, advanced science, and technology to supplement domestic resources, share experiences, and support each other in national development, thereby helping Vietnam achieve rapid growth, and access high level of international development.

Recognizing the importance of attracting high-quality foreign human resources to meet the country's development requirements, from 1986 until now, along with the process of comprehensive innovation, opening up, and international integration, the activity of attracting high-quality foreign human resources has been paid recognized. Documents of the 11th National Congress of the Communist Party of Vietnam affirmed: "Compatriots residing abroad are an inseparable part of the Vietnamese ethnic community. The State promulgates mechanisms and policies to support and help people stabilize their lives and develop the economy, contributing to strengthening cooperation and friendship between our people and people of other countries, creating conditions for people to preserve and promote national cultural identity towards the Fatherland, and contribute to national construction"²⁴. Regarding the overseas Vietnamese talents, Resolution No. 27-NQ/TW, dated August 26, 2008²⁵, on building the intellectual team in the period of promoting industrialization and modernization of the country also affirms that overseas Vietnamese intellectuals are a part of the country's people and states that "the majority of Vietnamese intellectuals abroad always look towards the Fatherland; many people have returned home to work and operate in different fields, making practical contributions to the country's development"²⁶.

With positive changes in perspective and more openness in policies, Vietnam has achieved some remarkable initial results in attracting high-quality foreign human resources to serve the development of the country. the country's economy. However, compared to Vietnam's potential and advantages, attracting this human resource still has some shortcomings and limitations in both quantity and quality.

References

1. Hoang, Minh Loi. *Chính sách phát triển nguồn nhân lực chất lượng cao ở Nhật Bản và Hàn Quốc: Gợi ý cho Việt Nam* [Policies for developing high-quality human resources in Japan and Korea: Suggestions for Vietnam]. Ha Noi : NXB Khoa Học Xã Hội [Social Science Publishing House], 2018. 248 p. ISBN 978-604-956-190-0. (In Viet.).
2. Dat, Duong Duy. Similarities and Differences in the Development of Human Resources for Managing

²⁴ Documents of the 11th National Congress of the Communist Party of Việt Nam. Hanoi : Thế Giới Publishers, 2011. 177 p. ISBN 6047703224.

²⁵ Nghị quyết 27-NQ/TW năm 2008 xây dựng đội ngũ trí thức thời kỳ công nghiệp hóa [Resolution 27-NQ/TW of 2008 on building a team of intellectuals in the period of industrialization] // Thư Viện Pháp Luật [The library of law] : [site]. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Van-hoa-Xa-hoi/Nghi-quyet-27-NQ-TW-nam-2008-xay-dung-doi-ngu-tri-thuc-thoi-ky-cong-nghiep-hoa-139254.aspx> (accessed on 15.04.2024). (In Viet.).

²⁶ Thu hút nhân lực, nhân tài tới Việt Nam - vấn đề và giải pháp [Attracting human resources and talent to Vietnam – problems and solutions] // Tạp chí Cộng sản [Communist Magazine] : [site]. 15.06.2013. URL: <https://www.tapchicongsan.org.vn/web/guest/the-gioi-van-de-su-kien/-/2018/22030/thu-hut-nhan-luc%2C-nhan-tai-toi-viet-nam---van-de-va-giai-phap.aspx> (accessed on 15.04.2024). (In Viet.).

Natural Resource and Marine Environments of Korea and Vietnam. *South Asian Journal of Social Studies and Economics*. 2020. Vol. 7, No. 3. Pp. 19–25.

3. Tuan, Tran Minh. Developing Human Resource in Research and Development: International Experiences and Implications for Vietnam / Tran Minh Tuan, Nguyen Xuan Dung. *Asian Journal of Political Science*. 2020. Vol. 28, No. 1. Pp. 1–12. DOI [10.1080/02185377.2020.1712217](https://doi.org/10.1080/02185377.2020.1712217).

4. Kien, Thi Pham. Human Resource Development Experience of Some Developed Countries and Lessons Drawn for Vietnam Today / Thi Pham Kien, Xuan Dung Bui. *Revista de Investigaciones Universidad del Quindío*. 2022. Vol. 34, No. 1. Pp. 118–127. DOI [10.33975/riuq.vol34n1.858](https://doi.org/10.33975/riuq.vol34n1.858).

5. Nguyen, Van Hiep. High Quality Human Resources Development. *PalArch's Journal of Archaeology of Egypt / Egyptology*. 2021. Vol. 18, No. 4. Pp. 3818–3830.

6. Nguyen, Minh Tri. Developing High-Quality Human Resources to Fulfill the Aspirations of Building a Prosperous and Happy Country: Problems and Solutions / Minh Tri Nguyen; Van Thanh Vu. *General Management*. 2022. Vol. 23, No. 199. Pp. 223–227. DOI [10.47750/QAS/23.191.26](https://doi.org/10.47750/QAS/23.191.26).

7. Nguyen, Hoang Tien. High Quality Human Resource Development Approach of Vietnamese Government / Hoang Tien Nguyen, Dinh Ba Hung Anh. *International Journal of Multidisciplinary Research and Development*. 2019. Vol. 6, No. 8. Pp. 80–83.

8. Pham, Thi Thanh Binh. Thiếu hụt lao động chất lượng cao ở các quốc gia Đông Bắc Á: Nguyên nhân và giải pháp [High quality labor shortage in Northeast Asian countries: Causes and solutions]. *Những vấn đề kinh tế và Chính trị thế giới [World Economic and Political Issues]*. 2022. No. 3. Pp. 12–20. ISSN 0868-2984. (In Viet.).

9. Lee, Jaejoon. Population Aging in Korea: Importance of Elderly Workers. *KDI Journal of Economic Policy*. 2023. Vol. 45, No. 2. Pp. 51–69. DOI [10.23895/kdijep.2023.45.2.51](https://doi.org/10.23895/kdijep.2023.45.2.51).

10. Ducanes, G. *Labour Shortage Responses in Japan, Korea, Singapore, Hong Kong, and Malaysia: A Review and Evaluation* / G. Ducanes, M. I. Abella ; International Labour Office ; ILO Regional Office for Asia and the Pacific, Asian Regional Programme on Governance of Labour Migration. Bangkok : ILO, 2008. ISBN 9789221208440.

11. Bergsten, C. F. *The Korean Diaspora in the World Economy* / C. F. Bergsten, Inbom Choi. Washington : Peterson Institute for International Economics, 2003. 180 p. ISBN 978-0-88132-358-0.

12. Lee, Hye-Kyung. The Korean Diaspora and its Impact on Korea's Development. *Asian and Pacific Migration Journal*. 2005. Vol. 14, No. 1–2. Pp. 149–168. DOI [10.1177/011719680501400108](https://doi.org/10.1177/011719680501400108).

13. Woo, Park. Compatriotic Economic Integration in Asia: Explaining the Role of Overseas Diaspora for Developmental China and South Korea. *Journal of Asian Sociology*. 2022. Vol. 51, No. 2. Pp. 191–224. DOI [10.21588/dns.2022.51.2.003](https://doi.org/10.21588/dns.2022.51.2.003).

Bio notes:

Van Trong Dinh, PhD, Head Department, Faculty of Political Theory, Danang University of Economics, Danang, Vietnam.

Contact information: e-mail: trongdv@due.edu.vn.

Viet Anh Duong, Master of Law, Lecturer, Faculty of Law, Danang University of Economics, Danang, Vietnam.

Contact information: e-mail: anhdv@due.edu.vn.

Received on 06.03.2024; accepted for publication on 13.05.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

ОПЫТ ЮЖНОЙ КОРЕИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ МИГРАНТОВ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ ВЬЕТНАМА

Динь Ван Чонг

Данангский экономический университет, Дананг, Вьетнам

E-mail: trongdv@due.edu.vn

Дуонг Вьет Ань

Данангский экономический университет, Дананг, Вьетнам

E-mail: anhdv@due.edu.vn

Для цитирования: Динь, Ван Чонг. Опыт Южной Кореи по привлечению высококвалифицированных мигрантов и политические рекомендации для Вьетнама / Ван Чонг Динь, Ань Дуонг Вьет // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 2. С. 88–98. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.6](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.6). EDN [YDUPFW](https://edn.ydupfw.com).

Аннотация. Человеческие ресурсы, и прежде всего их качество, играют важную роль в экономике любой страны на современном этапе. Глобализация и четвертая промышленная революция оказали глубокое влияние на механизмы взаимодействия между странами, коренным образом изменив его структуру, в том числе схемы обмена трудовыми ресурсами. За последние десятилетия структура населения Республики Корея кардинально изменилась, поскольку старение населения, опережающее рождаемость, привело к тому, что этой стране пришлось столкнуться с проблемами нехватки внутренних трудовых ресурсов и расширить набор рабочих-иммигрантов из других стран региона и всего мира, чтобы восполнить нехватку рабочих рук, необходимых для обеспечения процесса дальнейшего экономического развития. Вьетнам, вероятно, столкнется с теми же демографическими проблемами в долгосрочной перспективе, поэтому опыт Южной Кореи в борьбе с ними весьма актуален. Целью данной статьи является обоснование политических предложений для Социалистической Республики Вьетнам на основе анализа эмпирических данных и научных теорий из различных источников, включая академические журналы, газеты, Интернет и монографии о развитии высококачественных человеческих ресурсов в Республике Корея, а также оценок нехватки человеческих ресурсов в Южной Кореи и Вьетнаме, согласно расчетам, основанным на статистических данных, полученных из открытых международных баз.

Ключевые слова: старение населения, рынок труда, нехватка рабочей силы, международная миграция, привлечение высококвалифицированных кадров, миграционная политика, Южная Корея, Вьетнам

Сведения об авторах:

Динь Ван Чонг, доктор PhD, заведующий кафедрой, факультет политической теории, Данангский экономический университет, Дананг, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: trongdv@due.edu.vn.

Дуонг Вьет Ань, магистр права, преподаватель, юридический факультет, Данангский экономический университет, Дананг, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: anhdv@due.edu.vn.

Статья поступила в редакцию 06.03.2024; принята в печать 13.05.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DOI [10.19181/demis.2024.4.2.7](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.7)EDN [UWMNGP](https://www.edn.net/UWMNGP)

ПРОГНОЗНОЕ РАЗВИТИЕ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ЖИЛЬЕМ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ниязалиева К. Н.*Кыргызский Государственный Технический Университет имени И. Раззакова, Бишкек, Кыргызстан**E-mail: kunduz512@mail.ru***Асылбаев А. Б.***Академический консорциум «Международный Университет Кыргызстана», Бишкек, Кыргызстан**E-mail: aidaras73@mail.ru*

Для цитирования: Ниязалиева, К. Н. Прогнозное развитие обеспеченности жильем городского населения в условиях экономической трансформации Кыргызской Республики / К. Н. Ниязалиева, А. Б. Асылбаев // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 2. С. 99–115. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.7](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.7). EDN [UWMNGP](https://www.edn.net/UWMNGP).

Аннотация. Взаимосвязь между жилищной политикой и демографическими тенденциями в городах Кыргызстана имеет первостепенное значение для устойчивого городского развития. В данной работе основное внимание уделяется Бишкеку и Ошу, двум крупнейшим городам Кыргызской Республики, где проживает более 60% городского населения. Используя корреляционный анализ, авторы исследуют взаимосвязь демографических факторов и показателей жилищного строительства. Целью статьи является определение степени взаимосвязи между показателями обеспеченности жилищной площадью и демографическими тенденциями в условиях города. Также на базе выявленной корреляции дается прогнозное развитие динамики развития городского населения, жилищного фонда и коэффициента обеспеченности жильем. Полученные результаты подчеркивают необходимость целостной государственной жилищной и демографической политики, которая способствует взаимному росту городского населения и жилищного фонда. Посредством исторического анализа и прогнозов на будущее исследователи выступают за единый стратегический план городского развития, в котором учитываются жилищные и демографические аспекты. При этом сектор частного предпринимательства становится важным фактором в развитии жилищного фонда. Ключевые показатели, изучаемые в работе, включают численность городского населения, динамику роста, ввод новых жилищных площадей, жилищный фонд и обеспеченность жильем на душу населения. Это исследование способствует формулированию эффективной политики, направленной на удовлетворение жилищных потребностей городского населения в условиях меняющейся демографической ситуации.

Ключевые слова: жилищный фонд, предпринимательство, городское население, обеспеченность жильем, миграция

Введение

Обеспечение высокого уровня жизни городского населения – движущий фактор в условиях глобальной тенденции к урбанизации населения мира. Кыргызстан отражает мировую реальность: 31 город Республики демонстрирует разнонаправленную динамику населения. В то время как во многих региональных промышленных городах наблюдается сокращение населения, в таких городах, как Бишкек и Ош, налицо рост населения, обусловленный внутренней миграцией и высоким уровнем рожда-

емости. Данное демографическое явление привело к тому, что более 60% городского населения страны сконцентрировано в этих городских центрах, на которые в совокупности приходится 34% общей численности населения. Однако нынешняя обеспеченность жильем в размере 14 кв. м на одного городского жителя не дотягивает до запланированных государством в жилищной программе «Мой дом» 18 кв. м. Следовательно, рост городского населения происходит преимущественно за счет Бишкека и Оша, чему способствуют мигранты, преимущественно из сельской местности. Тем не менее такая миграция представляет собой множество социальных, экономических и технических проблем для городских администраций, усугубляемых различиями в темпах роста городского населения и расширения жилищного фонда.

Настоящее исследование углубляется в сложную взаимосвязь между демографическими изменениями в городах и состоянием их жилищного фонда, при этом особое внимание уделяется удовлетворению жилищных потребностей городского населения. Анализ направлен на то, чтобы раскрыть тенденцию совместной эволюции между динамикой городского населения и жилищным фондом, с главной целью – сформировать единую государственную жилищную и демографическую политику, адаптированную к регионам, испытывающим повышенное демографическое давление.

Актуальность научной работы заключается в решении проблемы нехватки жилья, возникшей из-за временных и пространственных различий в росте городского населения и расширении жилищного фонда. Проливая свет на этот актуальный вопрос, исследователи стремятся внести свой вклад в разработку эффективной политики, направленной на удовлетворение жилищных потребностей городского населения Кыргызской Республики в условиях меняющейся демографической ситуации.

Обзор литературных источников

Авторы статьи изучили научную литературу, имеющую отношение к пересечению городской жилищной политики, демографических тенденций и устойчивого развития, с привлечением идей как с международной, так и с региональной точек зрения.

В основе данного обзора лежат глобальные инициативы, такие как «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» и Цели устойчивого развития (ЦУР), сформулированные Евразийским экономическим союзом. Благодаря комплексной структуре, включающей 17 целей и 169 задач, ЦУР направлены на содействие экономической, социальной и экологической устойчивости. Особое значение для настоящего исследования имеет Цель 11, в которой особое внимание уделяется устойчивому развитию населенных пунктов, подчеркивается неразрывная связь между обеспечением городским жильем и демографической динамикой¹.

Причем исследования зарубежных ученых дают ценную информацию об этой многогранной проблеме. Примечательно, что работы К. Х. Малдера, Г. В. Эванс, М. Браубах, Ю Чжан и др. углубляются в сложную взаимосвязь между жилищным сектором и демографическим поведением, обращаясь к таким аспектам, как здравоохранение, миграция и динамика семейных домохозяйств [1–5]. Кроме того, П. Г. Грабовый и А. В. Капусткина исследуют развитие городской среды с учетом эко-

¹ Достижение Целей устойчивого развития в регионе Евразийского экономического союза. Статистический аннотация / Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2019. 95 с.

логических и энергетических проблем, а также быстрого социально-экономического прогресса в городах [6–8].

В академических кругах России и Кыргызстана подчеркивается связь между развитием жилищного сектора и демографическими тенденциями. Обзор работ различных исследователей выявляет значение демографической динамики в формировании закономерностей жилищного строительства [9–13]. Более того, существенное внимание уделяется исследованиям влияния миграции на формирование жилищного фонда, особенно в городских условиях [14–26].

Объединив такие разнообразные научные точки зрения, настоящий обзор призван обеспечить всестороннее понимание сложных взаимосвязей между обеспечением городским жильем, демографическими тенденциями и устойчивым развитием. Опираясь на идеи, почерпнутые из существующей литературы, данное исследование призвано внести вклад в формулирование эффективной политики, направленной на содействие гармоничному развитию городских поселений в Кыргызской Республике и за ее пределами.

Методы исследования

Методология, применяемая в данном научном исследовании, основана на устоявшихся методах научного исследования – использовании статистического анализа, сравнительной корреляции и синтеза теоретических и эмпирических данных. Методология исследования призвана обеспечить надежную основу для анализа взаимодействия между демографическими тенденциями и обеспеченностью городским жильем.

Ключевой компонент методологии предполагает применение статистического обзора и сравнительного корреляционного анализа для изучения взаимосвязи между динамикой населения и городским жилищным фондом. В частности, данные за период с 1990 по 2021 г. были сопоставлены и обработаны с использованием программы Correl, стандартного статистического программного обеспечения. Этот всеобъемлющий набор данных позволяет получить детальное представление о развивающихся тенденциях роста городского населения и динамике жилищного фонда.

Для формирования прогнозных показателей событий до 2030 г. использовалась программа долгосрочного прогнозирования «тренд и рост». Экстраполируя тенденции, наблюдаемые в наборе исторических данных, этот инструмент прогнозирования дает ценную информацию о потенциальных сценариях будущего, помогая формулировать инициативы стратегического планирования.

Помимо статистического анализа, методология включает методы систематизации, классификации и группировки информации для улучшения интерпретации и анализа данных. Такой системный подход облегчает организацию и синтез разнообразных наборов данных, позволяя исследователям эффективно выявлять закономерности и корреляции.

Кроме того, методология исследования опирается на опыт изучения конвергенции данных о непропорциональных факторах развития. Информация, полученная в ходе предыдущих исследований, формирует аналитическую основу, обогащая интерпретацию результатов и способствуя всестороннему пониманию предмета исследования [27].

В целом методология исследования объединяет различные методологические подходы, чтобы обеспечить строгий и всесторонний анализ взаимосвязи между де-

мографической динамикой и обеспеченностью городским жильем. Используя многомерную аналитическую структуру, настоящее исследование призвано внести ценную информацию в дискуссию об устойчивом городском развитии и формулировании жилищной политики.

Результаты исследования

Динамика развития городского жилищного фонда и городского населения

Траектория развития городского жилищного фонда в Кыргызстане характеризовалась колебаниями и значительными событиями, ставшими особенно очевидными после распада Советского Союза. Первоначально, в первые годы независимости, наблюдался заметный всплеск жилищного строительства, сопровождавшийся устойчивыми тенденциями урбанизации. Однако в последующие годы такая динамика вследствие экономических потрясений и упадка в строительной отрасли пошла на убыль. Примечательно, что объемы жилищного строительства тесно коррелируют с наличием земель под жилищное строительство.

Поворотный момент в развитии жилищного фонда произошел после политических событий 2005 г., ознаменовавшихся отменой моратория на переоборудование сельскохозяйственных земель под городское жилищное строительство. Этот сдвиг в политике спровоцировал резкий рост городского жилищного фонда, достигший пика в 2010 г. Но последующая траектория демонстрировала хаотичные колебания, характеризующиеся нестабильностью и сложной предсказуемостью.

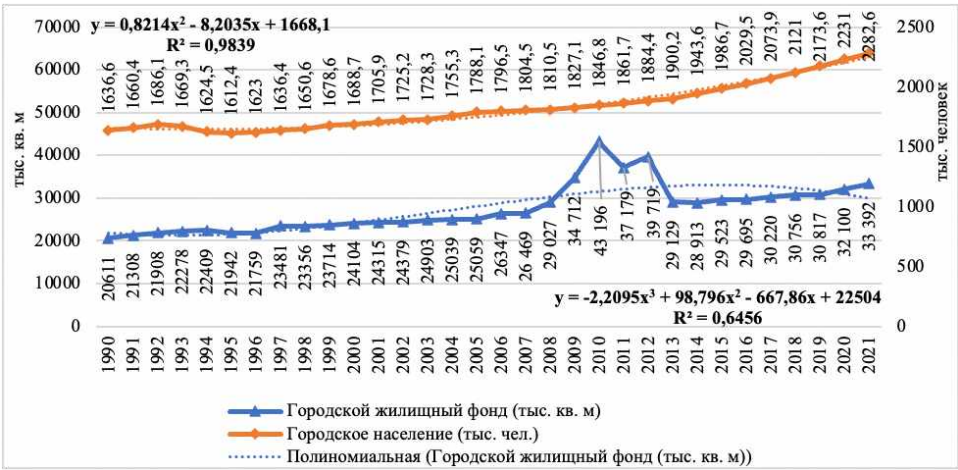

Рис. 1. Динамическая картина городского жилищного фонда (тыс. кв. м) и численности городского населения (тыс. человек) Кыргызской Республики за период 1990–2021 гг.

Fig. 1. Dynamic picture of the urban housing stock (thousand sq. m) and urban population (thousand people) of the Kyrgyz Republic for the period from 1990 to 2021

Источник: диаграмма построена авторами по данным НСК КР за период 1990–2021 гг.²

² Динамические таблицы. Население и жилищный фонд // Национальный Статистический Комитет Кыргызской Республики : [сайт]. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/naselenie/> (дата обращения: 22.10.2023).

Напротив, динамика городского населения воссоздает последовательную картину устойчивого роста на протяжении всего изучаемого периода. Несмотря на нестабильную динамику жилищного фонда, городское население продолжало неуклонно расти, подчеркивая сохраняющееся демографическое давление, способствующее урбанизации (см. рис. 1).

Таблица 1

**Показатели развития городского жилищного фонда и городского населения
Кыргызской Республики в 1990–2021 гг.**

Table 1

**Indicators of development of urban housing stock and urban population
of the Kyrgyz Republic from 1990 to 2021**

Год	Городской жилищный фонд (тыс. кв. м)	Городское население (тыс. человек)	Годовой прирост городского жилищного фонда (тыс. кв. м)	Годовой прирост городского населения (тыс. человек)	Общая жилая площадь на душу населения в городе (кв. м)
1990	20 611	1 636,6	-	-	12,2
1991	21 308	1 660,4	697	23,8	12,5
1992	21 908	1 686,1	600	25,7	13
1993	22 278	1 669,3	370	-16,8	13,7
1994	22 409	1 624,5	131	-44,8	13,9
1995	21 942	1 612,4	-467	-12,1	13,5
1996	21 759	1 623,0	-183	10,6	13,3
1997	23 481	1 636,4	1 722	13,4	14,2
1998	23 356	1 650,6	-125	14,2	13,9
1999	23 714	1 678,6	358	28	14
2000	24 104	1 688,7	390	10,1	14,1
2001	24 315	1 705,9	211	17,2	14,1
2002	24 379	1 725,2	64	19,3	14,1
2003	24 903	1 728,3	524	3,1	14,2
2004	25 039	1 755,3	136	27	14
2005	25 059	1 788,1	20	32,8	13,9
2006	26 347	1 796,5	1 288	8,4	14,6
2007	26 469	1 804,5	122	8	14,6
2008	29 027	1 810,5	2 558	6	15,9
2009	34 712	1 827,1	5 685	16,6	18,8
2010	43 196	1 846,8	8 484	19,7	23,2
2011	37 179	1 861,7	-6 017	14,9	19,7
2012	39 719	1 884,4	2 540	22,7	20,9
2013	29 129	1 900,2	-10 590	15,8	15
2014	28 913	1 943,6	-216	43,4	14,6
2015	29 523	1 986,7	609	43,1	14,5
2016	29 695	2 029,5	172	42,8	14,3
2017	30 220	2 073,9	526	44,4	14,2
2018	30 756	2 121,0	536	47,1	14,1
2019	30 817	2 173,6	61	52,6	13,8
2020	32 100	2 231,0	1 283	57,4	14
2021	33 392	2 282,6	1 292	51,6	14

Источник: таблица составлена авторами по данным НСК КР за период 1990–2021 гг.³

³ Динамические таблицы. Население и жилищный фонд // Национальный Статистический Комитет Кыргызской Республики : [сайт]. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/naselenie/> (дата обращения: 22.10.2023).

Исторический обзор динамики городского жилищного фонда выявляет стохастический процесс развития, характеризующийся сложной функцией описания с низким коэффициентом аппроксимации. Полиномиальная функция, описывающая данную тенденцию, равна $y = -2,2095x^3 + 98,796x^2 - 667,86x + 22504$ с доверительным коэффициентом 64% ($R^2 = 0,6456$). Здесь заслуживает внимания то обстоятельство, что с конца 2022 по конец 2023 г. ожидался резкий рост жилищного фонда, что связывалось с объявленной Президентом Республики жилищной амнистией.

И наоборот, динамика городского населения следует более предсказуемой траектории, описываемой квадратичной функцией $y = 0,8214x^2 - 8,2035x + 1668,1$, с высокой степенью аппроксимации ($R^2 = 0,9839$). Эта функция предлагает надежные возможности прогнозирования с уровнем достоверности 98% при описании линии тенденции развития.

Корреляционный анализ, проведенный за весь период независимости Кыргызстана, выявил умеренную зависимость ($R(\text{corel}) = 0,63159$) между городским жилищным фондом и динамикой городского населения. В то же время при рассмотрении показателей прироста данных, свидетельствующих о скорости изменения показателей, корреляция оказалась незначительной ($R(\text{corel}) = 0,05523$), что свидетельствует об отсутствии прямой связи между двумя факторами (см. табл. 1).

Результаты характеризуют сложную динамику, определяющую обеспеченность городским жильем и демографические тенденции в Кыргызстане, подчеркивая необходимость детальных политических мер для решения развивающихся проблем устойчивого городского развития.

Анализ взаимозависимости роста населения городов Бишкека и Оша с вводом жилья

Анализ сосредоточен на изучении взаимосвязи между ростом населения в Бишкеке и Оше, столицах Кыргызской Республики, и вводом в эксплуатацию нового жилья за последнее десятилетие (рис. 2). Признавая исторические пики жилищного строительства, связанные с революционными политическими событиями, исследование в первую очередь изучает динамику рынка в течение определенного периода времени, чтобы обеспечить аналитическую достоверность.

График иллюстрирует четкие тенденции роста населения и ввода жилья в Бишкеке и Оше. Рост населения в обоих городах демонстрирует последовательную модель стабильного роста, выраженную восходящей линией тренда, описываемой квадратичной функцией $y = 0,804x^2 + 20,642x + 1109,8$, с высоким уровнем достоверности ($R^2 = 0,9993$). Такая траектория подчеркивает сохраняющееся демографическое давление, способствующее урбанизации в столицах Кыргызстана.

Напротив, динамика ввода жилья представляет контрастную картину, сигнализируя о снижении объемов нового жилищного строительства. Тенденция, характеризующаяся кубическим уравнением $y = -0,0822x^3 - 12,99x^2 + 154,72x + 176,68$, предполагает растущий риск сокращения предложения жилья со средним индексом аппроксимации ($R^2 = 0,7686$). Такое неравенство между ростом населения и вводом жилья создает проблемы для городского развития и усугубляет дефицит обеспеченности жилой площадью на душу населения, как показано в таблице 1 в столбце «Общая жилая площадь на душу населения в городе (кв. м)».

Рис. 2. Динамическая картина роста населения и ввода жилья в Бишкеке и Оше за период 2012–2022 гг.

Fig. 2. Dynamic picture of population growth and housing commissioning in Bishkek and Osh for the period from 2012 to 2022

Источник: диаграмма построена авторами по данным НСК КР за период с 2012–2022 гг.

Корреляционный анализ, проведенный за последнее десятилетие, выявил незначительную связь ($R(\text{corel}) = -0,30589$) между приростом населения и вводом жилья в Бишкеке и Оше. Этот вывод подтверждается проведенным ранее корреляционным анализом для всей страны: динамика городского населения не оказывает существенного влияния на структуру спроса на жилье. Вместо этого рост спроса на городскую жилую недвижимость, судя по всему, обусловлен внутренней миграцией и денежными переводами трудовых эмигрантов.

Такие результаты подчеркивают необходимость принятия целенаправленных политических мер, направленных на устранение растущего неравенства между ростом населения и обеспечением жильем, обеспечение устойчивого развития городов и справедливого доступа к жилью для городского населения Кыргызстана. Анализ также показал растущую роль миграции в формировании спроса на городское жилье.

Прогнозное развитие жилищного фонда и численности городского населения до 2030 г.

Прогностический анализ дает представление о будущей траектории обеспечения жильем городского населения Кыргызстана, что имеет решающее значение для обоснования политических решений и инициатив стратегического планирования. На основе взаимозависимой динамики жилищного фонда и численности населения были составлены прогнозы на период 2020–2030 гг. с использованием программы «Тенденция и рост» (табл. 2).

Таким образом, динамика населения демонстрирует устойчивый прирост населения Кыргызстана за прогнозируемый период. Ожидается, что численность населения вырастет с 6,24 млн человек в 2020 г. до 7,08 млн человек в 2030 г., что указывает на устойчивую тенденцию к росту.

Таблица 2

Динамика численности населения (млн человек), жилищного фонда Республики (млн кв. м) и жилплощади на человека (кв. м) на прогнозный период 2020–2030 гг.

Table 2

Dynamics of population (million people), housing stock of the republic (mln sq. m) and living space per person (sq. m) for the forecast period from 2020 to 2030

Год	Население (млн человек)	Жилищный фонд (млн кв. м)	Жилая площадь на человека (кв. м)
2020	6,24	86,579	13,86
2021	6,32	88,022	13,92
2022	6,40	89,489	13,98
2023	6,48	90,981	14,03
2024	6,56	92,498	14,09
2025	6,64	94,040	14,15
2026	6,73	95,608	14,20
2027	6,81	97,201	14,26
2028	6,90	98,822	14,32
2029	6,99	100,469	14,38
2030	7,08	102,144	14,44

Источник: таблица составлена авторами по данным НСК КР⁴

По жилищному фонду таблица иллюстрирует увеличение жилищного фонда страны с 86,579 млн кв. м в 2020 г. до 102,144 млн кв. м в 2030 г. Это указывает на усилия по размещению растущего населения за счет строительства жилых домов.

По жилой площади на человека отметим, что несмотря на рост жилищного фонда, предполагаемый прирост жилой площади на человека будет незначительным – с 13,86 кв. м в 2020 г. до 14,44 кв. м в 2030 г. Это говорит о том, что, хотя предложение жилья растёт, его может быть недостаточно для удовлетворения растущего спроса, что приводит лишь к небольшому улучшению условий жизни.

Итак, прогнозные результаты демонстрируют умеренную тенденцию роста как численности населения, так и объема жилищного фонда Республики в указанный период. Однако темпы роста жилищного фонда не соответствуют ожиданиям, что создает проблемы для удовлетворения потребностей населения в жилье. Несмотря на номинальный рост жилплощади на человека на 4% за десятилетие – с 13,86 кв. м до 14,44 кв. м – этого недостаточно для удовлетворения реальных потребностей населения.

Реализуемая ныне жилищная программа «Мой дом» направлена на достижение уровня обеспеченности жильем в 18 кв. м на человека к 2026 г. Тем не менее, исходя из текущих темпов роста ввода жилья, такая цель вряд ли будет достигнута даже к 2030 г. Для ее достижения необходимы значительные инвестиции и масштабные усилия по развитию, требующие согласованных действий как на финансово-республиканском, так и на строительно-промышленном уровнях. Это предполагает стратегический фокус на увеличение ввода жилья до 127 365,7 тыс. кв. м ежегодно, что требует значительных инвестиций и политических мер для преодоления разрыва между спросом

⁴ Динамические таблицы. Население и жилищный фонд // Национальный Статистический Комитет Кыргызской Республики: [сайт]. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/naselenie/> (дата обращения: 22.10.2023).

и предложением.

Более того, международные стандарты в 30 кв. м на человека демонстрируют значительное несоответствие между нынешними уровнями обеспечения жильем в Кыргызстане и мировыми стандартами. Достижение данного показателя требует преобразующего подхода к жилищной политике на основе устойчивых инвестиций, инноваций и стратегического планирования.

Аналогичным образом прогноз городских параметров указывает на неадекватную политику обеспечения жильем растущего городского населения. К 2030 г. обеспеченность городских жителей прогнозируется на уровне всего 12,7 кв. м на человека, что значительно отстает от целевых показателей программы.

Несмотря на задачи, поставленные в действующей жилищной программе «Мой дом», целью которой является достижение уровня обеспеченности жильем в 18 кв. м на человека к 2026 г.⁵, наши авторские прогнозы показывают, что эта цель вряд ли будет достигнута даже к 2030 г. Для ее достижения необходимы решительные меры, требующие значительных инвестиций и масштабных усилий по развитию для увеличения темпов ввода жилья в эксплуатацию.

Параллельно нами был сделан прогноз динамики численности городского населения и объема городского жилищного фонда на период 2020–2030 гг., соответствующий результатам исследования (табл. 3).

Таблица 3

Прогноз динамики городского жилищного фонда, городского населения и жилплощади на душу населения к 2030 г.

Table 3

Forecast of the dynamics of the urban housing stock, urban population and living space per capita by 2030

Год	Городское жилье (млн кв. м)	Городское население (млн человек)	Жилая площадь на одного горожанина (кв. м)
2020	31,76	2,16	14,66
2021	31,78	2,20	14,46
2022	31,81	2,23	14,25
2023	31,84	2,27	14,06
2024	31,86	2,30	13,86
2025	31,89	2,33	13,67
2026	31,92	2,37	13,48
2027	31,94	2,40	13,29
2028	31,97	2,44	13,11
2029	31,99	2,48	12,92
2030	32,02	2,51	12,74

Источник: рассчитано авторами

В таблице 3 представлена прогнозируемая динамика городских параметров – городского жилищного фонда, городского населения и жилой площади на одного горожанина за тот же прогнозный период:

– *Городской жилищный фонд*. В таблице показано постепенное увеличение городского жилищного фонда с 31,76 млн кв. м в 2020 г. до 32,02 млн кв. м в 2030 г. Это пред-

⁵ Жилищная программа Кыргызской Республики «Мой дом» на 2021–2026 годы // Министерство юстиции Кыргызской Республики : [сайт]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/158357/edition/5595/ru> (дата обращения: 08.04.2024).

полагает усилия по удовлетворению потребностей в городском жилье посредством инициатив в области строительства и развития;

– *Городское население.* Ожидается, что городское население будет неуклонно расти – с 2,16 млн человек в 2020 г. до 2,51 млн человек в 2030 г., что отражает текущие тенденции урбанизации и миграции в городские центры;

– *Жилая площадь на одного горожанина.* Несмотря на увеличение городского жилищного фонда, прогнозируется снижение жилой площади на одного горожанина с 14,66 кв. м в 2020 г. до 12,74 кв. м в 2030 г. Это указывает на потенциальную проблему в обеспечении достаточного жизненного пространства для городских жителей в условиях быстрой урбанизации и роста населения.

Подведем краткий итог: прогнозируемая динамика городских показателей подтверждает тенденции, выявленные в целом по стране. Однако темпы роста обеспеченности жильем городского населения остаются недостаточными и не соответствуют критериям, предусмотренным жилищной программой Кыргызской Республики.

В свете этих выводов крайне важно интегрировать жилищную политику со всеобъемлющей демографической стратегией, формирующей краеугольный камень прочной основы жилищной и демографической политики. Регулярный прогностический анализ, основанный на предлагаемой методологии, способствует эффективному мониторингу и оценке политических мер, позволяя заинтересованным сторонам разрабатывать целевые меры и стратегии для удовлетворения растущих жилищных потребностей населения в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Такие активные меры необходимы для содействия устойчивому развитию городов и обеспечения равного доступа к жилью для всех граждан.

Обсуждение

Результаты исследования, проведенного авторами статьи, проливают свет на сложную взаимосвязь между динамикой городского населения и ростом жилищного фонда в Кыргызстане. Их анализ углубляется в последствия этой динамики и исследует потенциальные политические меры для решения проблем, связанных с нехваткой жилья и тенденциями урбанизации.

– *Рост населения и динамика жилищного фонда.* Исследование показывает разрыв между ростом городского населения и расширением жилищного фонда. Несмотря на устойчивый рост городского населения, рост предложения жилья отстает, что указывает на несоответствие между спросом на жилье и динамикой предложения. Это отставание можно объяснить различными факторами, такими как недостаточные инвестиции в жилищное строительство и неэффективные начинания в области государственного строительства.

– *Неформальные поселения и стихийная урбанизация.* Тревожной тенденцией, отмеченной в исследовании, является распространение неформальных поселений и несанкционированной строительной деятельности, особенно в ответ на нехватку жилья. Неспособность государства удовлетворить жилищные потребности растущего городского населения привела к возникновению стихийных захватов земель и незаконных поселений. Эти неформальные поселения, зачастую населенные мигрантами и сельскими жителями, служат временным решением жилищных вопросов, но усугубляют проблемы городского планирования и социального неравенства.

– *Влияние миграции на спрос на жилье.* Результаты исследования акцентируют внимание на немаловажной роли миграции в формировании спроса на жилье в город-

ских районах. Приток мигрантов, привлекаемых экономическими возможностями и городскими удобствами, стимулирует спрос на жилье, особенно в крупных городах, например, таких как Бишкек. В частности, по информации Национального Статистического Комитета Республики, известно, что территория городов за прошедшие 10 лет увеличилась на 2500 га за счет 24 новых жилых массивов, построенных для мигрантов [28]. В исследовании подчеркивается значительное расширение городских территорий для размещения мигрантов, что указывает на необходимость целенаправленной жилищной политики для удовлетворения жилищных потребностей как мигрантов, так и постоянных городских жителей.

– *Двунаправленная связь между ростом населения и жилищным фондом.* В исследовании подчеркивается двунаправленная связь между ростом населения и жилищным фондом. Хотя рост населения оказывает влияние на спрос на жилье, наличие и доступность жилья также влияют на демографическую динамику. Эта взаимозависимость подчеркивает важность комплексной жилищной и демографической политики, направленной как на рост населения, так и на обеспечение жильем для достижения устойчивого городского развития.

– *Политические последствия и будущие направления.* Результаты исследования подтверждают особую остроту проведения комплексной жилищной политики, в которой приоритет отдается инвестициям в доступное жилье и городскую инфраструктуру для размещения растущего городского населения. Политические меры должны быть сосредоточены на формализации неформальных поселений, модернизации их инфраструктуры и расширении доступа к основным услугам для улучшения условий жизни городских жителей, включая мигрантов. Совместные усилия правительственных учреждений, градостроителей и заинтересованных сторон сообщества необходимы для разработки инклюзивных и устойчивых стратегий городского развития, которые решают проблему нехватки жилья, способствуют социальному равенству и поддерживают экономический рост.

Будущие исследования должны сосредоточить внимание на инновационных подходах к обеспечению жильем, таких как государственно-частное партнерство и жилищные инициативы под руководством сообществ в целях решения сложных проблем, связанных с урбанизацией и ростом населения.

Итак, удовлетворение жилищных потребностей городского населения требует многогранного подхода, который объединяет жилищную политику с более широкими стратегиями городского развития. Понимая сложность динамики урбанизации и обеспечения жильем, политики могут сформулировать эффективные меры по созданию пригодных для жизни, инклюзивных и устойчивых городов для всех жителей.

Заключение

Результаты данного исследования проливают свет на сложную динамику роста городского населения, обеспеченности его жильем и взаимодействие демографических факторов в Кыргызской Республике. Благодаря всестороннему анализу и прогнозированию исследование акцентирует внимание на острой необходимости принятия упреждающих мер в решении проблемы нехватки жилья и повышению уровня жизни в городских и сельских общинах.

Прогнозные данные, представленные в исследовании, служат важнейшим инструментом для политиков, подчеркивая неизбежные проблемы, связанные с ростом населения и неадекватностью текущей жилищной политики. Это подчеркивает на-

сущность принятия превентивных мер в решении проблемы нехватки жилья и улучшению условий жизни жителей во всех регионах страны.

Рекомендации:

– *Ускорение и наращивание жилищного строительства.* Государственные чиновники должны уделить приоритетное внимание ускоренному продвижению инициатив в сфере жилищного строительства, чтобы удовлетворить растущий спрос на жилье. Это влечет за собой увеличение инвестиций в жилищное строительство, развитие инфраструктуры и городское планирование для размещения увеличивающегося городского населения.

– *Содействие инклюзивному городскому развитию.* Комплексные стратегии, способствующие инклюзивному развитию городов, необходимы для обеспечения равного доступа к жилью и основным услугам для всех жителей. Для разработки инклюзивной жилищной политики и инфраструктурных проектов важно сотрудничество между государственными учреждениями, градостроителями, заинтересованными сторонами сообщества и организациями частного сектора.

– *Укрепление связей между деревней и городом.* Решение проблемы нехватки жилья в городских районах должно дополняться усилиями по укреплению связей между деревней и городом и улучшению условий жизни в сельских общинах. Инициативы, направленные на содействие устойчивому развитию сельских районов, расширению доступа к образованию, здравоохранению и экономическим возможностям, способны смягчить давление городской миграции и снизить спрос на жилье в городских центрах.

– *Интегрировать жилищную политику с демографическими соображениями.* Чтобы добиться устойчивой урбанизации, политики должны интегрировать жилищную политику с демографическими процессами. Это включает в себя приведение планов жилищного строительства в соответствие с прогнозами роста населения, продвижение жилищных проектов для людей со смешанным доходом и реализацию целевых мер по удовлетворению жилищных потребностей уязвимых групп населения.

Кроме того, результаты проведенного исследования подчеркивают острую необходимость принятия превентивных мер по решению проблемы нехватки жилья, ускорению городского развития и повышению уровня жизни в Кыргызской Республике. Приняв комплексные стратегии, отдающие приоритет обеспечению жильем, политики смогут способствовать устойчивой урбанизации, продвижению социального равенства и повышению качества жизни для всех жителей страны.

Список литературы

1. Mulder, C. H. Population and Housing: A Two-Sided Relationship // Demographic Research. 2006. Vol. 15. Pp. 401–412. DOI [10.4054/DemRes.2006.15.13](https://doi.org/10.4054/DemRes.2006.15.13).
2. Mulder, C. H. Family Ties and Residential Locations / C. H. Mulder, T. J. Cooke // Population, Space and Place. 2009. Vol. 15, № 4. Pp. 299–304. DOI [10.1002/psp.556](https://doi.org/10.1002/psp.556).
3. Evans, G. W. Housing and Mental Health: A Review of the Evidence and a Methodological and Conceptual Critique / G. W. Evans, N. M. Wells, A. Moch // Journal of Social Issues. 2003. Vol. 59, № 3. Pp. 475–500. DOI [10.1111/1540-4560.00074](https://doi.org/10.1111/1540-4560.00074).
4. Environmental Burden of Disease Associated with Inadequate Housing: A Method Guide to the Quantification of Health Effects of Selected Housing Risks in the WHO European Region / M. Braubach, D. E. Jacobs, D. Ormandy (eds.) Copenhagen : World Health Organization Regional Office for Europe, 2011. 227 p. ISBN 9789289057899.
5. Zhang, Yu. What are the Effects of Demographic Structures on Housing Consumption? Evidence from 31 Provinces in China / Yu Zhang, Haiyan Jin, Yue Xiao, Yumin Gao // Mathematical Problems in

Engineering. 2020. Vol. 2020, Article ID 6974276. DOI [10.1155/2020/6974276](https://doi.org/10.1155/2020/6974276).

6. Грабовый, П. Г. Российский и зарубежный опыт строительства экоустойчивых поселений // Инновационно-технические решения при экоустойчивости в строительстве и управлении городским жилищно-коммунальным хозяйством : сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Москва-Хельсинки, 30 октября – 03 ноября 2013 г. Москва-Хельсинки: Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, 2014. С. 1–7. EDN [UIDQCV](https://www.edn.ru/UIDQCV).

7. Капусткина, А. В. Перспективы создания территорий опережающего социально-экономического развития в монопрофильных городах / А. В. Капусткина, П. Г. Грабовый // Развитие научной школы теории управления недвижимостью : сборник материалов Международного научно-практического семинара, Москва, 30 октября 2015 года. Москва : Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, 2015. С. 62–67. EDN [UYKKUF](https://www.edn.ru/UYKKUF).

8. Asylbaev, A. B. Green Transformation and the Concept of Energy Efficiency in the Housing Sector / A. B. Asylbaev, M. V. Safronchuk, K. N. Niiazalieva, N. A. Brovko // Innovative Trends in International Business and Sustainable Management. Singapore : Springer Nature Singapore Pte Ltd, 2023. Pp. 567–577. DOI [10.1007/978-981-19-4005-7_61](https://doi.org/10.1007/978-981-19-4005-7_61). EDN [UFYIEO](https://www.edn.ru/UFYIEO).

9. Стерник, С. Г. Методика прогнозирования объемов ввода на локальном рынке строительства и продажи жилья / С. Г. Стерник, Г. М. Стерник // Жилищные стратегии. 2018. Т. 5, № 2. С. 137–152. DOI [10.18334/zhs.5.2.39142](https://doi.org/10.18334/zhs.5.2.39142). EDN [VLMNJS](https://www.edn.ru/VLMNJS).

10. Assylbayev, A. B. Organization of a Unified State Housing and Demographic Policy as a Condition for Sustainable Development of Cities and Settlements / A. B. Assylbayev, A. N. Asaul, K. N. Niiazalieva et al. // Proceedings of the Second Conference on Sustainable Development: Industrial Future of Territories (IFT 2021), Ekaterinburg, September 24, 2021 / Eds. : Y. Silin. Ekaterinburg : Atlantis Press, 2021. Pp. 283–290. DOI [10.2991/aebmr.k.211118.051](https://doi.org/10.2991/aebmr.k.211118.051). EDN [NPGEFE](https://www.edn.ru/NPGEFE).

11. Asaul, A. N. Interdependency Between Demographics and the Construction of Housing as a Pivotal Factor of Society's Sustainable Growth / A. N. Asaul, A. B. Assylbayev, K. N. Niiazalieva [et al.] // Proceedings of the Second Conference on Sustainable Development : Industrial Future of Territories (IFT 2021), Ekaterinburg, September 24, 2021 / Eds. : Y. Silin. Ekaterinburg : Atlantis Press, 2021. Pp. 309–314. DOI [10.2991/aebmr.k.211118.056](https://doi.org/10.2991/aebmr.k.211118.056). EDN [OLIKJC](https://www.edn.ru/OLIKJC).

12. Assylbayev, A. Problems of Residential Migration in the Framework of the Formation of “Smart Agglomeration” / A. Assylbayev, K. Niiazalieva, N. A. Brovko, M. U. Borbugulov // E3S Web of Conferences : International Conference “Ecological Paradigms of Sustainable Development : Political, Economic and Technological Dimension of Biosphere Problems” (EPSD 2021), Saint Petersburg, Russia, August 30–31, 2021. Vol. 311. Saint Petersburg : EDP Sciences – Web of Conferences, 2021. Article № 07002. DOI [10.1051/e3sconf/202131107002](https://doi.org/10.1051/e3sconf/202131107002). EDN [XEYYNZ](https://www.edn.ru/XEYYNZ).

13. Assylbayev, A. Study of Older Households with Their Living Conditions // Process Management and Scientific Developments. Part 1. Melbourne : AUS Publishers, 2021. Pp. 8–17. DOI [10.34660/INF.2021.40.81.001](https://doi.org/10.34660/INF.2021.40.81.001). EDN [ETKRCM](https://www.edn.ru/ETKRCM).

14. Асаул, А. Н. Динамика развития жилищного фонда в условиях прогнозируемого демографического роста в государствах – членах ЕАЭС / А. Н. Асаул, А. Б. Асылбаев, К. Н. Ниязалиева, М. А. Асаул // Жилищные стратегии. 2021. Т. 8, № 4. С. 343–362. DOI [10.18334/zhs.8.4.113688](https://doi.org/10.18334/zhs.8.4.113688). EDN [USRYNT](https://www.edn.ru/USRYNT).

15. Assylbayev, A. Interdependence of the Rural Housing Stock and the Rural Population: A Scientific Perspective / A. Assylbayev, K. Niiazalieva, L. Kryzhanova, E. Ploskikh, G. Kumskov // BIO Web of Conferences. 2024. Vol. 83. Article № 07007 DOI [10.1051/bioconf/20248307007](https://doi.org/10.1051/bioconf/20248307007).

16. Niiazalieva, K. Analyzing the Relationship between Healthcare Facility and Housing Stock Volume: A Statistical Study of the International Association of the EAEU / K. Niiazalieva, A. Assylbayev, D. Bekjanov, D. Saidov, B. Matjonov // BIO Web of Conferences. 2024. Vol. 82. Article № 06001. DOI [10.1051/bioconf/20248206001](https://doi.org/10.1051/bioconf/20248206001).

17. Асылбаев, А. Б. Формирование жилищной демографии в общей теории народонаселения / А. Б. Асылбаев, К. Н. Ниязалиева // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2018. № 3. С. 91–96. EDN [XWXSTR](https://www.edn.ru/XWXSTR).

18. Niiazalieva, K. N. Urbanization of the Population within the Context of Urban Agglomeration Development: A Scientific Perspective / K. N. Niiazalieva, A. B. Assylbayev, A. S. Alymkulova [et al.] // E3S Web of Conferences : XII International Scientific and Practical Forum “Environmentally Sustainable

Cities and Settlements: Problems and Solutions” (ESCP-2023), Moscow, Hanoi, April 20–21, 2023. Vol. 403. Moscow, Hanoi : E3S Web of Conferences, 2023. Article № 01005. DOI [10.1051/e3sconf/202340301005](https://doi.org/10.1051/e3sconf/202340301005). EDN [SWSRCG](https://www.edn.net/SWSRCG).

19. Niiazalieva, K. N. Dynamics of Development of Urban Housing Stock and Urban Population / K. N. Niiazalieva, A. K. Kydykbaeva, E. U. Nazarbekova [et al.] // E3S Web of Conferences : XII International Scientific and Practical Forum “Environmentally Sustainable Cities and Settlements: Problems and Solutions” (ESCP-2023), Moscow, Hanoi, April 20–21, 2023. Vol. 403. Moscow, Hanoi : E3S Web of Conferences, 2023. Article № 01001. DOI [10.1051/e3sconf/202340301001](https://doi.org/10.1051/e3sconf/202340301001). EDN [BDYQZZ](https://www.edn.net/BDYQZZ).

20. Assylbayev, A. Analyzing the Future of Housing Provision in a High-Demographic Growth Region / A. Assylbayev, K. Niiazalieva, D. Bekjanov [et al.] // E3S Web of Conferences : International Scientific and Practical Conference “Priority Directions of Complex Socio-Economic Development of the Region” (PDSED 2023), Urgench, Uzbekistan, April 27–29, 2023. Vol. 449. EDP science, 2023. Article № 03001. DOI [10.1051/e3sconf/202344903001](https://doi.org/10.1051/e3sconf/202344903001). EDN [KZJVFJ](https://www.edn.net/KZJVFJ).

21. Асылбаев, А. Б. Развитие жилых массивов в условиях притока внутренних мигрантов в города Кыргызстана / А. Б. Асылбаев, К. Н. Низалиева, Г. В. Кумсков // Сегодня и завтра российской экономики. 2021. № 105–106. С. 27–37. DOI [10.26653/1993-4947-2021-105-106-03](https://doi.org/10.26653/1993-4947-2021-105-106-03). EDN [JFLZXR](https://www.edn.net/JFLZXR).

22. Асылбаев, А. Б. Механизм трансформации жилища с учетом совместного проживания нескольких поколений семьи в Кыргызстане / А. Б. Асылбаев, К. Н. Ниязалиева // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2018. № 2. С. 5–10. EDN [UQKMNO](https://www.edn.net/UQKMNO).

23. Плоских, Е. В. Влияние жилищных условий на здоровье населения, репродуктивное поведение и численность населения в Кыргызской Республике / Е. В. Плоских, К. Н. Ниязалиева, А. Б. Асылбаев // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2017. № 2/10. С. 28–37. EDN [YWRCEU](https://www.edn.net/YWRCEU).

24. Асылбаев, А. Б. Внутренняя миграция и жилищная сфера: особенности и проблемы миграционных жилых массивов // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2017. № 2/4(2). С. 6–10. EDN [ZSGSWF](https://www.edn.net/ZSGSWF).

25. Асылбаев, А. Б. Жилищное строительство и социально-демографические особенности развития населения // Наука в современном информационном обществе : материалы XXVI международной научно-практической конференции, North Charleston, 20–21 июля 2021 г. Morrisville : Lulu Press Inc., 2021. С. 157–164. EDN [SRKKGT](https://www.edn.net/SRKKGT).

26. Асылбаев, А. Б. Анализ корреляционной зависимости между жилищной сферой и естественным процессом движения населения / А. Б. Асылбаев, К. Н. Ниязалиева // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2018. № 2(62). С. 146–159. EDN [YOKGYP](https://www.edn.net/YOKGYP).

27. Асылбаев, К. Б. Диагностика несбалансированного развития регионов Казахстана и анализ их сходимости с использованием конвергенции / К. Б. Асылбаев, А. Б. Асылбаев, К. Н. Ниязалиева // Актуальные проблемы экономики. 2016. Т. 180, № 6. С. 231–245. EDN [XHKNUO](https://www.edn.net/XHKNUO).

28. Сарыгулов, Б. А. Миграция в современном Кыргызстане / Б. А. Сарыгулов, Н. В. Мкртчян // Демоскоп Weekly. 2011. № 481–482. 29 с. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2011/0481/demoscope0481.pdf>.

Сведения об авторах:

Ниязалиева Кундузкул Насирдиновна, кандидат экономических наук, доцент, Международная высшая школа логистики, Кыргызский государственный технический университет имени И. Раззакова, Бишкек, Кыргызстан.

Контактная информация: e-mail: kunduz512@mail.ru, ORCID ID: [0000-0002-0794-7606](https://orcid.org/0000-0002-0794-7606); Scopus Author ID: [57190246730](https://orcid.org/57190246730).

Асылбаев Айдар Баймолдаевич, доктор экономических наук, директор, Высшая школа государственного и общественного управления, Академический консорциум «Международный Университет Кыргызстана», Бишкек, Кыргызстан.

Контактная информация: e-mail: aidaras73@mail.ru, ORCID: [0000-0003-3806-9778](https://orcid.org/0000-0003-3806-9778); ПИНЦ SPIN-код: [4488-0672](https://orcid.org/4488-0672); Scopus Author ID: [57190259163](https://orcid.org/57190259163).

Статья поступила в редакцию 06.04.2023; принята в печать 06.06.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

FORECAST DEVELOPMENT OF HOUSING PROVISION FOR THE URBAN POPULATION IN THE CONTEXT OF ECONOMIC TRANSFORMATION OF THE KYRGYZ REPUBLIC

Kunduzkul N. Niiazalieva

Kyrgyz State Technical University named after I. Razzakov, Bishkek, Kyrgyzstan

E-mail: kunduz512@mail.ru

Aidar B. Assylbayev

Academic consortium "International University of Kyrgyzstan", Bishkek, Kyrgyzstan

E-mail: aidaras73@mail.ru

For citation: Niiazalieva, Kunduzkul N. Forecast development of housing provision for the urban population in the context of economic transformation of the Kyrgyz Republic / K. N. Niiazalieva, A. B. Assylbayev. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 2. Pp. 99–115. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.7](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.7).

Abstract. The relationship between urban housing policy and demographic trends in the cities of Kyrgyzstan is of paramount importance for sustainable urban development. This study focuses on Bishkek and Osh, the two largest cities in Kyrgyzstan, where more than 60% of the urban population lives. Using correlation analysis, we examine the relationship between demographic factors and housing construction indicators. The purpose of the work is to determine the degree of relationship between indicators of the provision of housing space and demographic trends in the city. Also, based on the identified correlation, the forecast development of the dynamics of development of the urban population, housing stock and housing supply ratio is given. Our results highlight the need for holistic public housing and population policies that promote mutual growth of urban population and housing stock. Through historical analysis and future projections, we advocate for a unified strategic urban development plan that takes housing and demographics into account. At the same time, the private enterprise sector is an important factor in the development of the housing stock. Key indicators studied in the work include the size of the urban population, growth dynamics, the commissioning of new housing space, the housing stock and the provision of housing per capita. This study contributes to the formulation of effective policies to address the housing needs of urban populations in the face of changing demographics.

Keywords: housing stock, entrepreneurship, urban population, housing provision, migration

References

1. Mulder, C. H. Population and Housing: A Two-Sided Relationship. *Demographic Research*. 2006. Vol. 15. Pp. 401–412. DOI [10.4054/DemRes.2006.15.13](https://doi.org/10.4054/DemRes.2006.15.13).
2. Mulder, C. H. Family Ties and Residential Locations / C. H. Mulder, T. J. Cooke. *Population, Space and Place*. 2009. Vol. 15, No. 4. Pp. 299–304. DOI [10.1002/psp.556](https://doi.org/10.1002/psp.556).
3. Evans, G. W. Housing and Mental Health: A Review of the Evidence and a Methodological and Conceptual Critique / G. W. Evans, N. M. Wells, A. Moch. *Journal of Social Issues*. 2003. Vol. 59, No. 3. Pp. 475–500. DOI [10.1111/1540-4560.00074](https://doi.org/10.1111/1540-4560.00074).
4. *Environmental Burden of Disease Associated with Inadequate Housing: A Method Guide to the Quantification of Health Effects of Selected Housing Risks in the WHO European Region* / M. Braubach, D. E. Jacobs, D. Ormandy (eds.) Copenhagen : World Health Organization Regional Office for Europe, 2011. 227 p. ISBN 97892289057899.
5. Zhang, Yu. What are the Effects of Demographic Structures on Housing Consumption? Evidence from 31 Provinces in China / Yu Zhang, Haiyan Jin, Yue Xiao, Yumin Gao. *Mathematical Problems in Engineering*. 2020. Vol. 2020, Article ID 6974276. DOI [10.1155/2020/6974276](https://doi.org/10.1155/2020/6974276).
6. Grabovyi, P. G. Rossiyskiy i zarubezhnyy opyt stroitel'stva ekoustoychivyykh poseleniy [Russian and foreign experience in the construction of eco-sustainable settlements]. In: *Innovatsionno-tehnicheskiye resheniya pri ekoustoychivosti v stroitel'stve i upravlenii gorodskim zhilishchno-kommunal'nym khozyaystvom [Innovative and technical solutions for eco-sustainability in the construction and management of urban housing and communal services]* : proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, Moscow-

Helsinki, October 30 – November 03, 2013. Moscow-Helsinki : National Research Moscow State University of Civil Engineering, 2014. Pp. 1–7. (In Russ.).

7. Kapustkina, A. V. Perspektivy sozdaniya territoriy operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya v monoprofil'nykh gorodakh [Prospects for creating territories of advanced socio-economic development in single-industry cities] / A. V. Kapustkina, P. G. Grabovy. In: *Razvitiye nauchnoy shkoly teorii upravleniya nedvizhimost'yu* [Development of a scientific school of real estate management theory] : proceedings of the International Scientific and Practical Seminar, Moscow, October 30, 2015. Moscow: National Research Moscow State University of Civil Engineering, 2015. Pp. 62–67. (In Russ.).

8. Asylbaev, A. B. Green Transformation and the Concept of Energy Efficiency in the Housing Sector / A. B. Asylbaev, M. V. Safronchuk, K. N. Niiazalieva, N. A. Brovko. In: *Innovative Trends in International Business and Sustainable Management*. Singapore : Springer Nature Singapore Pte Ltd, 2023. Pp. 567–577. DOI [10.1007/978-981-19-4005-7_61](https://doi.org/10.1007/978-981-19-4005-7_61).

9. Sternik, S. G. Methods of Forecasting the Input Volume in the Local Market of Housing Construction and Sales / S. G. Sternik, G. M. Sternik. *Zhilishchnye Strategii*. 2018. Vol. 5, No. 2. Pp. 137–152. DOI [10.18334/zhs.5.2.39142](https://doi.org/10.18334/zhs.5.2.39142). (In Russ.).

10. Assylbayev, A. B. Organization of a Unified State Housing and Demographic Policy as a Condition for Sustainable Development of Cities and Settlements / A. B. Assylbayev, A. N. Asaul, K. N. Niiazalieva et al. In: *Proceedings of the Second Conference on Sustainable Development: Industrial Future of Territories (IFT 2021)*, Ekaterinburg, September 24, 2021 / Eds. : Y. Silin. Ekaterinburg : Atlantis Press, 2021. Pp. 283–290. DOI [10.2991/aebmr.k.211118.051](https://doi.org/10.2991/aebmr.k.211118.051).

11. Asaul, A. N. Interdependency Between Demographics and the Construction of Housing as a Pivotal Factor of Society's Sustainable Growth / A. N. Asaul, A. B. Assylbayev, K. N. Niiazalieva [et al.]. In: *Proceedings of the Second Conference on Sustainable Development : Industrial Future of Territories (IFT 2021)*, Ekaterinburg, September 24, 2021 / Eds. : Y. Silin. Ekaterinburg : Atlantis Press, 2021. Pp. 309–314. DOI [10.2991/aebmr.k.211118.056](https://doi.org/10.2991/aebmr.k.211118.056).

12. Assylbayev, A. Problems of Residential Migration in the Framework of the Formation of “Smart Agglomeration” / A. Assylbayev, K. Niiazalieva, N. A. Brovko, M. U. Borbugulov. In: *E3S Web of Conferences : International Conference “Ecological Paradigms of Sustainable Development : Political, Economic and Technological Dimension of Biosphere Problems” (EPSD 2021)*, Saint Petersburg, Russia, August 30–31, 2021. Vol. 311. Saint Petersburg : EDP Sciences – Web of Conferences, 2021. Article № 07002. DOI [10.1051/e3sconf/202131107002](https://doi.org/10.1051/e3sconf/202131107002).

13. Assylbayev, A. Study of Older Households with Their Living Conditions. In: *Process Management and Scientific Developments*. Part 1. Melbourne : AUS Publishers, 2021. Pp. 8–17. DOI [10.34660/INF.2021.40.81.001](https://doi.org/10.34660/INF.2021.40.81.001). EDN [ETKRCM](https://www.edn.ru/ETKRCM).

14. Asaul, A. N. Dynamics of Housing Stock Development Amidst the Projected Demographic Growth in the EAEU Member States / A. N. Asaul, A. B. Asylbaev, K. N. Niiazalieva, M. A. Asaul. *Zhilishchnye Strategii*. 2021. Vol. 8, No. 4. Pp. 343–362. DOI [10.18334/zhs.8.4.113688](https://doi.org/10.18334/zhs.8.4.113688). (In Russ.).

15. Assylbayev, A. Interdependence of the Rural Housing Stock and the Rural Population: A Scientific Perspective / A. Assylbayev, K. Niiazalieva, L. Kryzhanova, E. Ploskikh, G. Kumskov. *BIO Web of Conferences*. 2024. Vol. 83. Article № 07007 DOI [10.1051/bioconf/20248307007](https://doi.org/10.1051/bioconf/20248307007).

16. Niiazalieva, K. Analyzing the Relationship between Healthcare Facility and Housing Stock Volume: A Statistical Study of the International Association of the EAEU / K. Niiazalieva, A. Assylbayev, D. Bekjanov, D. Saidov, B. Matjonov. *BIO Web of Conferences*. 2024. Vol. 82. Article № 06001. DOI [10.1051/bioconf/20248206001](https://doi.org/10.1051/bioconf/20248206001).

17. Asylbaev, A. B. Formation of Housing Demography in the General Theory of Population / A. B. Asylbaev, K. N. Niiazalieva. *Bulletin of the Tajik National University. Series of Economic and Social Sciences*. 2018. No. 3. Pp. 91–96. (In Russ.).

18. Niiazalieva, K. N. Urbanization of the Population within the Context of Urban Agglomeration Development: A Scientific Perspective / K. N. Niiazalieva, A. B. Assylbayev, A. S. Alymkulova [et al.]. In: *E3S Web of Conferences : XII International Scientific and Practical Forum “Environmentally Sustainable Cities and Settlements: Problems and Solutions” (ESCP-2023)*, Moscow, Hanoi, April 20–21, 2023. Vol. 403. Moscow, Hanoi : E3S Web of Conferences, 2023. Article № 01005. DOI [10.1051/e3sconf/202340301005](https://doi.org/10.1051/e3sconf/202340301005).

19. Niiazalieva, K. N. Dynamics of Development of Urban Housing Stock and Urban Population / K. N. Niiazalieva, A. K. Kydykbaeva, E. U. Nazarbekova [et al.]. In: *E3S Web of Conferences : XII International Scientific and Practical Forum “Environmentally Sustainable Cities and Settlements: Problems and Solutions”*

(ESCP-2023), Moscow, Hanoi, April 20–21, 2023. Vol. 403. Moscow, Hanoi : E3S Web of Conferences, 2023. Article № 01001. DOI [10.1051/e3sconf/202340301001](https://doi.org/10.1051/e3sconf/202340301001).

20. Assylbayev, A. Analyzing the Future of Housing Provision in a High-Demographic Growth Region / A. Assylbayev, K. Niiiazalieva, D. Bekjanov [et al.]. In: *E3S Web of Conferences* : International Scientific and Practical Conference “Priority Directions of Complex Socio-Economic Development of the Region” (PDSED 2023), Urgench, Uzbekistan, April 27–29, 2023. Vol. 449. EDP science, 2023. Article № 03001. DOI [10.1051/e3sconf/202344903001](https://doi.org/10.1051/e3sconf/202344903001).

21. Assylbayev, A. B. Development of Residential Areas in Conditions of the Influx of Internal Migrants to the Cities of Kyrgyzstan / A. B. Assylbayev, K. N. Niiiazalieva, G. V. Kumskov. *Today and Tomorrow of Russian Economy*. 2021. No. 105–106. Pp. 27–37. DOI [10.26653/1993-4947-2021-105-106-03](https://doi.org/10.26653/1993-4947-2021-105-106-03). (In Russ.).

22. Asylbaev, A. B. Mechanism of Housing Transformation with the Account of Jointly Accommodation of Family Families in Kyrgyzstan / A. B. Asylbaev, K. N. Niyazalieva. *Bulletin of the Tajik National University. Series of Economic and Social Sciences*. 2018. No. 2. Pp. 5–10. (In Russ.).

23. Ploskih, E. V. Effect of Housing Conditions on Population Health, Reproductive Behavior and Number of Populations in the Kyrgyz Republic / E. V. Ploskih, K. N. Niyazalieva, A. B. Asylbaev. *Bulletin of the Tajik National University. Series of Economic and Social Sciences*. 2017. No. 2/10. Pp. 28–37. (In Russ.).

24. Asylbaev, A. B. Internal Migration and Housing Sphere: Peculiarities and Problems of Migration Residential Mass. *Bulletin of the Tajik National University. Series of Economic and Social Sciences*. 2017. No. 2/4(2). Pp. 6–10. (In Russ.).

25. Asylbaev, A. B. Zhilishchnoye stroitel'stvo i sotsial'no-demograficheskiye osobennosti razvitiya naseleniya [Housing construction and socio-demographic features of population development]. In: *Science in the Modern Information Society* : proceedings of the XXVI International Scientific and Practical Conference, North Charleston, July 20–21, 2021. Morrisville : Lulu Press Inc., 2021. Pp. 157–164. (In Russ.).

26. Asylbaev, A. B. Analysis of Correlation Dependence between Housing and the Natural Process of Population Movement / A. B. Asylbaev, K. N. Niyazalieva. *University Bulletin (Russian-Tajik (Slavonic) University)*. 2018. No. 2(62). Pp. 146–159. (In Russ.).

27. Assylbayev, K. B. Diagnostics of Unbalanced Development of Kazakhstan Regions and the Analysis of Their Concurrence through a Convergence Model Application / K. B. Assylbayev, A. B. Assylbayev, K. N. Niiiazalieva. *Actual Problems of Economics*. 2016. Vol. 180, No. 6. Pp. 231–245. (In Russ.).

28. Sarygulov, B. A. Migratsiya v sovremennom Kyrgyzstane [Migration in modern Kyrgyzstan] / B. A. Sarygulov, N. V. Mkrtychyan. *Demoscope Weekly*. 2011. No. 481–482. 29 p. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2011/0481/demoscope0481.pdf>. (In Russ.).

Bio notes:

Kunduzkul N. Niiiazalieva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, International Higher School of Logistics, Kyrgyz State Technical University named after I. Razzakov, Bishkek, Kyrgyzstan.

Contact information: e-mail: kunduz512@mail.ru, ORCID ID: [0000-0002-0794-7606](https://orcid.org/0000-0002-0794-7606); Scopus Author ID: [57190246730](https://orcid.org/57190246730).

Aidar B. Assylbayev, Doctor of Economics, Director, Higher School of State and Public Administration, Academic Consortium “International University of Kyrgyzstan”, Bishkek, Kyrgyzstan.

Contact information: e-mail: aidaras73@mail.ru, ORCID: [0000-0003-3806-9778](https://orcid.org/0000-0003-3806-9778); RSCI SPIN-code: [4488-0672](https://orcid.org/4488-0672); Scopus Author ID: [57190259163](https://orcid.org/57190259163).

Received on 06.04.2023; accepted for publication on 06.06.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

ЭМИГРАЦИЯ И ДЕМОГРАФИЯ ДИАСПОРЫ

DOI [10.19181/demis.2024.4.2.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.8)

EDN [ZUAPGU](https://edn.zuapgu.ru/ZUAPGU)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КИТАЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В КАНАДЕ

Ван И

Университет Вэньчжоу, Вэньчжоу, Китай

E-mail: wangyi19810101@163.com

Лю Пэн

Китайский университет связи, Пекин, Китай

E-mail: liupeng1020@cuc.edu.cn

Рязанцев С. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: riazan@mail.ru

Для цитирования: Ван, И. Демографические и социокультурные аспекты функционирования китайской диаспоры в Канаде / И Ван, Пэн Лю, С. В. Рязанцев // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 2. С. 116–132. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.8). EDN [ZUAPGU](https://edn.zuapgu.ru/ZUAPGU).

Аннотация: Китайская община в Канаде является одной из самых крупных диаспор. Согласно данным переписи населения в 2021 г. численность китайских иммигрантов и их потомков в Канаде достигла 1,71 млн человек, из которых более 1,29 млн говорят на китайском как на родном языке. Такая обширная китайская языковая экосистема, созданная потомками, оказывает значительное влияние на языковую обстановку и политику Канады. Для формирования китайской языковой среды помимо образования китайского языка в государственной системе образования и Институтах Конфуция важную роль играют негосударственные организации, такие как китайские школы, китайские общества, китайская пресса, общественные центры и семьи. Вместе они создают согласованную модель совместного предоставления китайской языковой экосистемы в Канаде, основанную на государственном предложении, общественном участии, рыночных механизмах и семейном воспитании.

Ключевые слова: канадцы китайского происхождения, иммигранты, китайский язык, адаптация, интеграция, образование, миграционная политика, Канада

Введение

Распространение китайского языка в китайских диаспорах за рубежом способствует передаче, сохранению и укреплению культурной идентичности потомков иммигрантов, а также представляет собой важную платформу и средство для международного сообщества во взаимодействии с КНР, понимании и осознании китайской культуры. Образование за рубежом включает обучение китайскому языку потомков китайцев, и как правило, предоставляется зарубежными китайскими школами, меж-

дународное обучение китайскому языку происходит через образовательные учреждения, такие как классы и институты Конфуция.

Канада является страной иммигрантов. Здесь проживают иммигранты более чем 50 различных этнических групп. По данным Статистического управления, в 2021 г. численность канадцев китайского происхождения достигла 1,7 млн человек, что составляло около 4,7% населения страны¹. С конца 1970-х гг. в Канаде наряду с ростом численности китайских иммигрантов и канадцев китайского происхождения, увеличивалось и количество изучающих китайский язык. Китайский стал третьим по распространенности языком в стране после английского и французского².

Степень изученности проблемы

Активные исследования китайской диаспоры и распространенности китайского языка в Канаде начались более двадцати лет назад. Руань Сиху (2001) рассматривал развитие интеграционной политики Канады от языковой ассимиляции к политике многообразия [1]. Ван Личай (2004) изучила особенности преподавания китайского языка детям иммигрантов в Канаде с точки зрения школы, семьи и общества [2]. Ли И (2009) анализировал модель изучения китайского языка в Канаде как иностранного языка: «университеты – государственные средние и начальные школы – частные китайские школы» в контексте языковой политики страны [3]. Чжань Янь и Хун Мин (2011) исследовали образовательную систему китайского языка в общественном образовании Канады на примере программы двуязычного обучения на китайском и английском языках в Эдмонтоне [4–6]. У Янь (2011) проанализировал использование учебных пособий для изучения китайского языка в китайских школах и государственных средних школах в регионе Грейтер-Ванкувера в провинции Британская Колумбия, а также предложил рекомендации по подготовке учебных пособий для изучения китайского языка [7]. Ден Дунюэн (2012) провел анализ ситуации с преподаванием китайского языка в начальной и средней школе провинции Альберта [8]. Цзэн Жун (2013) исследовал преподавание китайского языка в провинции Квебек [9]. У Яояо (2021) проанализировала положение китайских школ в Торонто в период в 1858–1967 гг. [10].

Источники информации и методы исследования

В статье проведен анализ статистических данных по иммиграции и расселению иммигрантов в Канаде, в том числе данных текущего учета иммиграционных потоков Иммиграционной службы Канады и данных переписей населения с 1871 по 2021 г., организованных Статистическим управлением страны. Кроме того, проанализированы эмпирические данные о функционировании школ и центров с преподаванием китайского языка в Канаде, собранные авторами из научных источников, средств массовой информации, информационных сайтов китайских центров и организаций.

Китайская иммиграция в Канаду

Привлечение иммигрантов является долгосрочной стратегией Канады. Числен-

¹ Focus on Geography Series, 2021 Census of Population // Statistics Canada : [site]. URL: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2021/as-sa/fogs-spg/page.cfm?topic=9&lang=E&dguid=2021A000011124> (accessed on 08.01.2024).

² Ibid.

ность и доля в населении китайских иммигрантов растет³. Согласно данным переписи населения, опубликованным Статистическим управлением Канады в конце октября 2022 г., общая численность населения страны в 2021 г. составила около 37 млн человек, из которых более 8,3 млн человек (или 23%) были иммигрантами. Канада занимает по данному показателю первое место среди стран Большой семерки⁴.

В Канаде проживает более 50 этнических групп, что делает этническое разнообразие важным аспектом развития страны [11, с. 21]. Канадское статистическое управление отмечает, что в 2021 г. население страны увеличилось примерно на 1,8 млн человек по сравнению с 2016 г. (или на 5,2%), четыре пятых прироста обеспечила иммиграция⁵. Рост населения Канады в два раза превышал роста населения в других государствах «Большой семерки»⁶.

Таблица 1

Численность и доля трех крупнейших этнических меньшинств в Канаде в 2021 г.

Table 1

Population and proportion of the three largest ethnic minorities in Canada in 2021

Этнические группы	Численность (человек)	Доля (%)
Общая численность населения страны*	36 328 480	100
Численность этнических меньшинств	9 639 205	26,5
Южноазиатские меньшинства	2 571 400	7,1
Китайские меньшинства	1 715 770	4,7
Черные меньшинства	1 547 870	4,3
Филиппинские меньшинства	957 355	2,6
Арабские меньшинства	694 015	1,9
Латиноамериканские меньшинства	580 235	1,6
Юговосточноазиатские меньшинства	390 340	1,1
Западноазиатские меньшинства	360 495	1,0
Корейские меньшинства	218 140	0,6
Японские меньшинства	98 890	0,3

* *Примечание:* среди указавших свою этническую принадлежность

Источник: составлено авторами по данным Статистического управления Канады

Китайское население – важная составляющая мозаики многонациональной культуры Канады. Если в 1901 г. в стране проживали 17 тыс. китайцев, то к 2021 г. их стало более 1 713 тыс. человек (4,7% от общего населения) (табл. 1)⁷. Китайцы являются седьмой по численности этнической группой населения после англичан (5 323 тыс.), ирландцев (4 413 тыс.), шотландцев (4 392 тыс.), французов (3 986 тыс.) и немцев (2 956

³ Focus on Geography Series, 2021 Census of Population // Statistics Canada : [site]. URL: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2021/as-sa/fogs-spg/page.cfm?topic=9&lang=E&dguid=2021A000011124> (accessed on 08.01.2024).

⁴ Immigrants make up the largest share of the population in over 150 years and continue to shape who we are as Canadians // Statistics Canada : [site]. 26.10.2022. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/221026/dq221026a-eng.htm> (accessed on 08.01.2024).

⁵ Ibid.

⁶ Immigration and Diversity: Population Projections for Canada and its Regions, 2011 to 2036 // Statistics Canada : [site]. 25.01.2017. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/91-551-x/91-551-x2017001-eng.htm> (accessed on 11.01.2023).

⁷ Visible minority by immigrant status and period of immigration: Canada, provinces and territories, census metropolitan areas and census agglomerations with parts // Statistics Canada : [site]. 26.10.2022. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/t1/tb11/en/tv.action?pid=9810030801> (accessed on 11.01.2023).

тыс. человек)⁸.

Китайцы в Канаде в основном сосредоточены в крупных городах. В 2021 г. китайские иммигранты в Торонто составляли 630 тыс., а в Ванкувере – свыше 470 тыс. человек (табл. 2)⁹.

Таблица 2

Численность китайского населения в крупнейших городах Канады в 2021 г.

Table 2

Chinese population in Canada's largest cities in 2021

Город (Провинция)	Численность (человек)	Доля (%)
Торонто (Онтарио)	631 050	37,1
Ванкувер (Британская Колумбия)	474 655	27,8
Калгари (Альберта)	89 675	5,2
Монреаль (Квебек)	89 400	5,2
Эдмонтон (Альберт)	60 200	3,5
Оттава-Гатино (Онтарио/ Квебек)	43 775	2,6
Виннипег (Манитоба)	19 885	1,2
Виктория (Британская Колумбия)	16 345	1,0
Китченер-Кембридж-Уотерлу (Онтарио)	15 940	0,9
Гамильтон (Онтарио)	13 790	0,8

Источник: составлено авторами по данным Статистического управления Канады

Китайская иммиграция в контексте развития миграционной и интеграционной политики Канады

В конце XIX – начале XX в., после завершения строительства Тихоокеанской железной дороги, правительство Канады приняло ряд законов, направленных на запрет въезда китайцев (например, Закон о иммиграции; Китайский иммиграционный акт – The Chinese Immigration Act; Закон о китайском исключении – Chinese Exclusion Act) [12; 13]. В результате к 1941 г. численность китайских иммигрантов сократилась до 34,6 тыс. человек с 46,5 тыс. человек в 1931 г. [14, с. 82].

Учитывая значительный вклад китайцев в развитие Канады в период Второй мировой войны, 14 мая 1947 г. федеральное правительство отменило Закон о китайском исключении. В 1967 г. Канада разрешила китайцам иммигрировать как независимым мигрантам. В 1971 г. премьер-министр Трюдо подчеркнул необходимость устранения расовой дискриминации и культурных предрассудков, формирования социальной базы на основе справедливого отношения к различным народам и объявил о введении политики мультикультурализма. Канадское правительство заявило о помощи малочисленным этническим группам, желающим внести вклад в развитие Канады, в преодолении культурных барьеров, содействии в обмене между национальностями и помощи иммигрантам в изучении официальных языков страны для полного вхождения в канадское общество. Вместе с тем этнические группы в Канаде имеют право сохранять и развивать культуру и ценности своего народа. В контексте политики мультикультурализма провинции стали разрабатывать программы обучения родным

⁸ Visible minority by ethnic or cultural origin: Canada, provinces and territories, census metropolitan areas and census agglomerations with parts // Statistics Canada : [site]. 26.10.2022. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/t1/tb11/en/tv.action?pid=9810033701> (accessed on 11.01.2023).

⁹ Ibid.

языкам, включая китайский¹⁰. Это способствовало оживлению образования на китайском языке.

Федеральное правительство последовательно приняло ряд законов, которые расширили права меньшинств на образование на родных языках. В частности, в 1982 г. в Хартию прав и свобод Канады были включены права на образование на языках меньшинств, что привело к историческим изменениям в языковой политике страны. В 1988 г. в Законе о мультикультурализме эти права были дополнительно уточнены, было признано и поддержано право всех этнических групп сохранять свои языки и культуру. В законе была декларирована необходимость «поощрять приобретение, сохранение и использование всех языков, способствующих разнообразному культурному наследию Канады».

Как видим, канадское правительство осознало, что для процветания и прогресса страны необходимо полагаться на совместные усилия всех этнических групп и признавать существование мультикультурного общества. Помимо английского и французского языков, включение китайского, японского, немецкого, индийского и других создало благоприятное внешнее окружение для развития образования китайского языка.

Распространение китайского языка в Канаде

Канада официально провозгласила идею мультикультурализма и стала способствовать изучению национальных языков всех этнических групп. Рост иммиграции китайцев привел к значительному увеличению числа носителей китайского языка в стране. В силу чего китайский язык оказался третьим по распространенности в Канаде после английского и французского [12; 13]. По данным переписи населения 2021 г., около 1 293 тыс. жителей страны считали китайский язык родным (рис. 1)¹¹. Большинство китайских иммигрантов в Канаде говорит на диалекте мандарин. Кантонский диалект в основном используется старыми группами иммигрантов, прибывшими в Канаду ранее и проживающими в крупных городах [15].

В переписях населения Канады 1991 и 1996 гг. не различали диалекты китайского языка и использовали только одну категорию «китайский язык». В 2001 г. классификация китайского языка была расширена до трех видов и включала диалекты мандарин, кантонский и хакка, а также общую категорию «китайский язык, не указанный в списке». В 2006 г. к категориям предыдущей переписи были добавлены четыре новые категории: тайваньский, чаоцзю, фуцзянский и шанхайский диалекты.

В китайских семьях обычно родители помогают детям в изучении китайского языка. Общение на китайском языке – это не только процесс обучения, но и способ укрепления родственных чувств и взаимопонимания между поколениями. Посредством китайского языка родители незаметно и естественно передают следующему поколению семейные ценности, образ и отношение к жизни («китайскую эстетику»).

В исследованиях китайского языкового образования часто игнорировались языковая среда и усвоение знаний в семьях иммигрантов. Однако языковая среда в семье различается ввиду выбора языка ее членами, их отношения к языку и различий в ис-

¹⁰ В Канаде термин «родовой язык» (“heritage language”) возник в 1970-х годах, также переводится как «международный язык», что указывает на открытость и приветствие мира. В Европе более распространено использование термина «язык сообщества» (“community language”).

¹¹ The evolution of language populations in Canada, by mother tongue, from 1901 to 2016 // Statistics Canada : [site]. 21.02.2018. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/11-630-x/11-630-x2018001-eng.htm> (accessed on 13.01.2024).

пользовании языка.

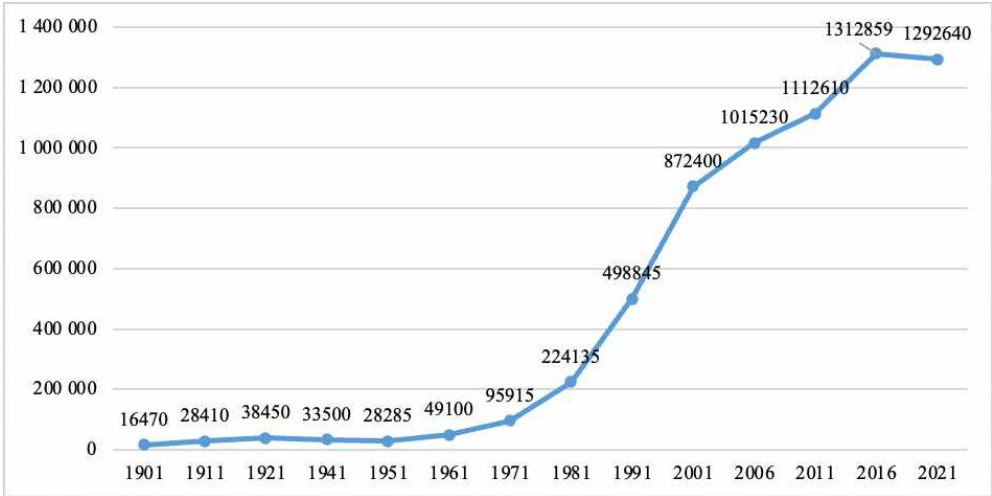

Рис. 1. Динамика численности населения Канады, считающего китайский язык родным, по данным переписей 1901–2021 гг. (человек)
Fig. 1. Dynamics of the population of Canada who consider Chinese their native language, according to the 1901–2021 censuses (people)

Источник: составлено авторами по данным Статистического управления Канады

В семьях иммигрантов языковые установки часто зависят от того, как родители оценивают ценность, права и эффективность официального языка страны иммиграции и родového языка. В то же время это отражает и их макро- и микроуровневые языковые установки, выраженные в перекрывающемся или конкурирующем характере различных языков. Семейное языковое сознание и управление имеют значительное влияние на семейное языковое образование.

Распространение некоторых языков на работе в Канаде и отдельных городах страны, по данным переписи населения 2016 г. (человек)

Таблица 4

Table 4

Prevalence of some languages at work in Canada and selected cities across the country based on 2016 Census data (persons)

Территория	Население, использующее на работе языки:			
	Мандарин	Кантонский	Пенджабский	Испанский
Канада	147 365	126 985	97 550	96 525
Ванкувер	57 355	48 315	39 475	25 435
Торонто	58 975	54 670	27 430	24 500

Источник: составлено авторами по данным Статистического управления Канады

Данные переписи населения 2016 г. показали, что в Канаде на рабочем месте 147 тыс. человек говорили на диалекте мандарин, а 127 тыс. – на кантонском диалекте. В Торонто на диалекте мандарин разговаривали около 59 тыс. человек, на кантонском – около 55 тыс. человек. В Ванкувере на диалекте мандарин говорили около 57

тыс. человек, на кантонском – около 48 тыс. человек. Многие китайские канадцы разговаривают не только на одном языке: например, официальные языки (английский или французский) они используют на работе, а не китайском общаются дома и с друзьями¹².

По данным переписи населения 2021 г., 59% канадцев говорили только на одном языке (в 2016 г. – 39%), а 41% – на нескольких, в том числе 32% – на двух языках, 7% – на трех, 2% – на четырех или более языках. Около 530 тыс. канадцев, помимо английского и французского языков, дома разговаривали на диалекте китайского языка – мандарин. С 2016 по 2021 г. количество говорящих на этом диалекте выросло на 15%.

На рис. 2 показано распространение китайского языка дома в трех городах Канады. Наиболее распространен китайский язык в Ванкувере – 21% населения говорят на диалекте мандарин и 18% – на кантонском диалекте. В Торонто 13% населения общается дома на диалекте мандарин, 11% – на кантонском; а в Монреале 8% – на диалекте мандарин¹³.

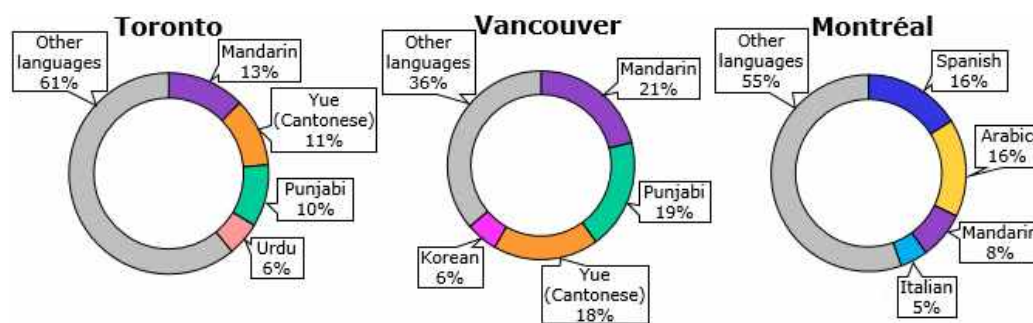

Рис. 2. Языки, используемые жителями некоторых городов Канады для общения дома

Fig. 2. Languages used by residents of some Canadian cities to communicate at home

Источник: составлено авторами по данным переписи населения Канады 2021 г.

История обучения китайскому языку в Канаде

В 1858 г. китайские иммигранты предприняли определенные усилия для сохранения и изучения родного языка. В частности, китайские представители и крупные предприниматели приглашали учителей для преподавания своим детям. Это способствовало возникновению в Канаде частной школьной системы. В 1899 г. Ли Янгтуан и Хуан Иэшей в Виктории открыли первую китайскую школу «Люкуньсянь», в которой обучение велось на кантонском диалекте китайского языка, а учебники в основном были с китайскими классическими текстами. Затем в Виктории и Ванкувере появились патриотические и церковные школы, школы Хуачиао. В 1908 г. в Виктории построили школу Чжунхуа. Китайская школа Хуачиао для иммигрантов, основанная в 1917 г. в Ванкувере, была крупнейшей китайской школой в Канаде того времени [10].

С приездом большого количества новых иммигрантов китайский язык стал играть более важную роль в общественной жизни Канады. Система обучения китайскому языку выражается формулой «государственное руководство, участие общества,

¹² Languages used in the workplace in Canada // 29.11.2017. Statistics Canada : [site]. URL: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2016/as-sa/98-200-x/2016031/98-200-x2016031-eng.cfm> (accessed on 15.01.2024).

¹³ Ibid.

рыночные механизмы и семейное воспитание».

Образование на китайском языке в Канаде

В стране сложилось двенадцатилетнее обязательное образование в школах. Дети имеют право на бесплатное образование с начальной до старшей школы. Мультикультурная политика создает благоприятную среду для развития обучения китайскому языку. Изучение китайского языка стало одним из предметов обучения второму языку в государственных школах. Китайский язык стал органичной частью национальной образовательной системы Канады как часть программы образования на родных языках. С целью продвижения китайской культуры Правительство КНР сотрудничает с различными университетами Канады. На их базе были созданы институты Конфуция.

С 1982 г. в провинции Альберта была запущена программа двуязычного обучения на китайском и английском языках в ряде общественных школ Эдмонта и Калгари. В 1989 г. парламент представил на рассмотрение законопроект о канадском институте наследия языков (Canadian Heritage Languages Institute Act, Bill C-37), предполагающий создание «Канадского института языков наследия» в Эдмонтоне, который будет заниматься обучением учителей и разработкой курсов по всей стране, а также исследованиями в области образования наследия языков в Канаде. В 1991 г. этот законопроект парламентом был принят. В соответствии с документом, половина учебного времени теперь отводится освоению китайского языка, что уникально для Северной Америки.

В 1985 г. в провинции Британская Колумбия ввели курсы по изучению китайского языка в 9–12 классах школ¹⁴. Для соответствия развитию международного сообщества и обеспечения полноценного развития учеников в сферах духовности, интеллекта, физического здоровья и языковых навыков в школах китайский язык поднимается до уровня, равного английскому, и становится признанным правительством культурным курсом.

В 1998 г. правительство провинции Британская Колумбия разработало курсы китайского языка для учащихся 5–12 классов общеобразовательных школ. В 2010 г. учебный округ Ванкувера утвердил программу двуязычного обучения раннему китайскому языку для учеников 1–12 классов. Для тех, кто ранее китайский язык не изучал, появилась возможность начать его изучение. В провинции Британская Колумбия проводится экзамен на знание китайского языка, и студенты, сдавшие его успешно, могут получить 40% кредитов за внешний языковой экзамен для поступления в университет, а оставшиеся 60% оценок будут определяться на основе итогового экзамена по китайскому языку в школе.

В провинции Онтарио китайский язык включен в школьную программу как основной предмет и разделен на курсы для потомков и не для потомков иммигрантов. Муниципальное правительство предоставляет 36% финансирования на такое образо-

¹⁴ Британская Колумбия считается воротами, связывающими Канаду и Тихоокеанский регион, и одной из наиболее активных провинций страны в сфере торгово-экономического сотрудничества с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона. Китай является вторым по важности торговым партнером провинции, вторым по объему импорта и экспорта. Китайские компании инвестируют в эту провинцию средства и открывают здесь сотни предприятий в различных отраслях.

вание, 27% выделяются правительством самой провинции¹⁵, оставшиеся 37% в виде пожертвований вносят организации.

В университетах китайские и не китайские студенты посещают разные классы по изучению китайского языка и китайской культуры, а на краткосрочных летних и зимних программах разделения по национальному признаку нет. Кредиты за летние и зимние школы учитываются в качестве зачетных предметов. В Университете Торонто кафедра восточноазиатских языков проводит занятия по китайскому языку и курсы по переводу текстов разной сложности и форматов. Студентам, завершившим четырехуровневый курс обучения китайскому языку, выдаются соответствующие сертификаты. Университет Йорка предлагает курсы китайского языка, языкознания, литературы, искусства.

В сентябре 1994 г. правительство Канады признало результаты экзаменов по китайскому языку как один из экзаменов по иностранным языкам для поступления в университет, что стимулировало интерес студентов к изучению этого восточного языка и ознаменовало новый этап в развитии образования китайского языка в Канаде.

В декабре 2007 г. городская образовательная администрация Торонто заключила соглашение с Китайским обществом по международным контактам о сотрудничестве по развитию образования китайского языка в регионе, включая обучение, летние и зимние лагеря, соревнования и обмен. Этот договор стал первым соглашением о сотрудничестве в области преподавания китайского языка, подписанным между канцелярией Государственного бюро дел китайцев за рубежом и местным правительством Канады, и весьма значимым шагом на государственном уровне для содействия продвижению обучения китайскому языку.

Деятельность институтов Конфуция в Канаде

21 ноября 2004 г. в Сеуле (Республика Корея) был открыт первый в мире институт Конфуция. К декабрю 2019 г. насчитывалось уже 550 институтов и 1 172 класса в 162 странах. Институты подчиняются главному управлению по международному распространению китайского языка – Ханбан, являющемуся учреждением Министерства образования КНР. Ханбан управляется комитетом из представителей 11 ведомств, которые разрабатывают стратегию долгосрочного развития институтов Конфуция. Институты активно сотрудничают с Министерством иностранных дел Китайской Народной Республики и имеют поддержку дипломатических представительств КНР за рубежом. По сути институты Конфуция являются официальными структурами, осуществляющими культурную дипломатию Китайской Народной Республики.

Для продвижения на мировой арене китайского языка, распространения китайской культуры и ценностей китайские власти вкладывают значительные ресурсы в людей, материальные средства и финансы в институты Конфуция. Институты ори-

¹⁵ Канада – крупнейшая провинция по численности населения, а кроме того, место с самой большой концентрацией китайцев и китайских эмигрантов. Столица Оттава находится в Онтарио. Китай является вторым крупнейшим торговым партнером Онтарио, четвертым по экспорту и вторым по импорту. Китайцы в Онтарио – второе по численности этническое меньшинство после индийцев. В некоторых районах концентрация китайцев настолько высока, что здесь они составляют абсолютное большинство. Языковое многообразие китайцев в регионе Великого Торонто также весьма обширно: здесь говорят на диалекте мандарин, кантонском диалекте, миньнаньском (включая чау-чжоу, тайваньский и фучжоу), хакка, миандунском, шанхайском (ву), при этом диалекты мандарин и кантонский наиболее распространены.

ентируются на широкие слои общества, предлагают курсы для студентов университетов, проводят курсы китайского языка, каллиграфии, живописи, тайцзицюань, что служит базой для культурного обмена между Китаем и принимающими странами.

В Канаде, помимо государственной системы образования, официальными организациями по распространению образования китайского языка и культуры являются классы и институты Конфуция¹⁶. Большинство институтов Конфуция тесно сотрудничает с высшими учебными заведениями Канады. В 2006 г. на базе Британско-Колумбийского технологического университета Канады был основан первый институт Конфуция. Затем институт Конфуция был создан из класса в городе Куга Куилана в провинции Британская Колумбия.

В провинции Онтарио открыты четыре института Конфуция: в колледже Сент-Лоран, Университетах Уотерлу, Брук и Карлтон. В 2007 г. в Колледже Сент-Лоран (провинция Онтарио) создан институт Конфуция, сотрудничающий с Центром языкового образования и сотрудничества и Шанхайским университетом иностранных языков. Здесь проводятся занятия по китайскому языку и культуре Китая, мероприятия по продвижению китайской культуры, что обогащает культурный опыт жителей Канады.

В провинции Квебек в 2007 г. были открыты филиалы института Конфуция при колледже Доусон и университете Шербрук. Университет Шербрук также открыл аспирантуру по китайской литературе, праву, бизнес-администрированию, медицине. Доусон колледж предлагает краткосрочные курсы китайского языка, туризма, каллиграфии, традиционной китайской живописи, традиционной медицины, игре го, боевым искусствам, тайцзицюаню и др.

Институт Конфуция при Управлении образования Эдмонта (провинция Альберта) содействует реализации проектов двуязычного обучения в школах, таким образом способствуя интернационализации местного начального и среднего образования¹⁷.

Вместе с тем институты Конфуция столкнулись в Канаде с рядом проблем. К примеру, в феврале 2013 г. Университет Макмастер объявило закрытии института Конфуция из-за подозрений в религиозной дискриминации в процессе найма преподавателей на работу. Еще пример: Университет провинции Мэн отказывается принимать институт Конфуция. Далее, в декабре 2013 г. Канадская ассоциация университетских преподавателей призвала высшие учебные заведения прекратить сотрудничество с институтами Конфуция¹⁸. А в 2014 г. министерство образования провинции Хуьнань и образовательное управление общественных школ города Торонто отменили планы по совместному созданию института Конфуция. Министерство образования провинции Новый Брансуик также объявило о закрытии института Конфуция в школах

¹⁶ Конфуцианские классы действуют во многих учебных заведениях: Школа имени королевы Елизаветы, Школа имени Макнали, Школа имени Росс Шеппард, Школа имени М. Э. Лазатта, Школа Росслин, Школа Лондон-Дери, Школа Оттава, Школа Пакуэл, Школа Каннингем, Школа Довер-Корт, Школа Медоу-Лак, Школа Мидлнок, Школа Кордэйл, Школа Лилиан Осборн, Колледж Янгкун, Колледж Бурш, Колледж Римуалу, Образовательное управление Каррей и т. д.

¹⁷ 加拿大第一所与公立教育局合建孔子学院揭牌 [The unveiling ceremony of the first Confucius Institute jointly built with a public education bureau in Canada] // 中国新闻网 [China News Network] : [site]. 05.05.2008. URL: <http://www.chinanews.com.cn/cul/news/2008/05-05/1239271.shtml> (accessed on 12.02.2024). (In Chinese).

¹⁸ Ассоциация учителей университетов Канады – объединение профсоюзов учителей университетов Канады с численностью более 60 тыс. членов.

провинции [16].

Критики деятельности институтов Конфуция и сегодня продолжают выражать обеспокоенность по поводу того, Китай может использовать эти организации, чтобы получить влияние на канадское общество, выходя за рамки популяризации китайского языка и культуры¹⁹. Руководители части канадских школ и университетов, до сих пор поддерживающих связи с институтом Конфуция, утверждают, что не видят причин пересматривать эти партнерские отношения, поскольку эти центры обеспечивают ценную лингвокультурную подготовку и не играют роли в основных учебных программах. Однако другая часть канадских учебных заведений прекращает отношения с китайскими институтами по мере истечения контрактов²⁰. В результате количество канадцев, владеющих китайским языком, может сократиться, поскольку правительство страны не открывает новых программ взамен ликвидируемых институтов Конфуция, что может представлять стратегическую проблему, учитывая растущее влияние Китая во всем мире.

Китайские школы в Канаде

Китайские школы играют важную роль в преподавании китайского языка в этой стране, дополняя формальное образование в школах [17, с. 194]. С начала 1990-х годов преподавание китайского языка в Канаде получило значительное развитие [15, с. 49]. В настоящее время наиболее известными китайскими школами являются следующие: школа Цзяхуа в Монреале, школа Вейда в Торонто, школа Ай-Жэн в Торонто, канадско-китайская школа языка и культуры в Оттаве, школа Хин Хуа в Оттаве, школа Нью-Фанг в Торонто и пр. Эти школы не только предоставляют обучение китайскому языку, но и проводят занятия по математике, каллиграфии, изобразительному искусству, шахматам, искусству и другим предметам, связанным с китайской традиционной культурой.

Монреальская школа Цзяхуа была основана в феврале 1994 г. и зарегистрирована в правительстве провинции Квебек как некоммерческое учебное заведение. Она является одной из крупнейших школ в Северной Америке, где преподают китайский язык, и одной из первых «демонстрационных школ по обучению китайскому языку за рубежом», учрежденной Пекинским управлением по делам китайцев, проживающих за рубежом. Школа стала первой в Канаде, учрежденной непосредственно китайцами из КНР. В ее учебной программе внимание акцентируется на обучении китайскому языку и изучении упрощенных китайских иероглифов. Важной особенностью школы является связь обучения китайскому языку с формированием чувства принадлежности к родине через целенаправленное развитие языковых навыков учеников²¹.

Провинция Онтарио имеет 19 китайских школ, организованных благотворительными китайскими организациями. Некоммерческая китайская школа Яшен в Онтарио была основана в 1997 г. и на момент открытия насчитывала 130 студентов. К 2000 г. в школе уже работали более 60 учителей, были открыты 58 классов, а программа обучения распространялась на детские сады, начальную, среднюю и старшую

¹⁹ Universities, school boards across Canada defend ties with China's Confucius Institute // The Globe and Mail : [site]. 21.10.2020. URL: <https://www.theglobeandmail.com/canada/british-columbia/article-universities-school-boards-across-canada-defend-ties-with-chinas/> (accessed on 17.01.2024).

²⁰ Ibid.

²¹ 蒙特利尔佳华学校 [Montreal Jiahua School] : [site]. URL: <http://www.jiahuaschool.ca/> (accessed on 12.02.2024). (In Chinese).

школы. При поддержке правительства провинции Онтарио активно росло число китайских классов в Торонто: к 1990 г. количество зарегистрированных китайских классов увеличилось до 225, в том числе более 200 классов специализировались на изучении кантонского диалекта и более 20 классов – на изучении диалекта мандарин. Правительство провинции Британская Колумбия финансировало 76 китайских школ в Ванкувере [18, с. 45].

Китайские школы в Канаде тесно сотрудничают с институтами Конфуция. Например, во время празднования в Канаде в 2021 г. Дня середины осени Институт Конфуция провел виртуальный показ под названием «Под лунной полная радость, цветы радости распускаются», в котором зрителям были продемонстрированы китайские истории. 20 ноября 2021 г. Ассоциация китайских школ и Институт Конфуция организовали совместное онлайн-мероприятие под названием «Новые вызовы китайского языка в период эпидемии». В данном семинаре приняли участие более 60 учителей из Института Конфуция в Квебеке, Китайской школы культуры в Монреале, Института Ингтай, Школы китайского языка «Новый век», Института Конфуция в Монреале, Университета Янцзы, Группы международного образования Саньцзя и Китайской школа Больша. Кроме того, на встрече присутствовали представители Генерального консульства КНР в Монреале Сяо Чао и Ху Сяолинь.

Китайские общественные организации в Канаде

Политолог М. Ольсон в работе «Логика коллективного действия» утверждает, что люди в повседневной жизни предпочитают участвовать в деятельности небольших (малых) групп, которые формируются на основе общих интересов. Общественные организации, масс-медиа и культурные центры вполне можно отнести к таким формам самоорганизации китайцев в канадских городах, что, помимо прочего, позволяет им распространять китайский язык и национальную культуру [17, с. 195]. Китайские общественные организации обладают значительным социальным потенциалом и играют немаловажную роль в развитии китайского образования в Канаде [19, с. 47].

Среди наиболее известных обществ и организаций можно выделить Канадское общество образования китайского языка, Китайскую ассоциацию Нью-Брансуика, Китайскую культурную ассоциацию Монктона, Китайскую культурную ассоциацию Сент-Джона, Ассоциацию канадско-китайских образовательных обменов, Китайскую ассоциацию провинции Британская Колумбия, Культурный центр китайской культуры в Ванкувере, Ассоциацию китайского языка в Торонто. Все они стремятся продвигать китайскую культуру в канадском обществе и углублять понимание и осведомленность канадцев о Китае.

Зарубежные китайские масс-медиа долгое время оставались основным источником информации для китайской общины за рубежом и прямым носителем китайского языка и культуры [20, с. 123]. В Канаде китайцам доступны китайские национальные газеты («Минбао», «Синьтанг Жоукан» и «Мир Дэйли») и региональные издания («Глобал Хуа Бао», «Северная звезда», «Канада Чжуншитайбао», «Североамериканская жизнь»). Среди радиостанций у китайцев наиболее популярно китайское радио Канады. В 2007 г. был основан канадский китайский телеканал, который транслирует программы каналов CCTV и Hunan TV. Существуют китайские веб-сайты «Канадский дом» и «Экспрес Канада – Китай».

Важную роль в распространении китайской культуры среди этнического сообщества и в канадском обществе в целом играют культурные центры. Такие как Ванку-

верский культурный центр, основанный в 1973 г., а в апреле 1974 г. зарегистрированный как некоммерческая благотворительная организация при федеральном и провинциальном правительствах Британской Колумбии. Культурный центр располагает собственными зданиями и получает государственное финансирование. С момента своего основания центр активно продвигает китайское образование. Здесь обучение проходит на стандартном китайском и кантонском диалекте, многие учителя имеют высшее образование и богатый опыт преподавания на двух языках. Также здесь проводятся занятия по игре на музыкальных инструментах, ушу, танцам льва, китайской живописи, каллиграфии и иным традиционным китайским ремеслам. Культурный центр организует летние и зимние лагеря, торжественные мероприятия, приуроченные к традиционным праздникам и памятным событиям, осуществляет обмен культурой в сообществе и устраивает другие мероприятия, включая различные формы китайского обучения и культурного обмена – вырезание бумаги, рукоделие, вышивание, семейное воспитание и т. д. Общественная библиотека в Оквилле предоставляет отличные условия для чтения на китайском языке. В исследованиях приобретения второго языка отмечается, что чтение ради удовольствия становится важным способом усвоения языка. Единственным требованием является то, чтобы сюжет или основная идея были понятными, а тема для ученика была по-настоящему интересной, чтобы он читал на своем первом языке [21, с. 164].

Заключение

Можно сказать, что в Канаде на основе работы малых групп сформировалась китайская языковая экосистема, поддерживающая функционирование китайского языка, обеспечивающая пропаганду и популяризацию китайской культуры.

В системе обучения китайскому языку общественные организации, субъекты рынка, граждане и иные социальные элементы уже не просто исполняют указания правительства, а через консультации и обсуждения вступают в сферу совместного предоставления социальных услуг и в существенной степени влияют на принятие и реализацию государственных решений в этой сфере.

Основная характеристика сложной модели совместного предоставления таких образовательных услуг со стороны государства и негосударственных акторов заключается в том, что различные субъекты обмениваются ресурсами для решения общих задач.

Поскольку образовательные ресурсы, необходимые для обучения китайскому языку, распределены вне государственной системы образования и существуют в основном в форме технических и знаниевых ресурсов, то местные канадские власти находятся в зависимости от лингвокультурных сообществ, благодаря чему происходит переход к режиму «совместного управления».

Совместное предоставление услуг по обучению китайскому языку в Канаде обеспечивает переход к более высокому уровню совместного принятия решений, что способствует реализации равных возможности всех субъектов данного процесса, поддержанию национальной идентичности китайским населением страны, а также созданию благоприятной экосистемы для распространения и продвижения китайской культуры как «мягкой силы».

Следует также отметить, что поддержание такой системы представляется выгодным и для канадской стороны, поскольку институты Конфуция и другие образовательные учреждения, частично финансируемые китайским правительством, обеспе-

чивают ценную языковую и культурную подготовку, что позволит канадцам поддерживать отношения и развивать сотрудничество с Китаем, в том числе при посредстве многочисленной китайской диаспоры в стране.

Список литературы

1. 阮西湖. 加拿大语言政策考察报告. 世界民族. 2001年. 第3期. 第42-50页.
2. 王丽彩. 加拿大新移民子女华文教育的问题及对策. 八桂侨刊. 2004年. 第3期. 第25-27页.
3. 李怡. 加拿大当代汉语作为外语教育考察. 山东外语教学. 2009年. 第1期. 第58-62页.
4. 张燕. 加拿大华文教育的发展现状与主要问题研究. 云南师范大学学报. 2011年. 第1期. 第88-93页.
5. 张燕. 加拿大公共教育体系中的华文教育探索——以埃德蒙顿中英双语教学计划为例. 海外华人教学. 2011年. 第2期. 第104-110页.
6. 张燕. 加拿大华文教育的历史发展及前景展望. 八桂侨刊. 2010年. 第12期. 第57-63页.
7. 吴岩. 加拿大BC省大温哥华地区中小学生汉语教材应用浅析. 国际汉语教育. 2011年. 第9期. 第62-73页.
8. 邓东元. 阿尔伯塔省中小学汉语教育引介. 云南师范大学学报. 2012年. 第1期. 第82-87页.
9. 曾嵘. 加拿大汉语教学及汉语推广考察分析——以加拿大魁北克省为例. 国际汉语教育. 2013年. 第3期. 第45-56页.
10. 郭瑶瑶. 华人中文学校在多伦多的办学实践探究(1858-1967年). 合肥师范学院学报. 2021年. 第1期. 第87-91页.
11. Boyd, M. 100 Years of Immigration in Canada / M. Boyd, M. Vickers // Canadian Social Trends. 2000. Vol. 58. Pp. 3-12.
12. Anderson, K. J. Vancouver's Chinatown: Racial Discourse in Canada, 1875-1980. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1995. 336 p. ISBN 0773513299.
13. Li, P. S. Chinese in Canada. Toronto: Oxford University Press, 1988. 164 p. ISBN 0195412710.
14. 李未醉. 加拿大华人社会内部的合作与冲突(1923-1999). 北京: 世界知识出版社, 2006年版. 343页. ISBN 7501231591.
15. 中国海外交流协会文教部. 第三届国际华文教育研讨会论文集. 北京: 华语教学出版社. 2001年版. ISBN 7-80052-580-5.
16. 张虹倩, 胡范铸. 全球治理视域下的汉语国际教育及孔子学院建设: 问题、因由与对策. 社会科学. 2017年. 第10期. 第26-35页.
17. 梁霞, 张应龙. 加拿大华文教育的现状分析. 广西社会科学. 2005年. 第12期. 第194-196页.
18. 王燕燕, 罗庆铭. 加拿大的祖语教育与华文教育. 语文建设. 1998年. 第3期. 第45-46页.
19. 刘宏. 论二战后新加坡华人社团与教育的互动关系——社会经济的视野. 华侨华人历史研究. 2002年. 第1期. 第40-48页.
20. 彭伟步, 焦彦晨. 海外华文传媒的文化影响力与中国文化软实力的建设. 新闻界. 2011年. 第5期. 第123-127页.
21. Krashen, S. D. Principles and Practice in Second Language Acquisition. Oxford: Pergamon Press Inc., 1982. 202 p. ISBN 0-08-028628-3.

Сведения об авторах:

Ван И, заместитель декана, Колледж изучения китайцев за рубежом, Университет Вэньчжоу, Вэньчжоу, Китай.

Контактная информация: e-mail: wangyi19810101@163.com; ORCID ID: [0009-0003-0588-2065](https://orcid.org/0009-0003-0588-2065).

Лю Пэн, аспирант, Китайский университет связи, Пекин, Китай.

Контактная информация: e-mail: liupeng1020@cuc.edu.cn; ORCID ID: [0009-0005-0840-3562](https://orcid.org/0009-0005-0840-3562).

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); РИНЦ SPIN-код: [5112-6604](https://elibrary.ru/5112-6604); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Статья поступила в редакцию 27.03.2024; принята в печать 30.05.2024.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

FUNCTIONING OF THE CHINESE DIASPORA IN CANADA: DEMOGRAPHIC AND SOCIOCULTURAL ASPECTS

Yi Wang

Wenzhou University, Wenzhou, China

E-mail: wangyi19810101@163.com

Peng Lui

Communication University of China, Beijing, China

E-mail: liupeng1020@cuc.edu.cn

Sergei V. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

For citation: Wang, Yi. *Functioning of the Chinese Diaspora in Canada: Demographic and Sociocultural Aspects* / Yi Wang, Peng Lui, S. V. Ryazantsev. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 2. Pp. 116–132. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.8).

Abstract. *The Chinese community in Canada is one of the largest diasporas. According to the 2021 Census, the number of Chinese immigrants and their descendants in Canada has reached 1.71 million, of which more than 1.29 million speak Chinese as their first language. The vast Chinese language ecosystem created by descendants has a significant impact on the language environment and politics of Canada. In order to shape the Chinese language environment, in addition to the education of the Chinese language in the state education system and Confucius Institutes, non-governmental organizations such as Chinese schools, Chinese societies, the Chinese press, community centers and families play an important role. Together they create a coherent model for the shared delivery of the Chinese language ecosystem in Canada, based on government supply, public participation, market mechanisms and family education.*

Keywords: *Chinese Canadians, immigrants, Chinese language, adaptation, integration, education, migration policy, Canada*

References

1. 阮西湖 [Ruan Xihu]. 加拿大语言政策考察报告 [Canadian Language Policy Investigation Report]. 世界民族 [World Ethnic Groups]. 2001.No. 3. Pp. 42–50. (In Chinese).
2. 王丽彩 [Wang Licai]. 加拿大新移民子女华文教育的问题及对策 [Problems and countermeasures in Chinese education for children of new immigrants to Canada]. 八桂侨刊 [Bagui Overseas Chinese Journal]. 2004. No. 3. Pp. 25–27. (In Chinese).
3. 李怡 [Li Yi]. 加拿大当代汉语作为外语教育考察 [A survey on contemporary Chinese as a foreign language education in Canada]. 山东外语教学 [Shandong Foreign Language Teaching]. 2009. No. 1. Pp. 58–62. (In Chinese).
4. 张燕 [Zhang Yan]. 加拿大华文教育的发展现状与主要问题研究 [A study on the current status and main issues of Chinese language education in Canada]. 云南师范大学学报 [Journal of Yunnan Normal University]. 2011. No. 1. Pp. 88–93. (In Chinese).
5. 张燕 [Zhang Yan]. 加拿大公共教育体系中的华文教育探索——以埃德蒙顿中英双语教学计划为例 [A study of Chinese language education in Canada's public education system: Taking the Chinese-English bilingual teaching program in Edmonton as an example]. 海外华人教学 [Overseas Chinese Teaching]. 2011. No. 2. Pp. 104–110. (In Chinese).
6. 张燕 [Zhang Yan]. 加拿大华文教育的历史发展及前景展望 [The historical development and future prospects of Chinese education in Canada]. 八桂侨刊 [Bagui Overseas Chinese Journal]. 2010. No. 12.

Pp. 57–63. (In Chinese).

7. 吴岩 [Wu Yan]. 加拿大BC省大温哥华地区中小學生汉语教材应用浅析 [A Brief Analysis on the Application of Chinese Textbooks for Primary and Secondary School Students in Greater Vancouver, British Columbia, Canada]. 国际汉语教育 [International Chinese Language Education]. 2011. No. 9. Pp. 62–73. (In Chinese).

8. 邓东元 [Deng Dongyuan]. 阿尔伯塔省中小学汉语教育引介 [Introduction of Chinese language education in primary and secondary schools in Alberta]. 云南师范大学学报 [Journal of Yunnan Normal University]. 2012. No. 1. Pp. 82–87. (In Chinese).

9. 曾嵘 [Zeng Rong]. 加拿大汉语教学及汉语推广考察分析——以加拿大魁北克省为例 [A study and analysis of Chinese teaching and promotion in Canada—taking Quebec, Canada as an example]. 国际汉语教育 [International Chinese Language Education]. 2013. No. 3. Pp. 45–56. (In Chinese).

10. 郭瑶瑶 [Wu Yaoyao]. 华人中文学校在多伦多的办学实践探究(1858-1967年) [A study on the educational practices of Chinese schools in Toronto (1858-1967)]. 合肥师范学院学报 [Journal of Hefei Normal University]. 2021. No. 1. Pp. 87–91. (In Chinese).

11. Boyd, M. 100 Years of Immigration in Canada / M. Boyd, M. Vickers. *Canadian Social Trends*. 2000. Vol. 58. Pp. 3–12.

12. Anderson, K. J. *Vancouver's Chinatown: Racial Discourse in Canada, 1875–1980*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1995. 336 p. ISBN 0773513299.

13. Li, P. S. *Chinese in Canada*. Toronto: Oxford University Press, 1988. 164 p. ISBN 0195412710.

14. 李未醉 [Li Weizui]. 加拿大华人社会内部的合作与冲突 (1923-1999) [Cooperation and conflict within Canadian Chinese community (1923-1999)]. 北京 [Beijing]: 世界知识出版社 [World Knowledge Publishing House], 2006. 343 p. ISBN 7501231591. (In Chinese).

15. 中国海外交流协会文教部 [China Overseas Exchange Association Culture and Education Department]. 第三届国际华文教育研讨会论文集 [Proceedings of the 3rd International Symposium on Chinese Language Education]. 北京 [Beijing]: 华语教学出版社 [Chinese Language Teaching Press], 2001. ISBN 7-80052-580-5. (In Chinese).

16. 张虹倩, 胡范铸 [Zhang Hongqian, Hu Fanzhu]. 全球治理视域下的汉语国际教育及孔子学院建设:问题、因由与对策 [Chinese international education and Confucius institute construction in the perspective of global governance: problems, causes and countermeasures]. 社会科学 [Social Sciences]. 2017. No. 10. Pp. 26–35. (In Chinese).

17. 梁霞, 张应龙 [Liang Xia, Zhang Yinglong]. 加拿大华文教育的现状分析 [Analysis of the Current Situation of Chinese Education in Canada]. 广西社会科学 [Guangxi Social Sciences]. 2005. No. 12. Pp. 194–196. (In Chinese).

18. 王燕燕, 罗庆铭 [Wang Yanyan, Luo Qingming]. 加拿大的祖语教育与华文教育 [Native language education and Chinese language education in Canada]. 语文建设 [Language Construction]. 1998. No. 3. Pp. 45–46. (In Chinese).

19. 刘宏 [Liu Hong]. 论二战后新加坡华人社团与教育的互动关系——社会经济的视野 [On the interactive relationship between Chinese communities and education in Singapore after World War II from a socio-economic perspective]. 华侨华人历史研究 [Overseas Chinese History Research]. 2002. No. 1. Pp. 40–48. (In Chinese).

20. 彭伟步, 焦彦晨 [Peng Weibu, Jiao Yanchen]. 海外华文传媒的文化影响力与中国文化软实力的建设 [The cultural influence of overseas Chinese media and the construction of China's cultural soft power]. 新闻界 [Mass Media]. 2011. No. 5. Pp. 123–127. (In Chinese).

21. Krashen, S. D. *Principles and Practice in Second Language Acquisition*. Oxford: Pergamon Press Inc., 1982. 202 p. ISBN 0-08-028628-3.

Bio notes:

Yi Wang, Vice Dean, Overseas Chinese College, Wenzhou University, Wenzhou, China.

Contact information: e-mail: wangyi19810101@163.com; ORCID ID: [0009-0003-0588-2065](https://orcid.org/0009-0003-0588-2065).

Peng Lui, PhD Student, Communication University of China, Beijing, China.

Contact information: e-mail: liupeng1020@cuc.edu.cn; ORCID ID: [0009-0005-0840-3562](https://orcid.org/0009-0005-0840-3562).

Sergei V. Ryazantsev, RAS Corresponding Member, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); RSCI SPIN code: [5112-6604](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=5112-6604); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

*Received on 27.03.2024; accepted for publication on 30.05.2024.
The authors have read and approved the final manuscript.*

DOI [10.19181/demis.2024.4.2.9](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.9)EDN [MPWMXB](https://www.edn.ru/MPWMXB)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ «РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЭКОНОМИКИ» В КОРОЛЕВСТВЕ ТАИЛАНД НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Рязанцев Н. С.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: ryzantsev080700@ya.ru

Лукашенко Е. А.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: ea-lukashenko@yandex.ru

Смирнов А. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: sofetel@mail.ru

Для цитирования: Рязанцев, Н. С. Особенности развития «русскоязычной экономики» в Королевстве Таиланд на современном этапе / Н. С. Рязанцев, Е. А. Лукашенко, А. В. Смирнов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 2. С. 133–147. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.9](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.9). EDN [MPWMXB](https://www.edn.ru/MPWMXB).

Аннотация. Растущие потоки в Таиланд русскоговорящих граждан из стран СНГ, но прежде всего из Российской Федерации, ввиду множества причин (в первую очередь это сохранение нестабильной геополитической ситуации в мире, противоправные санкции западных государств против России, появление внушительного числа сторонников более мобильного образа жизни – так называемых «цифровых кочевников» и т. п.) на фоне самодостаточной внешней и торговой политики Королевства Таиланд по привлечению иностранцев и международного капитала, развития двусторонних отношений с РФ и пр. в конечном итоге приводят к тому, что Королевство сегодня становится одним из наиболее привлекательных направлений для путешествий, жизни и работы наших соотечественников. Все это влечет за собой бурное развитие так называемой «русскоязычной экономики», которая постепенно превращается в весомый фактор, способный не только удовлетворить покупательский спрос представителей русскоговорящего сообщества, временно находящихся или проживающих за границей, но и предоставить им работу, фактически дав возможность более плавно интегрироваться в социально-экономические процессы и общество принимающей страны, позволив им общаться и взаимодействовать. Причем перечень товаров и услуг, а также само число предприятий, которые оказывают услуги преимущественно русскоязычным гражданам, активно расширяется. Авторы статьи поставили перед собой задачу исследовать такой социальный феномен как «русскоязычная экономика», описать ее состояние в Королевстве Таиланд с точки зрения структуры и особенностей функционирования, а кроме того, как механизм адаптации русскоговорящих мигрантов на рынке труда принимающей стороны. Масштабы такой экономики находятся в тесной зависимости от численности русскоговорящих общин и объемов туристических потоков из России и стран бывшего СССР. В силу чего специальный раздел работы посвящен особенностям потока русскоязычных граждан в Таиланд.

Ключевые слова: Таиланд, российский туризм за рубежом, туристическая отрасль Таиланда, развитие экономики Таиланда, международный бизнес в Таиланде, российский бизнес в Таиланде, «русскоязычная экономика» за рубежом, «русскоязычная экономика» в Таиланде, русскоговорящие сообщества, российско-тайские отношения

Введение

Несмотря на значительные масштабы распространения, всестороннего изуче-

ния российскими и иностранными исследователями «русскоязычная экономика»¹ так до сих пор не и получила. Такой вывод, сделанный С. В. Рязанцевым, членом-корреспондентом РАН, в статьях, посвященных изучению феномена «русскоязычной экономики» в различных зарубежных государствах еще в 2017 г., актуален и поныне. Как подчеркивает ученый, предыдущие исследования в большей степени были посвящены «вопросам формирования, расселения и адаптации к жизни в принимающих странах русскоговорящих мигрантов разных волн, однако механизмы их экономической активности, последствия экономической деятельности, экономические связи с Россией оставались закрытым для исследователей феноменом» [1, с. 129].

Данная научная работа дополняет новыми сведениями ранее проведенные отечественными демографами С. В. Рязанцевым и Е. Е. Письменной исследования, освещающие масштабы «русскоязычной экономики» за рубежом, включая Королевство Таиланд [1; 2]. В этих статьях ученые предприняли практически первые, однако основательные научные попытки концептуализации и обоснования феномена «русскоязычной экономики» на основе обширных эмпирических материалов качественных социологических исследований (в т. ч. посредством интервью с мигрантами и экспертами), собранных ими в отдельных государствах мира во время экспедиционных поездок.

В настоящей работе ее авторы акцентируют внимание и на закономерностях интеграции русскоговорящих мигрантов в тайское общество с учетом местной специфики. Таким образом, цель предпринятого ими исследования – не только описать «русскоязычную экономику» с точки зрения структуры и особенностей функционирования, но и представить ее как механизм адаптации русскоговорящих мигрантов на тайском рынке труда. Процесс интеграции мигрантов из России и иных республик экс-СССР в принимающее тайское общество посредством взаимодействия с институтами и инфраструктурой «русскоязычной экономики» – рынками труда и недвижимости, компаниями, фирмами, средствами массовой информации и др. – явился предметом исследования. В качестве объектов исследования выступили проживающие в Таиланде мигранты, независимо от их миграционного статуса и гражданства, а также институты и инфраструктура «русскоязычной экономики».

Специальный раздел, посвященный «русскоязычной экономике» за рубежом, есть в «Миграционном атласе Российской Федерации» [3]. Те или иные актуальные проблемы развития туристической отрасли государств Юго-Восточной Азии, включая Королевство Таиланд, в постковидный период рассматривали в своих статьях С. В. Рязанцев, Дань Нгуен Ань, Л. С. Рубан, М. А. Ананьин [4] и Н. С. Рязанцев [5]. Но наиболее полное освещение вопросы восстановления международного туризма на современном этапе нашли в вышедшей в марте 2024 г. публикации Н. С. Рязанцева, Е. А. Лукашенко и А. В. Смирнова [6].

Достоверность данного исследования обеспечивается изучением широкого круга источников, преобладающая часть которых вводится в научный оборот впервые. Преимущественно это материалы, опубликованные в средствах массовой информации, поскольку события, описываемые в настоящей работе, происходят «здесь и

¹ Под «русскоязычной экономикой» понимается «система экономических институтов и отношений, в основе которых лежит русский язык, выступающий основным интеграционным фактором и основной опорой развития ее элементов. Цель ее функционирования – удовлетворение потребностей русскоговорящего населения, постоянно проживающего и временно пребывающего за рубежом, а также обслуживание торгово-экономических связей и туризма страны пребывания мигрантов с Россией» [2, с. 115].

сейчас», что как раз и составляет ее новизну и практическую значимость. Соблюдая принципы объективности и конкретности, для анализа собранного массива эмпирических данных использовались ситуационный и системный подходы, сравнительный анализ и синтез, метод дедукции и индукции, пр.

Результаты проведенного комплексного изучения проблем «русскоязычной экономики» способствуют систематизированному осмыслению «русскоязычной экономики» как глобального явления и могут быть полезны для широкого круга специалистов, в т. ч. занимающихся исследованиями миграции, равно как и для всех тех, кто интересуется современными реалиями Королевства Таиланд.

Миграция в Таиланд на современном этапе

По итогам 2023 г. Королевство Таиланд заняло восьмую строчку списка самых посещаемых государств мира (39,8 млн человек)², а его столица – Бангкок – стала самым популярным городом планеты по числу туристов (22,78 млн посетителей)³. Традиционно экономика Королевства считается ориентированной на привлечение туристических потоков: на сферу услуг (включая туризм) приходится более 56% ВВП⁴. По сути последствия пандемии COVID-19 и подтолкнули страну к структурному изменению национальной экономики. И сейчас можно наблюдать ее поэтапную диверсификацию. Вместе с тем возникают все новые вызовы для рынка труда и тайских законодательных органов власти.

Несмотря на активное участие де-факто в «погоне» за туристами-иностранцами (Таиланд идет по пути продления и увеличения безвизовых режимов для путешественников из разных государств), высокую степень интегрированности в международный рынок труда и относительную легкость ведения бизнеса (согласно исследованию Всемирного банка, в 2020 г. Королевство Таиланд находилось на 21-м месте в рейтинге среди 190 стран⁵), тайское миграционное и трудовое законодательство в отношении иностранцев все еще остается сравнительно жестким. Пока тайская логика весьма проста: чужестранец не должен отбирать работу у местных жителей и должен быть действительно ценным «кадром» для государства (если не как работник, то как источник поступления денег в казну). Вопреки, казалось бы, обилию визовых программ для иностранцев⁶, желающих остаться в стране, требования к получению таких виз чрезвычайно серьезные. Немаловажно учитывать и то, что нарушение миграционного и трудового законодательства Таиланда зарубежными гражданами карается весьма сурово: работнику и работодателю могут грозить не только высокие штрафы, но и депортация иностранных сотрудников.

Однако ключевой особенностью, а точнее даже барьером для множества трудо-

² ТОП-10 самых посещаемых стран мира 2023 года // Ассоциация туроператоров : [сайт]. 19.11.2023. URL: <https://www.atorus.ru/node/54749> (дата обращения: 28.03.2024).

³ Бангкок занял первое место в мире по количеству туристов в 2023 году и стал самым посещаемым городом // The Pattaya News : [сайт]. 28.12.2023. URL: <https://thepattayanews.ru/2023/12/28/bangkok-secures-first-spot-in-global-amount-of-tourists-in-2023-and-most-visited-city/> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ Thailand: Share of economic sectors in the gross domestic product (GDP) from 2012 to 2022 // Statista: [site]. URL: <https://www.statista.com/statistics/331893/share-of-economic-sectors-in-the-gdp-in-thailand/> (accessed on 30.03.2024).

⁵ Doing Business // World Bank : [site]. URL: <https://archive.doingbusiness.org/> (accessed on 30.03.2024).

⁶ Это и образовательные визы, и «виза пенсионера» (Retirement Visa), и «виза инвестора» (Elite Visa), и долгосрочная виза (LTR Visa) и т. п.

любивых «фарангов»⁷ порой является само тайское трудовое законодательство, в котором четко прописаны регламентированные запреты на работу иностранных граждан по ряду направлений. Таких сегодня насчитывается 40, 27 из которых запрещены категорически, 13 разрешены, но на определенных условиях⁸. И все же можно заметить подвижки в вопросе еще недавнего запрета на трудоустройство иностранцев в некоторых областях – это низкоквалифицированная работа в сельском хозяйстве, рыболовстве и др.⁹. Говоря о высококвалифицированных работниках (инженерах, врачах, ученых и пр.), формальные требования к ним и местным работодателям также высоки.

В то же время ни для кого не секрет, что на практике данные ограничения обходятся. К примеру, предприимчивые иностранные граждане «прикомандировываются» к официально оформленным тайским гидам в качестве переводчиков, но фактически сами проводят запланированные мероприятия. Кроме того, не стоит забывать и о случаях, когда предприниматели-иностранцы занимаются трудовой деятельностью незаконно: в рамках туристической визы, т. е. без получения разрешения на работу («work permit»), без открытия юридического лица или же не получив всех документов на осуществление такой деятельности. Тем не менее важно отметить, что даже создание тайского предприятия иностранцем в Королевстве не означает фактическую законность данной компании. Так, согласно законодательству страны, при создании фирмы с иностранным участием ее контрольный пакет акций должен принадлежать гражданам Таиланда. Подобная, на первый взгляд, безобидная мера по защите интересов национальной экономики и тайского населения приводит к тому, что зарубежные предприниматели не только научились, но и фактически вынуждены пользоваться услугами местных компаний по поиску граждан страны, согласных за вознаграждение стать номинальными акционерами иностранного бизнеса в своем же государстве. По замыслу тайских властей, финансовые интересы нации в конечном итоге оказываются осуществленными: государство смогло привлечь значительный иностранный капитал (открытие компании в Королевстве – удовольствие не из дешевых), дало части своих граждан возможность подзаработать.

Одновременно с этим на фоне роста национального благосостояния в Таиланде растет и достаток самого населения, которое с каждым годом становится все менее заинтересованным в низкоквалифицированной работе. В результате уже сегодня страна имеет дело со значительным притоком низкоквалифицированной рабочей силы из Мьянмы, Камбоджи и Лаоса. Мало того, Королевство Таиланд начинает сталкиваться с новыми демографическими вызовами, в первую очередь с намечающейся естественной убылью населения¹⁰. Некогда важные с демографической точки зрения семейные ценности и ориентиры на создание многодетной семьи закономерно сменяются желанием получить высшее образование и в дальнейшем построить успешную карьеру или в самом Королевстве, или даже уехав за рубеж, нередко в рамках

⁷ Так в Таиланде и ряде других государств Азии называют иностранцев, чаще всего европейского происхождения.

⁸ Occupations in Thailand Restricted; Foreigner Hiring Prohibited // Khaosod English : [site]. 05.07.2023. URL: <https://www.khaosodenglish.com/news/2023/07/05/40-occupations-in-thailand-restricted-foreigner-hiring-prohibited/> (accessed on 26.03.2024).

⁹ В Таиланде сняли запрет на 11 профессий, запрещенных для иностранцев // РИА Новости : [сайт]. 22.06.2018. URL: <https://ria.ru/20180622/1523189689.html> (дата обращения: 26.03.2024).

¹⁰ Population, total – Thailand // World Bank Open Data : [site]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=TH> (accessed on 26.03.2024).

брака с иностранными подданными. Нельзя не учитывать и тот факт, что в стране регулярно проходят акции протеста в связи с ущемлением прав работников (в т. ч. и зарубежных¹¹), которым, к примеру, запрещено создавать свои профсоюзы) и необходимостью включения Таиланда в международную повестку по их защите через ратификацию ряда ключевых конвенций Международной организации труда.

На основании вышесказанного можно предположить, что в долгосрочной перспективе Королевство Таиланд все-таки будет вынуждено открыть двери для еще большего числа зарубежных специалистов. Смягчение миграционного законодательства вполне способно удовлетворять продолжающийся спрос на широкий перечень услуг на фоне вымывания работников среди местного населения, особенно среди низкоквалифицированных профессий, однако быстрого решения данного вопроса не предвидится. Подобная ситуация ввиду разных обстоятельств (включая и демографическую убыль населения) ранее сложилась в другом государстве Юго-Восточной Азии – в Японии, долгое время скептически настроенной на привлечение иностранной рабочей силы (особенно низкоквалифицированной), а сегодня «приоткрывающей шлюзы» для трудовых мигрантов с целью временного восполнения недостатка своих трудовых ресурсов и активно внедряющей автоматизацию, роботизацию и искусственный интеллект на предприятиях всех секторов экономики.

Особенности потока русскоговорящих граждан в Таиланд

В допандемийный 2019 г. Королевство Таиланд посетили 1,47 млн российских путешественников, в 2021 г. их число составило уже менее 40 тыс., в 2022 г. этот показатель, согласно тайландской статистике, достиг чуть более 435 тыс., т. е. вырос в 14 раз [6]. Что касается 2023 г., то данные по турпотoku говорят о том, что стране удалось восстановить потерянные за время пандемии COVID-19 объемы российского туристического потока: более 1,48 млн визитов в 2023 г. [6]. Сегодня Россия занимает 5-е место по количеству туристов в общем списке, а среди не азиатских рынков – по-прежнему безусловный лидер. Параллельно и довольно стремительно растет турпоток граждан Республики Казахстан, а упрощение процедур и продление безвизового режима для казахстанских туристов являются важными шагами, содействующими укреплению двусторонних государственных связей. Наиболее популярные локации среди русскоговорящих путешественников – острова Пхукет, Самуи и Пхи Пхи, города Паттайя, Бангкок и Чиангмай. Нередко туристы посещают и совсем маленькие острова, несколько удаленные от районных центров и менее затронутые жизнедеятельностью человека.

Немаловажно и то, что Таиланду отводится особое место среди интенсивно увеличивающейся социальной группы так называемых цифровых кочевников. Самый авторитетный интернет-портал «Nomad List», занимающийся изучением данного социума, проанализировал мнения удаленных работников и пришел к следующим выводам: три из десяти наиболее привлекательных городов для цифровых кочевников находятся в Королевстве Таиланд, причем самое оптимальное место – Бангкок¹². С 2022 г. граждане СНГ также активно стали перенимать такую новую для азиатского региона концепцию мобильного образа жизни и работы: на их долю сейчас прихо-

¹¹ Protests erupt as Rayong construction crane collapses // Khaosod English : [site]. 30.03.2024. URL: <https://www.khaosodenglish.com/news/2024/03/30/protests-erupt-as-rayong-construction-crane-collapses/> (accessed on 30.03.2024).

¹² Nomad List : [site]. URL: <https://nomadlist.com/> (accessed on 02.04.2024).

дится порядка 6% от общего числа всех мировых цифровых кочевников, что составляет около 5 млн человек (третья по численности группа)¹³. Не исключено, что в скором времени этот перечень пополнят и другие русскоговорящие страны Центральной Азии и Закавказья¹⁴. К примеру, Казахстан в последние годы претерпевает существенные социально-экономические преобразования (налицо рост национального благосостояния населения, бурное развитие ИТ-сферы и т. п.), и посему его граждане начинают наиболее решительно присматриваться к тайским городам. А трудовые мигранты из Таджикистана и Узбекистана вследствие девальвации российского рубля и иных факторов в последние годы все чаще ориентируются на трудовые рынки Восточной и Юго-Восточной Азии. На некоторых тайских островах – Самуи, Пханган и Пхукет – еще в 2010-е гг. сформировались целые поселки, где проживает большое сообщество русскоговорящих ИТ-специалистов, программистов, копирайтеров, пиарщиков и пр. Не удивительно, что именно в этих локациях наглядно проявился и функционирует феномен «русскоязычной экономики», в то время как в столице страны Бангкоке значительно менее ярко выражено присутствие русскоговорящих граждан.

Таким образом, интенсивное формирование «русскоязычной экономики» вкупе с иными преимуществами, в силу которых Таиланд снискал огромную любовь путешественников всего мира, может стать для русскоговорящих граждан из разных государств одним из притягивающих факторов как для отдыха, так и для жизни и работы.

Особенности «русскоязычного» бизнеса в Королевстве Таиланд

Все более внушительный и довольно стабильный поток преимущественно молодого, достаточно обеспеченного, энергичного и прогрессивного русскоговорящего населения из стран СНГ, прежде всего, из Российской Федерации, в Королевство Таиланд закономерно повлиял на формирование высокого спроса на товары и услуги представителей русскоязычной среды. При этом растет не только объем таких предложений (активно открываются новые компании), но и перечень самих услуг.

Анализируя деятельность русскоговорящего среднего и крупного бизнеса, можно, в частности, отметить значительное расширение географии и увеличение числа рейсов российских авиакомпаний в Таиланд [6]. Говоря о направлениях деятельности русскоязычного малого бизнеса в Королевстве, обратим внимание на практику туристических фирм по организации экскурсий по местным достопримечательностям и дополнительного досуга (дайвинг, рыбалка и т. д.), предоставлению транспортных

¹³ The 2024 State of Digital Nomads // Nomad List : [site]. URL: <https://nomadlist.com/digital-nomad-statistics> (accessed on 02.04.2024).

¹⁴ В действительности число цифровых кочевников намного больше, но назвать точные цифры весьма проблематично. Ключевая проблема заключается в самом определении «цифровой кочевник», т. к. сегодня это понятие отчасти собирательное. Трудности возникают и в силу того, что несмотря на бурный рост такой категории граждан, далеко не все страны и их государственные органы запустили соответствующие визовые программы для «цифровых кочевников», из-за чего последние вынуждены использовать туристические или рабочие визы и в результате не подпадают под статистику.

услуг (в т. ч. «визаранов»¹⁵). Можно столкнуться и с деятельностью русскоговорящих фотографов. Кстати, и те, и другие трудятся в стране незаконно. Широко распространены услуги детсадовского и дошкольного образования, кружки по обучению игре на музыкальных инструментах, изучению иностранных языков (преимущественно английского), «бизнес-кемпы» и пр. Кроме того, русскоязычные иностранцы оказывают услуги по проведению персональных тренировок в качестве фитнес- и йога-тренеров, дают уроки танцев, проводят всевозможные мастер-классы, оказывают услуги индустрии красоты. Вполне естественно, что более емким становится и рынок эскорт-услуг.

Порой имеют место и совсем удивительные виды бизнеса. К примеру, деятельность фирм, в которые можно обратиться за помощью в организации транспортировки домашних животных. Русскоговорящие сотрудники таких компаний уже приобрели большой опыт взаимодействия с тайскими офицерами ветеринарного контроля и готовы за определенную плату предоставить комплексную поддержку при оформлении всех сопроводительных документов.

Прцветает бизнес по долгосрочной и краткосрочной аренде объектов недвижимости: как небольших и уютных, более доступных по цене апартаментов («кондо»), так и роскошных вилл с видом на Сиамский залив. Многие наши соотечественники работают агентами по продаже недвижимости, преимущественно в новостройках. Однако агенты по продаже недвижимости не только готовы найти своим согражданам жилье для аренды или покупки, но и не против за вознаграждение оказать помощь в сдаче объектов недвижимости в аренду прочим соотечественникам или даже в продаже лота. Некоторые сограждане пошли еще дальше и теперь занимаются строительством полноценных жилищных комплексов, ориентированных, главным образом, на выходцев из стран СНГ¹⁶, и специализированные управляющие компании, которые помимо прочего могут предоставлять услуги со стороны местного населения по уборке апартаментов, стирке, глажке и т. п. С недавних пор наши соотечественники начали выходить и на тайский рынок ремонтных работ недвижимого имущества.

В Таиланде можно воспользоваться услугами фирм по сдаче в аренду транспортных средств, главным образом мотоциклов, самого любимого среди местного населения средства передвижения, ибо они не только наиболее мобильны в городской среде, но и стоимость их аренды сопоставима с арендой велосипеда в некоторых мегаполисах мира. Кроме того, русскоговорящие предприниматели стали активно заходить в сферу деятельности по сдаче в аренду яхт, а из последних ноу-хау – водных электровелосипедов на подводных крыльях. Подобная ориентация на более дорогие

¹⁵ Общеизвестная во многих государствах мира практика так называемых «визаранов» предполагает выезд за пределы страны пребывания и последующий обратный въезд в максимально быстрый временной период в более-менее комфортных условиях и с низкими финансовыми вложениями. Такая «туристическая» экспресс-программа осуществляется, как правило, в рамках пересечения сухопутной границы с близлежащими государствами. В случае с Таиландом наиболее распространена практика взаимодействия с Лаосом и Камбоджей.

¹⁶ Среди преимуществ, о которых справедливо заявляют наши соотечественники-девелоперы, можно отметить возможность проживания в своих апартаментах с домашними животными. Так называемая концепция «pets friendly» мало распространена в жилых комплексах Таиланда, что создает для россиян определенные проблемы. Этот момент обоснуем тем, что Россия, по некоторым оценкам, является страной, насчитывающей самое большое в мире количество владельцев домашних котов и кошек.

и нетрадиционные средства передвижения и развлечения на воде со стороны отечественных предпринимателей весьма ожидаема: рынок перенасыщен традиционными и в то же самое время наиболее доступными предложениями наподобие лодок, катамаранов, гидроциклов и др.

В публичных местах периодически проходят культурные мероприятия и выступления русскоязычных музыкальных исполнителей, стендап-артистов и пр. К слову, за организацию концертов и реализацию билетов на них тоже чаще всего отвечают бизнесмены-соотечественники. Взять хотя бы открывшийся в конце января 2024 г. в нескольких городах Королевства Московский фестиваль кино, во время которого на протяжении двух с половиной месяцев предполагался показ нескольких популярных российских картин и были запланированы переговоры о выводе российского контента на стриминговые платформы дружественного государства с подписанием ряда соглашений о совместном производстве фильмов и т. д.¹⁷. На важность развития российско-тайских взаимоотношений указали в Департаменте внешнеэкономических и международных связей г. Москвы, подписав программу сотрудничества между двумя столицами на период до 2025 г.¹⁸

В последнее время значительно активизировался гастрономический бизнес: русскоязычные предприниматели открывают все новые рестораны, кафе и бары. В части из них организована доставка блюд на дом. Некоторые кафе готовят домашний квас, холодец и др. блюда русской кухни. Есть и частники, которые не против приготовить еще более изысканные кушанья для местного рынка, например, салат оливье или же русские блюда, но с небольшим региональным колоритом – пирог с лососем и брокколи в сметанно-сырном соусе или форель под шубой. В продаже имеются яства и с восточным уклоном: плов, люля-кебаб и т. п.; работают грузинские и армянские рестораны. Мало того, функционируют продуктовые магазины, выпекающие ржаной хлеб и сдобные булочки, а также специализирующиеся на продаже товаров, непосредственно привезенных из России, среди которых тульские пряники, юбилейное печенье, семечки, красная икра, молочные продукты, мясные изделия и всевозможные консервы¹⁹.

Широко в Таиланде представлена деятельность юридических контор, оказывающих всестороннюю помощь в легализации и оформлении широкого перечня местных документов и разрешений на работу как для физических, так и для юридических лиц, включая получение лицензий на выращивание и продажу медицинской марихуаны (каннабиса), деятельность обменников, в т. ч. криптообменников. С целью ускоренного и грамотного начала бизнеса в стране такие компании предоставляют клиентам услуги в сборе, правильном оформлении, подаче уставных документов и даже в самом сложном вопросе – в поиске проверенных и надежных тайских номинальных акционеров, необходимых для учреждения любой фирмы с иностранным

¹⁷ В Таиланде открылся Московский фестиваль кино // Известия : [сайт]. 30.01.2024. URL: <https://iz.ru/1641770/2024-01-30/v-tailande-otkrylsia-moskovskii-festival-kino> (дата обращения: 26.03.2024).

¹⁸ Москва и Бангкок подписали программу сотрудничества на 2023-2025 годы // РИА Новости : [сайт]. 31.03.2023. URL: <https://ria.ru/20230331/goroda-1862097072.html> (дата обращения: 26.03.2024).

¹⁹ На основе контент-анализа сайта TripAdvisor: Откройте для себя направление Таиланд // TripAdvisor : [сайт]. URL: <https://www.tripadvisor.ru/Tourism-g293915-Thailand-Vacations.html> (дата обращения: 26.03.2024).

участием²⁰.

Не всегда бизнес в Королевстве Таиланд строится легальным путем. Получить тайское водительское удостоверение без необходимого обучения в местной автошколе или оформить студенческую визу без реального обучения – такие способы, пожалуй, наиболее популярны ввиду их легкости и стоимости в вопросе возможности остаться в стране на более длительный срок²¹. Однако важно помнить, что оказание незаконных услуг чревато серьезным уголовным наказанием или даже депортацией. Известно множество случаев, когда местная полиция была вынуждена депортировать иностранных граждан, включая и наших соотечественников. Так, в декабре 2023 г. на о. Самуи офицеры иммиграционной полиции Королевства в ходе проведения «контрольной закупки» задержали россиянина, который, размещая на своем сайте и через сообщество в «Telegram» рекламу, оказывал на острове услуги психолога в очном формате, не только не имея необходимых документов на работу, но и обладая просроченной визой²². А в январе 2024 г. на о. Пхукет были задержаны участники русскоязычной рок-группы «Би-2», которым изначально тайландский суд в связи с «незаконной гастрольной деятельностью» выставил чисто символический штраф, но позднее участников коллектива ждала депортация из страны²³. К слову сказать, концерт этой группы тоже был организован нашим соотечественником, который признался в том, что следовал общей практике ведения бизнеса в Таиланде, поэтому и не стал до конца оформлять необходимые для артистов документы²⁴.

Помимо прочего, в Королевстве популярна деятельность фактически полулегальных криптообменников, которые, несмотря на наличие правильно оформленного юридического лица и даже местной лицензии, иногда могут использовать счета своих доверенных лиц в банках стран СНГ для получения денежных средств от наших сограждан через инфраструктуру нетайландских финансовых учреждений при последующей передаче им фиатной валюты уже при личной встрече. Введение неправомерных и антигуманных санкций западными правительствами против россиян и различных учреждений РФ, включая финансовые, привело не только к стремительному росту российского криптосообщества, которое как никогда ранее стало воспринимать криптоактивы в качестве одного из эффективных инструментов для обхода противоправных ограничений Запада, так и для создания иных форм заработка в русскоговорящем секторе криптоиндустрии. Все это, равно как и вымывание привычных финансовых цепочек и формирование новых «связок», вызвало высокий

²⁰ Юридическая помощь Бизнесу в Таиланде // Юридическая компания «Khonsu» : [сайт]. URL: <https://mikhaylov.world/> (дата обращения: 26.03.2024).

²¹ Diamond Country – агентство помощи туристам : [сайт]. URL: <https://diamond-country.com/> (дата обращения: 26.03.2024).

²² В Таиланде задержали психолога-нелегала из России // Газета.Ру : [сайт]. 28.12.2023. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/12/28/22028995.shtml> (дата обращения: 26.03.2024).

²³ Суд в Таиланде приговорил музыкантов группы «Би-2» к штрафу в размере \$85 // RT на русском : [сайт]. 26.01.2024. URL: <https://russian.rt.com/world/news/1263796-sud-tailand-bi-2> (дата обращения: 26.03.2024).

²⁴ Согласно тайскому законодательству, нельзя заниматься гастрольной деятельностью по туристической визе. Для этого необходимо получить рабочую визу и разрешение министерства культуры.

спрос на так называемый «арбитраж»²⁵. Отдельные тайландские банки (и в первую очередь «Bangkok Bank») долгое время не шли на необоснованный шантаж со стороны западных государств, оставались открытыми для новых клиентов из России, продолжали спокойно обслуживать ранее открытые счета, принимали из нашей страны и отправляли в нее платежи через международную систему «SWIFT», до сих пор остающуюся наиболее популярным способом переводов денежных средств. Попутно заметим, что некоторые наши соотечественники также оказывают платные услуги в оформлении карточек местных банков.

Здесь нельзя не сказать и о том, что продолжающаяся в Таиланде работа по запуску приема карт российской платежной системы «Мир» однозначно позволит активизировать экономические процессы внутри русскоязычных сообществ, т. к. многие россияне продолжают получать доход на Родине, в силу чего вопрос перевода денег для части соотечественников может стоять очень остро [6]. Важно также помнить, что функционирование финансовых каналов между странами (в т. ч. и прежде всего в рамках санкционного давления на банковские институты) является важным инструментом для того, чтобы трудовые мигранты из числа наших соотечественников имели возможность делать денежные переводы части полученных за рубежом доходов своим родным и близким на Родину.

Сказанное выше позволило нашим согражданам довольно долгое время проводить весьма выгодные сделки за сравнительно короткий срок. В Интернете опубликовано немало познавательных статей на русском языке, в которых россияне делятся опытом осуществления подобного рода «бизнеса». Таким образом, за последние несколько лет Королевство Таиланд на какое-то время превратилось в одно из наиболее притягательных направлений для российских криптоарбитражников. Заслуживает внимания и такой факт: ежегодно в Бангкоке проходит, пожалуй, самая масштабная конференция «Affiliate World Asia» по арбитражу трафика (в т. ч. в криптовалютах), не просто собирающая на своей площадке большое число русскоговорящих посетителей и участников, но и дающая возможности международным компаниям с русскими корнями представлять свои проекты и сервисы²⁶.

При этом важно учитывать и то, что «русскоязычный бизнес» в Таиланде пользуется все теми же привычными способами освещения своей деятельности, что и в других странах, ориентируясь, прежде всего, на продвижение в сети Интернет. Так, русскоговорящие предприниматели активно используют всевозможные российские и зарубежные онлайн-площадки, форумы, группы, чаты и социальные сети: в первую очередь «ВКонтакте», «Telegram», «YouTube», «Instagram»* и куда в меньшей степени «Facebook»*. Менее широкое использование последнего легко объяснимо технологическим и моральным отставанием от более привлекательных площадок для русскоязычных пользователей. Речь преимущественно идет о мессенджере «Telegram», где

²⁵ Под арбитражной торговлей подразумевается заработок на разнице в цене на один и тот же актив, но в разных юрисдикциях (странах, биржах, торговых площадках и т. д.), на которых, как правило, ввиду различных обстоятельств (в т. ч. сильной диспропорции спроса и предложения, инфраструктурных ограничений, заградительных комиссий и др.) сложилась разная стоимость на интересующий актив. В некоторых случаях подобный дисбаланс может означать десятки процентов прибыли.

²⁶ Арбитраж трафика. О чем говорили ТОПы рынка в Бангкоке // YouTube : [сайт]. URL: <https://youtu.be/7QDlnPzBxfQ> (дата обращения: 27.03.2024).

* Согласно соответствующему решению суда, деятельность компании «Meta» и ее сервисов, включая «Instagram» и «Facebook», запрещена на территории Российской Федерации.

среди русскоговорящих граждан особенно популярны так называемые «доски объявлений» и тематические сообщества. В качестве примера из бесчисленного множества назовем Telegram-сообщество «ПАТТАЙЯ LIFE чат», насчитывавшее на момент написания статьи более 40 тыс. участников.

В развитие темы напомним также о том, что социальные сети являются способом заработка, ведь в них функционируют обширные сетки тематических сообществ: новостные ленты, «доски объявлений», группы по интересам и т. д. Все это позволяет владельцам групп зарабатывать на рекламных постах как раз-таки русскоязычного бизнеса в Королевстве. В последнее время увеличилось присутствие русскоговорящих блогеров в Сети, которые транслируют свой образ жизни в Таиланде, отвечают подписчикам на актуальные вопросы о жизни в стране, о том, как необходимо оформлять документы для легализации, где можно провести свободное время и пр., к тому же получая за это от аудитории донаты (денежные пожертвования) и вставляя в свои ролики рекламные интеграции. В частности, в России «русскоязычный бизнес» приобретает рекламные интеграции у блогеров с большой аудиторией, вещающих периодически или постоянно из-за рубежа. То и дело в Интернете можно наткнуться на рекламу одного из крупнейших российских банков – банка «Тинькофф»²⁷, который по-прежнему продолжает проводить в Королевство переводы в национальной валюте, тайском бате, через уже упомянутую выше систему «SWIFT», и осуществлять оформление туристических (медицинских) страховок путешественника²⁸.

Иными словами, русскоязычные фирмы находят все новые ниши и направления для экспансии своих бизнес-интересов. Подобные бизнес-процессы способны усилить или даже создать локальное сообщество, состоящее из людей и семей с общим социальным кодом. Так, например, в Паттайе еще в середине 2000-х гг. сформировалась крупная «русская деревня» Баан Дусит. Причем эксперты убеждены в том, что предприятия из российских регионов не должны бояться выходить на тайский рынок²⁹. Помимо этого, важно помнить, что в Таиланде функционируют Торговое представительство РФ (обеспечивающее государственные интересы нашей страны в сфере внешнеэкономической деятельности, содействующее проведению в Королевстве торгово-промышленных выставок и ярмарок и участию в них российских организаций, защищающее экономические интересы отечественных участников внешнеэкономической деятельности и оказывающее им содействие в ее осуществлении и т. п.), Таиландско-Российская торговая палата, ряд других организаций³⁰.

Не лишним здесь будет сказать и о том, что многие успешно адаптированные на тайском рынке труда и хорошо интегрированные в принимающее общество русскоговорящие мигранты придерживаются активной социальной позиции и стремятся к общению со своими соотечественниками. И не только через клубы по интересам, формируемые и поддерживаемые русскоязычными мигрантами, но и через социально значимые проекты – русскоязычные школы, кружки по интересам (включая сооб-

²⁷ В начале июня 2024 г. бренд Тинькофф эволюционировал в бренд Т-Банк.

²⁸ Тинькофф запускает переводы для физических лиц в тайских батах // Тинькофф Банк : [сайт]. 14.11.2023. URL: <https://www.tinkoff.ru/about/news/14112023-tinkoff-launches-transfers-for-individuals-in-thai-baht/> (дата обращения: 02.02.2024).

²⁹ Новосибирские IT-компании решили выйти на рынок Таиланда // Рамблер финансы : [сайт]. 17.02.2023. URL: <https://finance.rambler.ru/business/50229989-novosibirskie-it-kompanii-reshili-vyyiti-na-rynok-tailand/> (дата обращения: 18.02.2024).

³⁰ Российские организации в Королевстве Таиланд // Консул Мир : [сайт]. URL: <https://konsulmir.com/rossijskie-organizacii-v-korolevstve-tailand/> (дата обращения: 18.02.2024).

щества предпринимателей), церкви, всевозможные культурные и спортивные проекты, что показывает заинтересовать и желание наших соотечественников, постоянно проживающих либо временно находящихся за границей, так или иначе сохранить и передать следующим поколениям традиции и национальную культуру государств, выходцами из которых они являются.

Подведем краткий итог вышесказанному: в странах и районах концентрации русскоговорящего населения, включая Королевство Таиланд, в определенной мере смогла сформироваться и вполне успешно заработать «русскоязычная экономика», появившаяся и развивающаяся, во-первых, ввиду наличия крупных русскоязычных сообществ, во-вторых, благодаря динамично растущим социально-экономическим связям с Россией, в т. ч. туристическим потокам, торговле и инвестициям.

Заключение

Итак, русскоговорящая аудитория за рубежом весьма многочисленна и в настоящее время представляет собой довольно крупный сегмент национальных экономик отдельных государств. Не стала исключением и экономики Таиланда. При этом масштабы «русскоязычной экономики» напрямую зависят от численности русскоговорящих общин, выступающих ее «драйверами», и объемов туристических потоков из России и стран СНГ, более того, в «русскоязычную экономику» вовлечены люди, существенно различающиеся по своим возрастным характеристикам, профилю работы и квалификации [1, с. 128; 2, с. 116].

«Русскоязычная экономика» и ее представители за рубежом в большей степени идентифицируют себя не как «российские», а как «русские» граждане. Это подтверждает тезис о том, что в житейских вопросах, аспектах взаимосвязи между людьми и всем тем, что объединяет наших соотечественников и граждан СНГ в зарубежных странах, именно языковая и культурная общность, ориентация на потребление специфических товаров и услуг играют большее значение, нежели гражданство участников данных экономических отношений.

При научном рассмотрении феномена «русскоязычная экономика» важно учитывать продолжающуюся трудовую эмиграцию из стран СНГ, где ключевой причиной для выезда за границу, как правило, оказывается нестабильная социально-экономическая обстановка в стране происхождения/проживания, равно как и потенциальная возможность более высокой заработка на чужбине. Зачастую местом притяжения для русскоговорящих граждан становится Королевство Таиланд.

Несмотря на то, что достаточно жесткие условия пребывания и легализации иностранцев в Таиланде нередко «заставляют» русскоязычные бизнесы вести свою деятельность вне закона, тем не менее российские предприятия в этом Королевстве могут служить достойным инструментом трудовой и культурной интеграции сограждан в тайское общество. Русскоговорящие мигранты в целом довольно хорошо адаптируются на тайском рынке труда благодаря своему относительно высокому уровню образования (в т. ч. знанию английского языка), готовности учиться, менять профессию, повышать квалификацию, наличию довольно высокой мотивации, предпринимательского потенциала и т. п.

Следует также осознавать, что «русскоязычная экономика» вне России, включая Королевство Таиланд, в данный момент времени остается относительно разрозненной. Поэтому не стоит в ближайшем будущем делать ставку на появление такого широко известного феномена, как национальные кварталы (иногда называемые

«этническими анклавами»), по подобию «китайских кварталов» во многих столицах земного шара.

В то же время бурное формирование русскоговорящих сообществ и русскоязычного бизнеса вне территории Российской Федерации может служить хорошей площадкой для лоббирования и отстаивания национальных интересов российского государства, для ведения так называемой «мягкой политики» через всевозможные государственные гранты и совместные проекты (например, в сфере культуры), направленные не только на сплочение соотечественников за рубежом и их поддержку, но и для продвижения привлекательного имиджа нашей страны и пр.

Список литературы

1. Рязанцев, С. В. «Русскоязычная» экономика как механизм интеграции русскоговорящих мигрантов в принимающих странах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017. Т. 25, № 1. С. 122–136. DOI [10.22363/2313-2329-2017-25-1-122-136](https://doi.org/10.22363/2313-2329-2017-25-1-122-136). EDN [ZEJOMP](https://elibrary.ru/ZEJOMP).
2. Рязанцев, С. В. «Русскоязычная экономика» за рубежом как фактор притяжения и механизм адаптации русскоговорящих эмигрантов / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная // Международные процессы. 2017. Т. 15, № 4(51). С. 115–132. DOI [10.17994/IT.2017.15.4.51.7](https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.4.51.7). EDN [UVYAPQ](https://elibrary.ru/UVYAPQ).
3. Миграционный атлас Российской Федерации / С. В. Рязанцев, В. С. Белозеров, Н. А. Щитова [и др.]. Москва : ИТД «Перспектива», 2022. 232 с. ISBN 978-5-905790-56-0. DOI [10.51285/978-5-905790-56-0](https://doi.org/10.51285/978-5-905790-56-0). EDN [MQSVLW](https://elibrary.ru/MQSVLW).
4. Рязанцев, С. В. Российский туризм в ЮВА как форма миграции до и во время пандемии COVID-19 / С. В. Рязанцев, Н. А. Дань, Л. С. Рубан, М. А. Ананьин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 4, № 4(53). С. 37–54. DOI [10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-037-054](https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-037-054). EDN [DUHNAU](https://elibrary.ru/DUHNAU).
5. Рязанцев, Н. С. Международный туризм в Таиланде: тренды и восстановление потока российских туристов после пандемии COVID-19 // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 1. С. 83–91. DOI [10.19181/demis.2023.3.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.1.6). EDN [GDXBKU](https://elibrary.ru/GDXBKU).
6. Рязанцев, Н. С. Социально-экономические и демографические аспекты российского туризма в Таиланде в 2023 г. / Н. С. Рязанцев, Е. А. Лукашенко, А. В. Смирнов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 1. С. 85–100. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.6). EDN [BUWFFZ](https://elibrary.ru/BUWFFZ).

Сведения об авторах:

Рязанцев Никита Сергеевич, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ryazantsev080700@ya.ru; ORCID ID: [0000-0001-6835-310X](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X); РИНЦ SPIN-код: [2654-1867](https://elibrary.ru/2654-1867); Web of Science Researcher ID: [GPG-3864-2022](https://orcid.org/GPG-3864-2022); Scopus Author ID: [57220204335](https://orcid.org/57220204335).

Лукашенко Елена Адольфовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ea-lukashenko@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-7712-8940](https://orcid.org/0000-0001-7712-8940); РИНЦ SPIN-код: [4283-7466](https://elibrary.ru/4283-7466); Web of Science Researcher ID: [ADP-4658-2022](https://orcid.org/ADP-4658-2022).

Смирнов Алексей Викторович, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sufetel@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-6559-1679](https://orcid.org/0000-0002-6559-1679); РИНЦ SPIN-код: [4854-8146](https://elibrary.ru/4854-8146); Web of Science Researcher ID: [ABE-5329-2021](https://orcid.org/ABE-5329-2021); Scopus Author ID: [57219713206](https://orcid.org/57219713206).

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № [22-68-00210](https://orcid.org/22-68-00210) «Эмиграция и положение русскоязычного населения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона в условиях новых глобальных вызовов».

Статья поступила в редакцию 04.04.2024; принята в печать 07.06.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE “RUSSIAN-SPEAKING ECONOMY” IN THE KINGDOM OF THAILAND AT THE PRESENT STAGE

Nikita S. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: ryazantsev080700@ya.ru

Elena A. Lukashenko

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: ea-lukashenko@yandex.ru

Alexey V. Smirnov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: sofetel@mail.ru

For citation: Ryazantsev, Nikita S. Trends in the Development of the “Russian-Speaking Economy” in the Kingdom of Thailand at the present stage / N. S. Ryazantsev, E. A. Lukashenko, A. V. Smirnov. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 2. Pp. 133–147. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.9](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.9).

Abstract. The growing flows of native Russian-speakers from the CIS countries to the Kingdom of Thailand, but primarily from the Russian Federation, due to many reasons (first of all, the preservation of an unstable geopolitical situation in the world, illegal sanctions, imposed by Western states against Russia, the emergence of an impressive number of followers of a more mobile lifestyle, i.e. digital nomads, etc.) against the background of Thailand's self-sufficient foreign and trade policy to attract foreigners and international capital, the development of bilateral relations with the Russian Federation, etc. As a result, the Kingdom has been becoming one of the most attractive destinations for travel, life, and work of our compatriots. All this leads to the rapid development of the so-called “Russian-speaking economy”, which is gradually turning into a significant factor that can not only satisfy the consumer demand of representatives of the Russian-speaking community temporarily staying or living abroad, but also provide them with work, in fact giving them the opportunity to integrate more smoothly into social and economic processes and society of the host country, allowing them to communicate and integrate. Moreover, goods and services, as well as the number of enterprises that provide services mainly to the Russian-speakers, is actively expanding. The authors of the article set themselves the task of investigating a relatively new social phenomenon, i.e. so-called «Russian-speaking» economy, describing situation within the Kingdom of Thailand in terms of structure and functioning features, and in addition, as a mechanism for the adaptation of Russian-speaking migrants in the labor market of the host country. The scale of such economy closely depends on the number of the Russian-speaking communities and the volume of tourist flows from the CIS. Therefore, a special section of the work is devoted to the peculiarities of the flow of the Russian-speakers to Thailand.

Keywords: Thailand, Russian tourism abroad, Thai tourism industry, Thai economic development, international business in Thailand, Russian business in Thailand, «Russian-speaking economy» abroad, «Russian-speaking economy» in Thailand, Russian-speaking communities, Russian-Thai relations

References

1. Ryazantsev, S. V. “Russian-Speaking” Economy as the Mechanism of the Integration of Russian-Speaking Migrants in the Receiving Countries. *RUDN Journal of Economics*. 2017. Vol. 25, No. 1. Pp. 122–136. DOI [10.22363/2313-2329-2017-25-1-122-136](https://doi.org/10.22363/2313-2329-2017-25-1-122-136). (In Russ.).
2. Ryazantsev, S. V. “Russian-Speaking Economy” Abroad as an Instrument for Adaptation of Migrants / S. V. Ryazantsev, E. E. Pismennaya. *International Trends*. 2017. Vol. 15, No. 4(51). Pp. 115–132. DOI [10.17994/IT.2017.15.4.51.7](https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.4.51.7). (In Russ.).
3. *Migration Atlas of the Russian Federation* / S. V. Ryazantsev, V. S. Belozеров, N. A. Shchitova et al. Moscow : Perspektiva Publishing House, 2022. 232 p. ISBN 978-5-905790-56-0. DOI [10.51285/978-5-905790-56-0](https://doi.org/10.51285/978-5-905790-56-0). (In Russ.).
4. Ryazantsev, S. V. Russian Tourism in Southeast Asia as a Form of Migration Before and During the

COVID-19 Pandemic / S. V. Ryazantsev, N. A. Dang, L. S. Ruban, M. A. Ananjin. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*. 2021 Vol. 4, No. 4(53). Pp. 37–54. DOI [10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-037-054](https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-037-054). (In Russ.).

5. Ryazantsev, N. S. International Tourism in Thailand: Trends and Recovery of the Flow of Russian Tourists after the COVID-19 Pandemic. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 1. Pp.83–91. DOI [10.19181/demis.2023.3.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.1.6). (In Russ.).

6. Ryazantsev, N. S. Socio-Economic and Demographic Aspects of Russian Tourism in Thailand in 2023 / N. S. Ryazantsev, E. A. Lukashenko, A. V. Smirnov. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 1. Pp. 85–100. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.6). (In Russ.).

Bio notes:

Nikita S. Ryazantsev, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCATS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: ryazantsev080700@ya.ru; ORCID ID: [0000-0001-6835-310X](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X); RSCI SPIN code: [2654-1867](https://www.rsci.spb.ru/spin/2654-1867); Web of Science Researcher ID: [GPG-3864-2022](https://orcid.org/GPG-3864-2022); Scopus Author ID: [57220204335](https://orcid.org/57220204335).

Elena A. Lukashenko, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCATS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: ea-lukashenko@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-7712-8940](https://orcid.org/0000-0001-7712-8940); RSCI SPIN code: [4283-7466](https://www.rsci.spb.ru/spin/4283-7466); Web of Science Researcher ID: [ADP-4658-2022](https://orcid.org/ADP-4658-2022).

Alexey V. Smirnov, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: sofetel@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-6559-1679](https://orcid.org/0000-0002-6559-1679); RSCI SPIN code: [4854-8146](https://www.rsci.spb.ru/spin/4854-8146); Web of Science Researcher ID: [ABE-5329-2021](https://orcid.org/ABE-5329-2021); Scopus Author ID: [57219713206](https://orcid.org/57219713206).

Acknowledgements and financing:

The reported study was funded by the Russian Science Foundation (RSF), research project No. [22-68-00210](https://orcid.org/22-68-00210) "Emigration and the situation of the Russian-speaking population in the countries of the Asia-Pacific region in the context of new global challenges".

Received on 04.04.2024; accepted for publication on 07.06.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.2.10](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.10)

EDN [NAKPGY](#)

АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ В РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Козин С. В.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: mister.svk92@yandex.ru

Жидяева Т. П.

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,

Алатырский филиал, Алатырь, Россия

E-mail: tanya21_84@mail.ru

Закиева Р. Р.

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия

Институт стратегии развития образования РАО, Москва, Россия

E-mail: rafina@bk.ru

Для цитирования: Козин, С. В. Адаптация мигрантов в России в зеркале социологических комплексных исследований / С. В. Козин, Т. П. Жидяева, Р. Р. Закиева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 2. С. 148–155. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.10](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.10). EDN [NAKPGY](#).

Аннотация. Настоящая рецензия посвящена анализу основных положений и выводов, содержащихся в коллективной монографии «Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы», изданной ФНИСЦ РАН в декабре 2022 г. Обратившись к оглавлению книги, внимательный читатель обязательно поймет, что публикации монографии предшествовала многолетняя и, конечно же, кропотливая работа целого научного коллектива ФНИСЦ РАН над решением затронутых проблем как теоретического, так и практического плана. Первое, что бросается в глаза, это теоретическая база монографии, основывающаяся на глубоких текстах зарубежных и отечественных ученых. Помимо этого, внимания заслуживает и достойная эмпирическая база, состоящая из данных разных лет. На страницах рецензируемой книги авторами раскрывается информация о доступности мигрантов к рынку труда и жилья, системам здравоохранения и образования, специфика интеграции мигрантов из Средней Азии. Должное освещение получили важные миграционные стратегии в контексте транснациональных практик. Отмечается и отношение россиян к мигрантам, которое едва ли можно назвать «дружелюбным». Значительная часть мигрантов, несмотря на имеющиеся преграды, адаптировалась к условиям российского рынка труда. Кроме осмысления идей, представленных в настоящей коллективной монографии, авторы рецензии отдельно останавливаются на некоторых положениях книги, подробно освещают их и дополняют своими наработками, подмечают критические моменты и дают пожелания в плане развития данной проблематики.

Ключевые слова: доступность образования, жилье мигрантов, иностранные мигранты, процессы адаптации, прекариат, рынок труда, трудовая мобильность

В декабре 2022 г. издательство ФНИСЦ РАН выпустило в свет коллективную монографию «Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы» [1] (тиражом 300 экземпляров). Издание посвящено памяти выдающегося советского и российского ученого, доктора исторических наук, главного научного сотрудника – руководителя Центра исследований межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, профессора-исследователя НИУ ВШЭ, заслуженного деятеля науки РФ, почетного доктора Института социологии ФНИСЦ РАН, автора более 400 научных работ и одного из основателей этносоциологии в отечественной социологической науке Л. М. Дробижевой (13.01.1933 – 11.04.2021).

Важной особенностью рецензируемой книги стало то, что написана она научным коллективом ученых разных поколений – как маститых, так и начинающих, по образованию преимущественно историков, социологов, экономистов.

Структурно монография разделена на пять глав: «Тренды международной миграции в Россию и реализация права мигрантов на проживание и натурализацию», «Подходы к измерению интеграции в контексте проблем миграционной политики», «Адаптация и интеграция мигрантов в различных сферах», «Проблемы интеграции отдельных контингентов», «Трансформация миграционных стратегий и установок в ходе интеграции и индикаторы ее измерения». Список литературы состоит из 197 наименований, 124 из которых – зарубежная научная литература.

В параграфе «Отношение принимающего населения к приезжим: взгляд мигрантов» (глава II) его автор канд. социол. наук А. А. Эндрюшко весьма наглядно продемонстрировала, что рядом социологических служб, начиная от самых именитых и заканчивая региональными, устойчиво фиксируется высокий уровень негативизма по отношению к мигрантам. Кроме того, в СМИ не перестают появляться разного рода негативные материалы (которых становится все больше и больше), описывающие инциденты, имеющие прямое или косвенное отношение к мигрантам. Среди них – изнасилования молодых девушек, кражи и даже убийства на почве ненависти или психологических травм.

Подчеркнем один любопытный факт: опросы разных лет убедительно показывают уверенность иностранцев в том, что они не будут для местных жителей «своими». Так, в 2011 г. в этом были убеждены 28,6% респондентов, в 2017 г. – 32,9%, а в 2020 г. – 34,9%. Динамика таких изменений в позициях, как видим, со временем только усиливается [1, с. 145–146]. В завершение А. А. Эндрюшко резюмирует, что «...собственные намерения мигрантов, связанные с миграционными стратегиями, желанием связать свою жизнь с Россией, формированием межэтнического доверия могут помочь им преодолеть барьеры, связанные с осознаваемым этнокультурным разделением на “своих” и “чужих”» [1, с. 150 – 151].

В параграфе «Мигранты на рынке труда: профиль, продолжительность и оплата труда, неформальная и незаконная занятость» (глава III) д-р социол. наук В. И. Мукомель установил закономерность, что мигрантом, работающим на территории Российской Федерации, как правило, является «... молодой мужчина со средним образованием, состоящий в браке» [1, с. 164]. В основном трудовые мигранты-мужчины это выходцы из Средней Азии, а женщины – из Украины и Молдовы. Именно выходцы из Средней Азии, в отличие от мигрантов из Казахстана или Украины, малообразованны [2].

Автор указал и на такой факт: в связи с тем, что у российских молодых специалистов есть некая помощь от родителей, они тщательнее ищут работу и не соглашаются

на низкооплачиваемую и неквалифицированную. В свою очередь, у мигрантов нет средств к существованию, следовательно, им за короткий промежуток времени после прибытия в Россию необходимо найти любую работу.

Еще одной особенностью, которую подчеркивает автор, является то, что молодые мигрантки имеют образование более высокого уровня по сравнению с молодыми мужчинами и, соответственно, безработица среди таких женщин выше на 50%. Это объясняется тем, что наиболее образованные женщины-работницы не стремятся к получению любой работы, а выбирают ее по уровню квалификации и образования. Следует добавить, что данный контингент также не связан брачными узами и, как правило, не имеет детей.

Что же касается размера оплаты труда мигрантов, то она зависит от нескольких факторов. Например, у сотрудников, занятых оказанием коммунальных, социальных и персональных услуг, в сельском хозяйстве и торговле, она значительно ниже, чем у представителей строительной отрасли (их заработная плата значительно выше из-за тяжелых условий труда). Помимо этого, по гендерному признаку заработная плата у мужчин-мигрантов и женщин-мигранток в рамках одной экономической деятельности в целом существенно не отличается. У мужчин она либо чуть выше (но незначительно), либо находится на одном уровне с женщинами.

Однако при сопоставлении уровня заработной платы среди мигрантов и российских граждан автор приходит к выводу о том, что принципиальной разницы между категориями граждан практически нет, т. е. и мигранты, и граждане Российской Федерации за свой труд получают примерно одинаковое вознаграждение [1, с. 171–174].

В представленных аналитических данных можно увидеть превышение размера оплаты труда в медианном значении мигрантов над соотечественниками. Но это объясняется неравномерным распределением мигрантов по стране. К примеру, в Москве, медианная зарплата в 2017 г. была 55,4 тыс. рублей, в Московской области – 38,1 тыс., в Санкт-Петербурге – 43,1 тыс., в Ленинградской области – 34,2 тыс. рублей [1, с. 173].

Небезынтересен факт, что высокие заработки мигрантов нельзя соизмерять с заработной платой, получаемой гражданами России, в связи с тем, что за то же вознаграждение мигранты готовы в течение недели работать более продолжительное время. При 40-часовой рабочей неделе, установленной Трудовым Кодексом РФ, мигранты в среднем работают 59,1 часа в неделю, а в некоторых отраслях и того больше. Причем более половины мигрантов работают в темпе, заметно отличающемся от темпа работы российских граждан, только 3,7% которых соглашаются на чрезмерную нагрузку [1, с. 174].

Тем не менее большая часть опрошенных мигрантов ничего не хочет менять в своей трудовой деятельности, т. к. их абсолютно устраивают условия и размер оплаты труда. Мигранты не боятся потерять работу, и основной причиной, на которую они указывают при возможной смене места работы, является более высокая заработная плата (без указания условий труда, продолжительности рабочего времени, льгот и т. д.) [1, с. 174].

Трудовые мигранты имеют признаки прекаризованности труда (ранее разработанные научными сотрудниками РГГУ): как показывает практика, это иностранные граждане, занятые в так называемом «неформальном секторе» российской экономики, неоформленные в соответствии с действующим Трудовым Кодексом РФ или не имеющие разрешительных документов на въезд и работу на территории России

[3]. От себя добавим: данные Всероссийских опросов, проведенных в рамках проекта РНФ № 18–18–00024 «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» (руководитель проекта – Ж. Т. Тощенко, член-корреспондент РАН) и нашедших отражение в пяти монографиях, опубликованных в 2018–2024 гг., подтверждают подобный факт.

Причем на предприятиях с численностью сотрудников до 10 человек использование пекарного труда мигрантов, незаконно осуществляющих свою трудовую деятельность, достигает 70,3% от общего количества персонала. В то же время на более крупных предприятиях жестче исполняется соблюдение норм трудового права, и доля незаконных трудовых мигрантов составляет около 14,6% [1, с. 179].

Ученый-исследователь В. И. Мукомель констатирует, что в целом трудовые мигранты удовлетворены своими условиями труда. Но здесь же уточним: чаще всего трудовую деятельность они осуществляют среди русскоговорящих сотрудников в многонациональном коллективе [1, с. 184].

В заключении В. И. Мукомель пишет следующее: «В период кризиса стремления работодателей и мигрантов “уйти в тень” усиливаются прямо пропорционально его масштабам и ужесточение контроля над мигрантами и работодателями только стимулирует такие стремления» [1, с. 373].

Кроме того, ученый считает, что в настоящее время неформальная занятость – проблема как для трудовых мигрантов, так и для российского государства. В связи с чем целью любого государства становится ее снижение. Это можно сделать за счет тщательных контролирующих процедур предприятий, в штате которых имеются наемные работники из других государств, а также упростив процедуру оформления мигрантов в рамках осуществления трудовой деятельности.

В параграфе «Доступность образования» (глава III) канд. социол. наук К. С. Григорьева рассмотрела и весьма подробно описала доступность получения образования мигрантами в России. На основе анализа научной литературы и результатов социологических исследований ею было установлено немало заслуживающих внимания аспектов. Так, согласно данным опроса, проведенного Центром этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) по заказу НИУ ВШЭ весной 2017 г., (опрошены 8577 респондентов в 19 субъектах РФ, метод отбора интервьюеров – «снежный ком») было отмечено, что 55,5% детей, приехавших в Россию совместно с родителями, владеют русским языком, около 28% – в состоянии говорить на двух языках – русском и родном, а приблизительно 10% общаются лишь на родном языке [1, с. 256].

Между тем в параграфе «Трудовая мобильность мигрантов: адаптация и/или интеграция» (глава III) канд. ист. наук Г. А. Монусова не забывает указать и на такой прискорбный факт: «образование, полученное “дома”», не всегда служит гарантом востребованности на рынке труда в другой, даже современной, стране [1, с. 189].

По нашему мнению, интересен еще один момент, выявленный в интервью с учителем: *«Как правило, ученики выбирают вузы в России... Они в основном получают здесь высшее образование – чтобы потом получить в упрощенной форме российское гражданство и работать в России. Поэтому им необходим наш диплом»* [1, с. 260].

Здесь бы нам хотелось сделать некоторые уточнения. Напомним, что с 2021 г. многие российские вузы стали полноправными участниками государственного федерального проекта «Приоритет–2030». Особо подчеркнем, что одним из базовых показателей данного гранта является количество иностранных обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры на условиях общего приема,

который с каждым годом в среднем увеличивается на 15%.

Например, в Казанском государственном энергетическом университете (КГЭУ) в 2022–2023 учебном году был запланирован набор иностранных обучающихся в количестве 230 человек, но уже на 2023–2024 учебный год данный показатель достиг значения, равного 267 человек, при общей численности обучающихся по образовательным программам бакалавриата, специалитета, магистратуры в 4987 и 5241 человек соответственно.

Если рассматривать структуру контингента иностранных граждан очной формы обучения, то примерно 50% из них приходится на дальнейшее зарубежье и 50% студентов – на страны СНГ. Мало того, конкретизируем, что география студентов-иностранцев включает в себя порядка 40 стран: Армения, Бенин, Иран, Молдова, Тайвань, Тунис и пр. Не будет, пожалуй, лишним сказать и о том, что в последний год наблюдался «скачок» поступающих из таких государств, как Узбекистан, Египет, Казахстан, КНР. При этом, к большому сожалению, уменьшался контингент абитуриентов из Киргизии, Германии и Туркменистана.

В том же КГЭУ в 2022 г. на 1 курс по программам аспирантуры были зачислены 10 иностранных граждан на очную форму обучения из Ирака, Вьетнама, Египта, Алжира, Бурунди, Сирии (для сравнения: в 2020 г. – 4 человека; а в 2021 г. – 3 человека).

Считаем, что повысить качество поступающих абитуриентов из числа иностранных граждан возможно через увеличение их количества в вузе, т. к. данный показатель напрямую зависит от места университета в международных рейтингах и признании университетского диплома за рубежом.

Полагаем, что достичь желаемых результатов можно при выполнении следующих условий:

- ежегодный набор иностранных граждан на первый курс;
- поддержание связей и расширение деловых отношений с нынешними реальными партнерами по набору иностранных граждан;
- выход на новых партнеров в целях набора иностранных обучающихся;
- рост известности вуза в зарубежных странах, особенно в государствах Африки (проведение маркетинговых кампаний, вхождение в Российско-Африканский сетевой университет и др.);
- организация летних/зимних предметных и языковых школ;
- работа в рамках заключенных меморандумов и соглашений;
- международная мобильность студентов и профессорско-преподавательского состава;
- повышение медиаактивности на зарубежных сайтах, в первую очередь, в социальных сетях;
- открытие образовательных программ бакалавриата, специалитета, магистратуры на иностранных языках, в первую очередь на английском (например, на специальностях «мехатроника и робототехника» (бакалавриат), «интеллектуальные энергетические системы» (магистратура), «атомные станции: проектирование, эксплуатация и инжиниринг» (специалитет));
- расширение деятельности в рамках совместных образовательных программ с зарубежными университетами (СОП);
- контакты с Россотрудничеством в целях вхождения конкретных учебных заведений в списки рекомендованных вузов.

В параграфе «Жилье мигрантов» (глава III) К. С. Григорьева подробно описала одну из самых злободневных (наравне с работой) тем для всех приезжающих в нашу страну мигрантов – проблема жилья. На основе релевантной научной литературы [4] и имеющихся социологических данных, затрагивающих этот аспект, было, в частности, установлено, что тип жилья для мигрантов очень разнится в диапазоне от отдельного дома до вагончика/бытовки. Но все же 76,1% опрошенных мигрантов живут в квартирах. Примечательно, что квартиру имеют 83,6% из тех мигрантов, что живут с детьми, и те же 83,6%, кто живут с женой/мужем. В общежитиях преимущественно проживают те, кто находятся в статусе «один/одна», – 20,2%. Как правило, это обстоятельство связано с банальной нехваткой денежных средств, чтобы купить свое жилье (квартиру, частный дом) [1, с. 240–241].

Среди примечательных моментов можно также выделить оптимистическую, в отличие от местного населения, настроенность мигрантов относительно собственного жилья. Так, согласно результатам социологического опроса, проведенного Институтом социологии ФНИСЦ РАН (ноябрь 2020 г., опрошены 700 респондентов), было установлено, что «отличное» состояние жилья у 19,9% мигрантов против 14,3% у россиян, «хорошее» – у 48,5% и 45,9% соответственно и т. д. [1, с. 244]. По результатам обследования, проведенного в 2017 г. по заказу НИУ ВШЭ, отмечалось, что доля мигрантов, имеющих личное жилье, наиболее велика среди выходцев из Казахстана, Азербайджана и Грузии [1, с. 242].

Подводя итог вышесказанному, К. С. Григорьева указывает на то, что имеющихся в настоящее время данных явно недостаточно для того, чтобы сделать принципиальные выводы. Необходимо в дальнейшем проводить исследования в данном направлении, в частности, было бы небезынтересно узнать сведения о размерах (площади) жилья, районе, в котором оно расположено, транспортной доступности. Выяснить и позиции арендодателей в отношении мигрантов, которым будет жилье сдаваться, какие предпочтения (параметры) отдаются мигрантам и т. д. [1, с. 253].

В подобной канве идей нашли свое отражение суждения, посвященные доступности мигрантов к рынку труда, жилья, системам здравоохранения и образования. Помимо этого, была показана специфика интеграции мигрантов из Средней Азии.

Рецензируемая монография будет непременно полезна специалистам в области миграционной политики и межэтнических отношений, преподавателям, студентам (старших курсов) и аспирантам, равно как и всем тем, кто проявляет интерес к вопросам адаптации и интеграции иностранцев в России.

Список литературы

1. Мукомель, В. И. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы: [монография] / В. И. Мукомель, К. С. Григорьева, Г. А. Монусова [и др.]; отв. ред. В. И. Мукомель, К. С. Григорьева. Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. 400 с. ISBN 978-5-89697-407-9. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022). EDN [YKKOSI](https://www.edn.ru/entry/10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022).
2. Иванова, Н. С. Каких мигрантов привлекают экономически развитые страны и как они это делают: анализ международного опыта / Н. С. Иванова, Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 6. С. 811–825. DOI [10.17516/1997-1370-0855](https://doi.org/10.17516/1997-1370-0855). EDN [HEGIOC](https://www.edn.ru/entry/10.17516/1997-1370-0855).
3. Козин, С. В. [Рец. на кн.] От прекарной занятости к прекаризации жизни / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Весь мир, 2022 / С. В. Козин, Т. П. Жидяева // Социологический журнал. 2023. Т. 29, № 1. С. 177–191. DOI [10.19181/socjour.2023.29.1.10](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.10). EDN [ZUHFEU](https://www.edn.ru/entry/10.19181/socjour.2023.29.1.10).
4. Ермакова, М. А. Характеристики проживания и интеграции мигрантов в Москве и Московской области / М. А. Ермакова, Е. А. Варшавер, Н. С. Иванова // Вестник Российского университета

дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 2. С. 363–381. DOI [10.22363/2313-2272-2020-20-2-363-381](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-363-381). EDN [GLUWKI](https://www.edn.ru/10.22363/2313-2272-2020-20-2-363-381).

Сведения об авторах:

Козин Сергей Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Контактная информация: e-mail: mister.svk92@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-8398-8805](https://orcid.org/0000-0002-8398-8805); РИНЦ SPIN-код: [2261-9753](https://elibrary.ru/authors/2261-9753); Web of Science Researcher ID: [D-9529-2019](https://orcid.org/0000-0002-8398-8805).

Жидяева Татьяна Павловна, старший преподаватель, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, Алатырский филиал, Алатырь, Россия.

Контактная информация: e-mail: tanya21_84@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-8238-193X](https://orcid.org/0000-0002-8238-193X); РИНЦ SPIN-код: [5020-0021](https://elibrary.ru/authors/5020-0021); Web of Science Researcher ID: [GVT-2580-2022](https://orcid.org/0000-0002-8238-193X); Scopus Author ID: [58681336300](https://orcid.org/0000-0002-8238-193X).

Закієва Рафіна Рафікатовна, кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник, Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия; докторант, Институт стратегии развития образования РАО, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: rafina@bk.ru; ORCID ID: [0000-0001-9513-7672](https://orcid.org/0000-0001-9513-7672); РИНЦ SPIN-код: [7893-8536](https://elibrary.ru/authors/7893-8536); Web of Science Researcher ID: [T-2047-2019](https://orcid.org/0000-0001-9513-7672); Scopus Author ID: [57205611148](https://orcid.org/0000-0001-9513-7672).

Статья поступила в редакцию 14.03.2023; принята в печать 14.05.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ADAPTATION OF MIGRANTS IN RUSSIA IN THE MIRROR OF COMPREHENSIVE SOCIOLOGICAL RESEARCH

Sergey V. Kozin

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: mister.svk92@yandex.ru

Tatiana P. Zhidyayeva

Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Alatyr Branch, Alatyr, Russia

E-mail: tanya21_84@mail.ru

Rafina R. Zakieva

Kazan State Energy University, Kazan, Russia

Institute for Strategy of Education Development RAO, Moscow, Russia

E-mail: rafina@bk.ru

For citation: Kozin, Sergey V. `Adaptation of migrants in Russia in the mirror of comprehensive sociological research. S. V. Kozin, T. P. Zhidyayeva, R. R. Zakieva. DEMIS. Demographic Research. 2024. Vol. 4, No. 2. Pp. 148–155. DOI [10.22363/2313-2272-2024-4-2-10](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-4-2-10).

Abstract. This article is devoted to the analysis of the main provisions and conclusions contained in the new collective monograph "Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators" published by the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences and published on December 26, 2022. Referring to the table of contents of this collective monograph, the attentive reader will surely understand that it was preceded by many years and, of course, painstaking work of the entire scientific team of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences on solving the problems both theoretical and practical. The first thing that catches the eye is certainly the theoretical basis of the work, consisting of powerful serious texts from foreign and domestic authors. In addition, we can note a worthy empirical base consisting of data from different years. On the pages of the peer-reviewed collective monograph, the authors will tell the reader about migrants' access to the labor market, about the availability of the health care system, education, and housing. The paper also shows the specifics of the integration of migrants from Central Asia. Important migration strategies in the context of transnational practices have received due attention.

The paper also notes the attitude of Russians towards migrants, which can hardly be called “friendly”. A significant part of migrants, despite the existing (barriers), have adapted to the conditions of the Russian labor market. In addition to understanding the ideas presented in this collective monograph, the authors of the review separately dwell on some provisions and cover them in detail, and supplement them with their own developments, in addition, they note critical points and wishes in the development of this issue.

Keywords: accessibility of education, housing of migrants, foreign migrants, pandemic, adaptation processes, precariat, labor market, labor mobility

References

1. Mukomel, V. I. *Adaptatsiya i integratsiya migrantov v Rossii. problemy, realii, pokazateli* [Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators] : monograph / V. I. Mukomel, K. S. Grigorieva, G. A. Monusova [et al.] ; ed. by V. I. Mukomel, K. S. Grigorieva. Moscow : FCTAS RAS, 2022. 400 p. ISBN 978-5-89697-407-9. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022). (In Russ.).
2. Ivanova, N. S. What Migrants Do Economically Developed Countries Attract and How They Do It: Analysis of International Cases / N. S. Ivanova, E. A. Varshaver, A. L. Rocheva. *Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*. 2022. Vol. 15, No. 6. Pp. 811–825. DOI [10.17516/1997-1370-0855](https://doi.org/10.17516/1997-1370-0855). (In Russ.).
3. Kozin, S. V. [Rev.] From Precarious Employment to Precarization of Life. Ed. by Zh. T. Toshchenko. Moscow : Ves' Mir Publ., 2022 / S. V. Kozin, T. P. Zhidyaeva. *Sociological Journal*. 2023. Vol. 29, No. 1. Pp. 177–191. DOI [10.19181/socjour.2023.29.1.10](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.10). (In Russ.).
4. Ermakova, M. A. Features of Settlement and Integration of Migrants in Moscow and the Moscow Region / M. A. Ermakova, E. A. Varshaver, N. S. Ivanova. *RUDN Journal of Sociology*. 2020. Vol. 20, No. 2. Pp. 363–381. DOI [10.22363/2313-2272-2020-20-2-363-381](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-363-381). (In Russ.).

Bio notes:

Sergey V. Kozin, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Contact information: e-mail: mister.svk92@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-8398-8805](https://orcid.org/0000-0002-8398-8805); RSCI SPIN code: [2261-9753](https://elibrary.ru/2261-9753); Web of Science Researcher ID: [D-9529-2019](https://orcid.org/D-9529-2019).

Tatiana P. Zhidyaeva, Senior Lecturer, Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Alatyr Branch, Alatyr, Russia.

Contact information: e-mail: tanya21_84@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-8238-193X](https://orcid.org/0000-0002-8238-193X); RSCI SPIN code: [5020-0021](https://elibrary.ru/5020-0021); Web of Science Researcher ID: [GVT-2580-2022](https://orcid.org/GVT-2580-2022); Scopus Author ID: [58681336300](https://orcid.org/58681336300).

Rafina R. Zakieva, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Senior Researcher, Kazan State Energy University, Kazan, Russia; Doctoral Student, Institute for Strategy of Education Development RAO, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: rafina@bk.ru; ORCID ID: [0000-0001-9513-7672](https://orcid.org/0000-0001-9513-7672); RSCI SPIN code: [7893-8536](https://elibrary.ru/7893-8536); Web of Science Researcher ID: [T-2047-2019](https://orcid.org/T-2047-2019); Scopus Author ID: [57205611148](https://orcid.org/57205611148).

Received on 14.03.2023; accepted for publication on 14.05.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.2.11](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.11)

EDN [SIMAEC](https://demis.simaec.ru)

КРУГЛЫЙ СТОЛ «УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИЕЙ: ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ»

Попова С. М.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: popova-svetlana@idrras.ru

Для цитирования: Попова, С. М. Круглый стол «Управление миграцией: вопросы регулирования и оценки эффективности» // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 2. С. 156–174. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.11](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.11). EDN [SIMAEC](https://demis.simaec.ru).

Аннотация. 26 марта 2024 г. в Институте демографических исследований ФНИСЦ РАН состоялся круглый стол «Управление миграцией: вопросы регулирования и оценки эффективности». Участие специалистов разных наук позволило комплексно рассмотреть ключевые проблемы в сфере повышения эффективности управления миграцией и сблизить позиции теоретиков и практиков по концептуальным вопросам разработки оценочных систем.

Ключевые слова: управление миграцией, иммиграционная политика, оценка эффективности, регулирование миграции, соотечественники за рубежом, этнические анклав

26 марта 2024 г. в Институте демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН состоялся Круглый стол «**Управление миграцией: вопросы регулирования и оценки эффективности**». В мероприятии приняли участие ученые различных специальностей (политологи, экономисты, правоведы), представляющие исследовательские организации и высшие учебные заведения Москвы, Уфы (Республика Башкортостан), Шэньчжэня (КНР).

Круглый стол открыл заслуженный юрист РФ, д-р юрид. наук, проф., зав. Отделом правового обеспечения социально-демографических процессов ИДИ ФНИСЦ РАН, научный руководитель Центра сравнительного государственоведения Института Китая и современной Азии РАН **С. М. Шахрай**, который отметил актуальность обсуждаемой проблематики для теории и практики государственной миграционной политики. Несмотря на обширную отечественную и зарубежную литературу, до сих пор нет единых, согласованных научных представлений о том, что же следует понимать под эффективностью миграционной политики? Какими характеристиками может быть описана модель эффективной миграционной политики? Есть ли какие-то универсальные представления и критерии эффективности миграционной политики, либо они различаются в зависимости от национального контекста и конкретной исторической ситуации?

С. М. Шахрай подчеркнул, что в отличие от множества эмпирических исследований, которые показывают, как меняются количественные характеристики миграционных потоков (объемы, структура, направления), работ, демонстрирующих дока-

занную связь между регулируемыми мерами и изменениями объекта миграционной политики, намного меньше. Остается много неясностей в вопросе, как научно доказать, что реализация миграционной политики помогла государству и обществу достичь тех целей, ради которых она разрабатывалась. Очевидно, что без такой обратной связи крайне сложно целенаправленно совершенствовать инструменты регулирования миграции и прогнозировать, к каким конкретно социально-экономическим эффектам сейчас и в обозримом будущем эти изменения приведут.

Будучи одним из авторов действующей Конституции Российской Федерации, С. М. Шахрай признал, что в нормах Основного закона страны нет прямого упоминания терминов, связанных с деятельностью государства в сфере миграционной политики. Тем не менее Конституция содержит необходимые базовые положения, составляющие основу как для эффективной работы органов власти, так и для защиты интересов общества и прав граждан в сфере миграционных отношений.

Выступающий упомянул опыт работы в Счетной палате РФ, связанный с внедрением в практику управления процедур внешнего государственного аудита эффективности деятельности органов государственной власти по достижению тех или иных социально значимых целей.

Применительно к оценке эффективности проектов в области миграции наиболее известный акт – это Распоряжение Правительства РФ от 24 октября 2013 г. № 1947-р «Об утверждении критериев оценки эффективности реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»¹. Основываясь на этих критериях, в 2016 г. Счетная палата РФ провела контрольное мероприятие, которое в силу специфики предмета деятельности данного органа было посвящено не столько оценке эффективности собственно политики переселения, сколько эффективности использования средств государственного бюджета для достижения целей государственной программы².

Однако даже в таком контексте оценочные инструменты оказались недостаточно работоспособными: Счетная палата не смогла в полной мере оценить эффективность реализации программы. С одной стороны, сами критерии для оценки, утвержденные Правительством РФ, нечетко описывали понимание эффективности. С другой стороны, отсутствовали значения показателей, относительно которых надо было соотносить полученные по итогам реализации Государственной программы данные.

С тех пор подходы и методы к оценке эффективности продолжают активно совершенствоваться, но применительно к миграционной политике по-прежнему остается много проблем. В заключение своего выступления С. М. Шахрай попросил всех участников круглого стола акцентировать внимание не только на проблемах реали-

¹ Об утверждении критериев оценки эффективности реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом // Документы – Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/7754/> (дата обращения: 07.04.2024).

² Представление Счетной палаты Российской Федерации от 01 апреля 2016 г. № ПР 07-31/07-02 «О результатах контрольного мероприятия «Проверка целевого и эффективного использования средств федерального бюджета, выделенных в 2014 году и истекшем периоде 2015 года на реализацию Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»» // Гарант: База документов информационно-правовой системы : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/71675158/> (дата обращения: 07.04.2024).

зации миграционной политики, но и на экспертном понимании, какими характеристиками можно описать ее эффективность. Потому что без четкого понимания, что есть «эффективная миграционная политика», трудно создавать конкретные инструменты для мониторинга и оценки работы органов власти в этой очень чувствительной для общества, экономики и национальной безопасности страны сфере.

Участников круглого стола приветствовала директор ИДИ ФНИСЦ РАН, канд. физ.-мат. наук, доц. **М. Н. Храмова**, которая указала на то, что проблемы, которые поднимаются на круглом столе, являются сверхактуальными, особенно в связи с тем, насколько сильна сегодня антимигрантская риторика. А значит, именно от экспертов напрямую зависит, как будет в ближайшем будущем формироваться государственная миграционная политика. Вопросы оценки эффективности миграционной политики исключительно важны во всех ее областях – и в трудовой миграции, и в образовательной, и в работе с соотечественниками за рубежом, которой и был посвящен доклад М. Н. Храмовой.

В своем выступлении на тему «Государственная политика России в отношении соотечественников за рубежом: реалии, перспективные задачи, вопросы эффективности» М. Н. Храмова представила масштабный анализ состояния дел в исследуемой сфере: от правовых основ до конкретных результатов и проблем.

На сегодняшний день ключевыми актами, на основании которых реализуется государственная политика в отношении соотечественников, являются:

- Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ (ред. 23.07.2013 г.) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»³ (закон дает правовое определение понятию соотечественника, различным категориям, устанавливает принципы политики в отношении соотечественников);
- Указ Президента Российской Федерации от 05 сентября 2022 г. № 611 (ред. от 17.10.2022 г.) «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом»⁴;
- Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 (ред. 22.11.2023 г.) «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»⁵;
- Указ Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. № 872 «О внесении изменений в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637»⁶;
- Комплексный план основных мероприятий по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на 2024–2026 годы (утвержден Правительственной комиссией по делам

³ Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 22. Ст. 2670.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 05 сентября 2022 г. № 611 // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения: 07.04.2024).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23937> (дата обращения: 07.04.2024).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. № 872 // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49981> (дата обращения: 07.04.2024).

соотечественников за рубежом 17 января 2024 г.)⁷.

Представляя данные в целом по России и в разрезе по федеральным округам о приросте численности участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, включая членов их семей, М. Н. Храмова отметила тенденцию к снижению последние годы числа заявок на участие в программе (53 511 в 2022 г. против 73 563 в 2021 г., 56 732 в 2020 г. и 103 995 в 2019 г.) и оценила результаты 2023 г. в 48–49 тыс. заявок.

Характерной тенденцией последних лет также является участие в программе преимущественно граждан Центральной Азии, не принадлежащих к этническим русским, что вызывает критику мероприятий программы. Еще одно основание для критики связано с тем, что гуманитарная миссия программы фактически подменяется привлечением трудовых мигрантов. Кроме того, переселенцы предпочитают осесть не в тех местах, где действительно требуется прирост населения (Сибирь, Дальний Восток), а в Центральных регионах России.

Тем не менее, по мнению докладчика, программа сохраняет свою гуманитарную миссию, поскольку дает возможность не только жителям «постсоветского пространства», но и всем, кто ощущает свою сопричастность к России, желает здесь жить, трудиться и воспитывать детей в традициях русской культуры, переселиться на территорию Российской Федерации. А потому эта программа должна не просто сохраняться, но и стать более гибкой в своей реализации, чтобы быстрее реагировать на новые внешние и внутренние вызовы.

М. Н. Храмова рассказала коллегам о результатах эмпирических исследований, связанных с анализом мнения некоторых групп переселенцев (староверы из Латинской Америки) об эффективности программы переселения. Наряду с позитивными оценками программы в целом, есть конкретные проблемы, связанные с особенностями контингента переселенцев, что требует «адресной настройки» мероприятий программы. Увеличению адресности и, соответственно, повышению эффективности реализации программы способствовало бы в том числе проведение социологического обследования, позволяющего понять мотивы переселенцев, стремящихся изменить место своего первичного расселения.

Далее М. Н. Храмова дала следующие аналитические комментарии по ключевым блокам Комплексного плана основных мероприятий по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на 2024–2026 годы:

- содействие консолидации российской диаспоры и сохранение общероссийской культурной идентичности соотечественников;
- обеспечение правовой защиты законных интересов соотечественников;
- развитие информационного обеспечения соотечественников;
- взаимодействие с молодежными, женскими и ветеранскими объединениями соотечественников; сотрудничество субъектов Российской Федерации с объединениями соотечественников;
- поддержка социально незащищенных слоев соотечественников и оказание

⁷ Комплексный план основных мероприятий по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на 2024–2026 годы // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/compatriots/commission/1927824/ (дата обращения: 07.04.2024).

им материальной помощи.

Основываясь на результатах исследований, докладчик, в частности, указала на то, что молодые соотечественники выражают заинтересованность во взаимодействии с Россией, но не имеют достаточной информации о самой стране и ее регионах, о государственных программах поддержки соотечественников за рубежом и различных объединениях, позволяющих соотечественникам поддерживать контакты с Россией.

М. Н. Храмова показала важную роль Всемирного координационного совета российских соотечественников, проживающих за рубежом, объединяющего деятельность государственных координационных советов, являющихся основой Всемирного движения соотечественников и объединяющих на добровольной основе различные общественные объединения, созданные соотечественниками за рубежом (русскоязычные СМИ, детские сады, школы, кружки и т. п.).

В заключение своего выступления М. Н. Храмова представила в качестве практико-ориентированного кейса некоторые результаты исследования деятельности и инициатив соотечественников, проживающих в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и Латинской Америки (таких как Чили и Перу), направленные на сохранение русского языка и культуры, поддержание связей с Россией.

Отвечая на вопросы коллег, М. Н. Храмова привела данные о структуре соотечественников-переселенцев из государств – членов ЕАЭС, а также изложила свои экспертные позиции относительно возможных направлений трансформации и перспектив государственной политики в отношении соотечественников за рубежом. В частности, М. Н. Храмова отметила исключительную важность сохранения гуманитарной миссии переселенческой программы, которая должна поддерживать стремление тех, кто хочет интегрироваться в Россию.

Большой интерес участников круглого стола вызвал доклад д-ра социол. наук, доц., зав. Отделом этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН **В. Ю. Леденевой**, которая обратилась к наиболее актуальным вопросам противодействия созданию в Российской Федерации мест массового проживания иностранных граждан (анклавы).

Докладчик подчеркнула важное государственное значение рассматриваемой проблематики и, в частности, проинформировала участников мероприятия о том, что 20 марта 2024 г. в Комитете Государственной Думы по делам национальностей состоялся круглый стол, посвященный угрозам этнических анклавов и противодействию анклавизации («Миграционные процессы как угроза национальной безопасности Российской Федерации»).

Как отметила В. Ю. Леденева, Россия столкнулась с нежеланием «долгосрочных» мигрантов интегрироваться в принимающее сообщество и их стремлением к проживанию в анклавах. Наличие большого количества мигрантских анклавов нарушает социальную стабильность в принимающих странах, мешает социально-экономическому развитию и создает конфликтогенную среду, когда местное население воспринимает мигрантов как носителей чуждой культуры, источник преступности и причину потери рабочих мест, а мигранты ведут себя неуважительно к традициям и порядкам россиян и стараются объединяться, чтобы сохранять привычный образ жизни и сообща решать различные проблемы.

Феномен, когда безвозвратные мигранты намерены оставаться в России и даже получать российское гражданство, но не желают встраиваться в сложившуюся структуру общественных, экономических, политических связей нашей страны, оказался

неожиданным. Так, например, из 735 тыс. российских паспортов, выданных в 2022 г., две трети получили граждане Таджикистана, чему способствовало наличие договора между нашими странами об урегулировании вопросов двойного гражданства⁸. Имея российский паспорт, эти граждане, а также их дети, не интегрируются в российское общество. В результате формируются анклав – устойчивая конфликтная среда и угроза национальной безопасности государства.

В настоящее время отсутствует юридически закрепленное понятие этнического анклава. В данной связи В. Ю. Леденева предложила определять этнический анклав как сообщество мигрантов, компактно проживающих на ограниченной территории, с присущими сообществу социально-экономическими связями и отношениями. Поскольку анклав в основном формируются по экономическим мотивам, то, по мнению эксперта, характерными признаками анклава необходимо считать следующие:

- наличие этнической группы;
- ограниченная территория;
- культурная самобытность мигрантов;
- наличие финансового капитала, что важно для экономической самостоятельности анклава;
- наличие собственных предприятий мигрантов (в основном, предприятий малого бизнеса);
- наличие собственной социальной инфраструктуры, обслуживающей мигрантов;
- наличие собственной «юрисдикции», когда российские правоохранительные органы де-факто не имеют возможности контролировать происходящее в анклав.

Главные задачи дня – понять причины отсутствия желания безвозвратных мигрантов ассимилироваться в принимающее сообщество, научиться достоверно выявлять анклав, угрожающие национальной безопасности, и анклав, которые такой угрозы не представляют.

Опасность заключается также в том, что крупные этнические анклав могут становиться политической силой и менять жизнь принимающего сообщества, влияя на различные процессы на муниципальном уровне, на судебные решения и т. д.

По мнению докладчика, для решения указанных проблем в первую очередь необходимо ввести в правовое поле регулирование анклавов, что позволит государству оказывать целевое воздействие как на создание этнических анклавов, так и на проживающих в них мигрантов.

Это сложная задача для органов публичной власти, поскольку реальное регулирование этнических анклавов пока не осуществляется. Есть отдельные меры, но нет системных решений на правовом уровне.

Как отметила докладчик, создание системы регулирования этнических анклавов должно предусматривать несколько этапов: (1) мониторинг, позволяющий выявлять наличие на территориях этнических анклавов и их характеристики; (2) анализ степени угроз, исходящих от выявленных анклавов; (3) разработка конкретных мероприятий по ликвидации анклавов, либо предотвращению возможных угроз.

В качестве возможных мер противодействия формированию анклавов (в том числе основанных на инициативах ряда регионов), В. Ю. Леденева назвала такие,

⁸ Двусторонние договоры // // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47993/ (дата обращения: 07.04.2024).

как принудительное расселение прибывающих в анклав мигрантов по другим субъектам Российской Федерации; переселение в анклавы российских граждан по программам расселения ветхого и аварийного жилья; разрушение инфраструктуры, способствующей формированию этнических анклавов (например, закрытие этнических рынков); привлечение к уголовной ответственности идейных вдохновителей, способствующих формированию этнических анклавов; определение ответственности местных властей путем включения в критерии оценки эффективности деятельности глав субъектов РФ наличие/отсутствие на территории этнических анклавов. Помимо этого, необходимо разрабатывать и реализовывать различные государственные программы по адаптации и интеграции мигрантов, уделяя особое внимание работе с детьми мигрантов.

По словам докладчика, решение задачи противодействия созданию в России мест массового проживания иностранных граждан (анклавов) следует начинать с ограничения въезда в страну мигрантов и их семей, поскольку «болезнь анклализации» намного легче профилактировать, чем лечить.

Канд. техн. наук, вед. науч. сотр. ИДИ ФНИСЦ РАН **А. А. Яник** выступил с докладом «Проблемы оценки эффективности миграционной политики», подготовленным совместно с коллегами – канд. полит. наук, вед. науч. сотр. **С. М. Поповой** и мл. науч. сотр. Отдела правового обеспечения социально-демографических процессов, **С. Ф. Карповой**.

А. А. Яник представил ключевые, по мнению авторов, теоретические и управленческие проблемы, которые затрудняют сегодня оценку эффективности миграционной политики, причем многие позиции из данного перечня являются общими проблемами для всех стран, занятых управлением миграцией.

Первое. Отсутствие согласованного, единого понимания, что такое миграционная политика. Понимание феномена миграционной политики варьирует от крайне узкого (например, «заявления правительства о том, что оно намерено делать или не делать... в отношении отбора, приема, поселения и депортации иностранных граждан, проживающих в стране» [1]) до исключительно масштабного (например, миграционная политика «должна охватывать все сферы жизнедеятельности» [2]). Следствием этого является отсутствие однозначного юридического определения и четкой управленческой модели: на какой объект происходит воздействие, какими инструментами и для достижения каких целей.

Создание систем оценки эффективности зависит от того, идет ли речь о миграционной политике как инструменте воздействия исключительно на миграционные потоки либо в более широком смысле – как инструменте решения самых различных задач государств: экономических, демографических, охраны правопорядка и обеспечения национальной безопасности.

Второе. Сложность с вычленением последствий влияния собственно миграционной политики, поскольку на миграционную ситуацию воздействуют и другие, «немиграционные» политики (к примеру, политика в области рынка труда, высшего образования, стратегии региональной интеграции и пр.).

Третье. Наличие «разрывов» между «публичным политическим дискурсом» о миграции, «миграционной политикой на бумаге», «политикой на деле», а также между заявленными целями и результатами. Наличие таких разрывов объективно, поскольку миграционная политика по факту представляет собой компромисс между конкурирующими интересами, что выражается в многочисленности, противоречи-

вости и изменчивости заявленных и реальных целей.

Соответственно, оценочные методики должны учитывать компромиссность интересов миграционной политики. В качестве варианта авторы предложили два комплексных критерия, демонстрирующих, что миграционная политика эффективна: (1) перспективы роста экономической отдачи от миграционной политики; (2) способность миграционной политики гарантировать снижение потенциального ущерба от иммиграции для экономики и безопасности страны. Указанные критерии являются системными и требуют декомпозиции в конкретные показатели.

Еще одна сложность в создании системы оценки эффективности миграционной политики – это большая изменчивость законодательства. По мнению авторов доклада, важен баланс между адаптивностью законодательства к вызовам времени и его нестабильностью. Нестабильность законодательства, как неоднократно указывал Конституционный суд РФ, создает угрозу для поддержания атмосферы доверия между обществом и государством.

В заключение выступления А. А. Яник обозначил перечень пробелов и проблем, которые затрудняют как реализацию миграционной политики, так и создание системы оценки ее эффективности в Российской Федерации: (1) отсутствие юридического определения миграционной политики; (2) отсутствие стратегии миграционной политики (концепция – творческий документ, заявления о политике, а стратегия – документ системы стратегического планирования, который декомпозируется в конкретные программы, действия и обеспечивается ресурсами); (3) неразграниченность сфер ведения разных уровней власти; (4) рассогласованность действий силового и экономического блоков Правительства РФ; (5) отсутствие специализированного органа исполнительной власти федерального уровня; (6) отсутствие системы комплексной оценки эффективности миграционной политики.

Анализ теоретических и практических трудностей в сфере управления миграцией продолжила канд. полит. наук, ст. науч. сотр. Института стран СНГ, науч. сотр. Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» **А. С. Крамаренко**. В докладе «Российская миграционная политика: сущность и проблемы, препятствующие ее эффективной реализации» политолог обозначила ряд актуальных вопросов, негативно влияющих на эффективность миграционной политики.

Среди них ученый выделила следующие:

1. Отсутствие полной, дифференцированной и актуальной статистики миграции, особенно ее социально-демографических характеристик (в 2023 г. ГУВМ МВД России перестало публиковать на своем официальном сайте даже ранее доступную статистику), что серьезно затрудняет исследования миграции, не позволяет повысить эффективность существующих инструментов управления миграцией и выработать последовательную и эффективную миграционную политику.

2. Чрезмерно широкое понимание миграционной политики в российском политическом и научном дискурсе. Употребление понятия «миграционная политика» часто охватывает как внутренние миграционные процессы, так и внешние, как иммиграцию, так и эмиграцию. Такая слишком обширная трактовка затрудняет анализ политики в отношении международных мигрантов в конкретных областях (планирование потоков и формирование программ привлечения иностранцев, пограничный контроль, пребывание, проживание).

При этом на практике миграционная политика по факту трактуется как админи-

стративный инструмент регулирования миграционных потоков.

Для того, чтобы внести ясность в понимание того, что конкретно следует оценивать с точки зрения эффективности, докладчик предложила использовать принятое в мире понятие «иммиграционная политика», сконцентрированное главным образом на управлении международной миграцией, дифференциации миграционных потоков и регулировании пограничного контроля. По мнению А. С. Крамаренко, иммиграционную политику необходимо сепарировать и определить как деятельность органов государственной власти страны-реципиента по планированию объема, состава и направлений движения международных (внешних) миграционных потоков и управлению въездом, пребыванием и проживанием иностранных граждан и лиц без гражданства на территории принимающего государства. В перспективе иммиграционная политика должна быть дополнена политикой интеграции иммигрантов.

3. Противоречивость и непоследовательность миграционной политики. Как отметила исследователь, нередко за мерами по либерализации иммиграционного законодательства, необходимыми для привлечения иностранной трудовой силы, следуют различные рестриктивные инициативы или поправки, нивелирующие весь положительный эффект от такой либерализации (пример – ситуация с патентами). Противоречивость и непоследовательность российской миграционной политики влечет за собой перманентную корректировку законодательства, которая не только повышает степень бюрократизированности миграционных процедур и несоответствия правоприменительной практики законам, но и создает ситуацию нестабильности для иммигрантов, проживающих или трудящихся в России. А неопределенность российского иммиграционного курса препятствует формированию и системной интеграционной политики.

А. С. Крамаренко считает, что с учетом тенденций снижения возраста иммиграции и постепенного сокращения в ее структуре доли русскоязычных, актуальной задачей является незамедлительная разработка механизмов интеграции как иммигрантов, ориентированных на постоянное проживание и получение российского гражданства, так и части временных мигрантов, решивших остаться в стране. Среди основных механизмов должно быть не только языковое обучение, но и политико-правовой элемент, предусматривающий рационализацию процедур натурализации и их «привязку» к интеграционным курсам, обеспечение четкой преемственности миграционных правовых статусов и возможности перехода иммигрантов из категории временных в категорию постоянных, программы легализации для нарушивших сроки пребывания в России или условия занятости.

4. Серьезная проблема – восприятие миграции властью и СМИ как угрозы и трансляция мигрантофобии, что негативно влияет на социально-психологический климат, способствует развитию ксенофобных стереотипов в массовом сознании и затрудняет ведение дискуссии о миграции и интеграции иммигрантов в демократическом русле. Осложняет ситуацию тот факт, что в российском публичном пространстве фактически нет авторитетных организаций, обладающих властным ресурсом для формирования позитивного миграционного дискурса.

5. Реактивность миграционной политики, отсутствие четкой стратегии и политики интеграции иммигрантов также снижает эффективность управления миграцией. Наличие в стране иммигрантов, юридически являющихся временными, а фактически – долгосрочными и требующими специальных интеграционных мероприятий, в том числе в политико-правовой сфере, А. С. Крамаренко объясняет от-

сутствием в российском законодательстве и правоприменительной практике четкой преемственности миграционных правовых статусов и их связи с интеграцией.

6. Поскольку компетенции по реализации миграционной политики принадлежат силовому ведомству, то приоритет в миграционной политике имеют запретительные меры и контрольно-ограничительные методы управления. Как следствие, игнорируются наиболее важные управленческие задачи, составляющие суть комплексной и эффективной иммиграционной политики: планирование иммиграционных потоков, разработка дифференцированных программ привлечения различных типов иммигрантов, реализация политики убежища, натурализации и интеграции. Как отметила докладчик, восприятие мигрантов как потенциальных нарушителей законодательства является препятствием для выстраивания комплексной иммиграционной политики с различными механизмами управления.

В заключение доклада ученый подчеркнула, что решению всех названных проблем будет способствовать определение и конкретизация российского миграционного курса, а также понимание того, что иммиграция – демографический и экономический ресурс, требующий комплексного управления не только с помощью контрольно-ограничительных мер. Докладчик указала на необходимость расширения инструментов управления международной миграцией, повышения комплексности и социальной ориентированности иммиграционной политики.

Канд. экон. наук, нач. Отдела анализа демографических процессов и семейно-брачных отношений Республиканского ресурсного центра «Семья», доц. Кафедры экономики и управления Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, вед. науч. сотр. Института стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан (Уфа) **Я. А. Скрыбина** представила доклад «Миграция в ракурсе демографической политики Республики Башкортостан».

В своем докладе исследователь подчеркнула важность анализа взаимодействия демографических процессов с миграционными. Репродуктивное поведение мигрантов зачастую отличается от репродуктивного поведения местного населения. Соответственно, миграционный фактор существенно влияет на динамику демографических показателей принимающего региона и должен учитываться при разработке и реализации демографической политики.

В Республике Башкортостан сформировалась согласованная позиция, что изучение миграционных процессов не должно быть изолировано от изучения процессов воспроизводства народонаселения, а миграционная политика должна быть связана с политикой демографической.

Я. А. Скрыбина ознакомила участников круглого стола с ключевыми стратегическими документами Республики Башкортостан в области демографической и миграционной политики (Концепция демографической политики Республики Башкортостан на период до 2025 г., Концепция семейной политики Республики Башкортостан на период до 2025 г., Концепция миграционной политики Республики Башкортостан на период до 2025 г.), на основе которых продемонстрировала взаимосвязь демографической и миграционной политик.

Так, например, республиканская Концепция демографической политики в качестве одной из задач включает оптимизацию миграционных процессов, а Концепция миграционной политики нацелена на обеспечение устойчивого социально-экономического и демографического развития Республики Башкортостан.

Кроме того, ученый привела данные, демонстрирующие, что на текущий момент целевые показатели Концепции демографической политики Республики Башкортостан на период до 2025 г. не достигнуты (табл. 1) и, согласно прогнозам, могут быть не реализованы.

Таблица 1

**Целевые показатели Концепции демографической политики
Республики Башкортостан на период до 2025 г., III этап, 2016–2025 гг.**

Table 1

**Target indicators of the Concept of Demographic Policy
of the Republic of Bashkortostan for the period up to 2025,
stage III, 2016–2025**

Показатели	Цели II этапа к 2015 г.	Результаты					Цели III этапа к 2025 г.
		2016	2020	2022	2023	2024	
Численность населения (тыс. человек на начало года)	4 100,0	4 071,1	4 038,2	4 001,7	4 077,6*	4 065,7*	4 150,0
		4 114,0*	4 112,8*	4 091,6*			
Ожидаемая продолжительность жизни (лет)	70,00	71,00	70,36	72,98	73,17**	Нет данных	75,00
Суммарный коэффициент рождаемости	1,862	1,860	1,525	1,410	Нет данных	Нет данных	2,148
Миграционный прирост (человек)	1 500– 2 000	-7 390	-4 956	-1 479	-2 452***	Нет данных	1 000–1 500

Источник: составлено Я. А. Скрыбиной по материалам Концепции демографической политики Республики Башкортостан на период до 2025 г.

* с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2020 г.

** предварительные данные

*** январь–ноябрь 2023 г.

Докладчик продемонстрировала сложность демографической ситуации в Республике Башкортостан. Начиная с 2017 г., коэффициент смертности населения в республике снова превысил коэффициент рождаемости, при этом уровень рождаемости продолжает сокращаться, а смертность – повышаться. Это происходит на фоне снижения миграционного прироста населения и увеличения оттока жителей Башкортостана в другие регионы. Только в 2022 г. республику покинула половина молодежи в возрасте от 15 до 34 лет, главным образом – выпускники школ и те, кто впервые вышел на рынок труда. Из всех выбывших в 2022 г. из республики в возрасте от 14 лет и старше каждый седьмой имел высшее профессиональное образование, каждый пятый – среднее общее, каждый четвертый – среднее профессиональное (среднее специальное) образование. Причем каждый четвертый выбывший являлся специалистом высшего уровня квалификации. Приведенные данные показывают, что из Башкортостана вымывается не только трудовой и интеллектуальный потенциал, но и репродуктивный.

Республика Башкортостан разрабатывает и реализует систему комплексных мероприятий, направленных как на повышение рождаемости, так и на сдерживание снижения численности населения репродуктивного возраста, на удержание выпуск-

ников школ и вузов, чтобы они оставались жить и работать на территории республики.

Исследователь показала сложность феномена миграции и, соответственно, задач по оценке миграционной политики в силу различий видов миграции, целей и факторов миграции, направлений миграционных потоков, характеристик мигрантов.

Опираясь на позиции известных российских ученых В. И. Мукомеля и Р. А. Галина, Я. А. Скрябина подчеркнула настоятельную необходимость управления миграционными процессами, поскольку масштабы, направления и интенсивность миграционных процессов должны соответствовать целям и задачам демографической политики. При разработке миграционной политики Башкортостан должен учитывать последствия миграции не только для воспроизводства населения, но и для развития экономики и социальной сферы республики.

Д-р социол. наук, проф., зав. Отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН **Г. И. Осадчая** и д-р социол. наук, проф., гл. науч. сотр. того же подразделения **Т. Н. Юдина** предложили рассмотреть проблемы результативности и эффективности управления миграцией в русле социологической оценки.

Опыт участия в целом ряде масштабных всероссийских исследований по оценке эффективности деятельности органов государственной власти и качества оказания государственных услуг позволил сделать вывод об исключительной важности включения данных социологии в системы оценки эффективности различных государственных политик, в т. ч. миграционной. Особенную значимость результаты социологических опросов имеют для руководителей на местах, поскольку от степени удовлетворенности населения деятельностью органов местного самоуправления напрямую зависит их нахождение в должности.

Поддержав позицию А. С. Крамаренко в том, что созданию действенной системы оценки эффективности миграционной политики могло бы помочь использование более узкой трактовки этого понятия как иммиграционной политики, Т. Н. Юдина указала на то, что, разрабатывая подходы к созданию системы оценки эффективности, обязательно нужно разделять потоки иммиграционные (извне) и миграционные (внутри страны).

Обращаясь к теоретическим аспектам разработки оценочных систем, Т. Н. Юдина отметила важность четкого разделения процедур оценивания эффективности и результативности, поскольку невозможно определить эффективность политики, пока не будут оценены ее результаты. Важно также понять, какие подходы к оценке целесообразно использовать: достаточно ли сосредоточиться на оценке результативности, чтобы потом оценивать эффективность как результативность с учетом расхода ресурсов? Либо нужны более сложные модели, учитывающие концепты разных наук? Так, например, в социологии эффективность всегда измерялась мерой удовлетворенности.

Очевидно, что для оценки такого сложного феномена как политика в области миграции необходимы комплексные подходы, и социология могла бы сыграть более значимую роль в оценке эффективности миграционной политики.

Выступая в дискуссии, д-р экон. наук, проф., член Глобальной ассоциации экспертов по миграционной политике (GMPA) **И. В. Ивахнюк** напомнила, что еще в 2011 г. вышла ее книга «Перспективы миграционной политики России: выбор верного пути» [3], в которой есть специальный раздел, посвященный эффективной миграционной

политике. Таким образом, вопрос об эффективности миграционной политики ставился давно, но убедительного ответа на него до сих пор нет.

Ученый пояснила, что сегодня в мире существуют самые разные подходы к оценке, и важно то, что не упускается социальный аспект: эффективность миграционной политики определяется, в т. ч., успешностью адаптации и интеграции мигрантов. Однако, по мнению И. В. Ивахнюк, проблема заключается в том, что в современном российском дискурсе на темы миграции не хватает интереса государства к четкому артикулированию своих представлений об эффективной миграционной политике и, стало быть, к разработке критериев этой эффективности.

В настоящее время ведомства оценивают эффективность миграционной политики по-ведомственному: проведено столько-то проверок исполнения миграционного законодательства; выявлено столько-то фактов нарушения миграционного законодательства; составлено столько-то протоколов и т. д.. Но в таком наборе традиционных для МВД России показателей нет и малейшего намека на оценку эффективности проводимой в стране миграционной политики.

Проблемой является отсутствие понимания того, что оценка эффективности миграционной политики – это важная государственная задача. А ведь именно государство должно быть заинтересовано в том, чтобы отслеживать эффекты от принимаемых властями решений, в первую очередь тех, которые были ранее приняты, и тем более, что есть материалы по результатам их воплощения в жизнь.

К примеру, в 2006 г. была проведена важная миграционная реформа в пользу мигрантов из безвизовых стран. Однако сегодня, спустя почти 20 лет, нет ответа на вопрос, позитивно ли сказалась эта реформа на состоянии рынка труда и социальной стабильности? Это не исследовано, хотя исключительно важно.

Почти 10 лет назад был введен обязательный тест на знание русского языка для трудовых мигрантов. А каков эффект от данной меры? Как повлияло это на положение мигрантов на рынке труда, на их социализацию, социально-культурную адаптацию? Таких данных нет.

Очевидно, что подобного рода исследования должна инициировать миграционная служба с целью, чтобы понять эффект вводимых мер. Однако таких запросов к экспертам не поступает.

Также понятно, что оценивать эффективность деятельности необходимо в рамках внешнего аудита: объективно, на основе большого диапазона данных, с использованием количественного-качественного анализа и других методов. Только так можно понять, как в результате реализации миграционной политики изменилась миграционная ситуация, какой вклад вносят мигранты в экономику, в демографическую ситуацию и т. п.

Понятно, что для проведения такого рода внешнего анализа нужна транспарентность деятельности ГУВМ МВД РФ. Важное условие – открытость миграционной статистики. Данные должны быть и открытыми, и доступными, но, как отмечали ранее выступавшие на заседании исследователи, статистика исчезла с сайта ГУВМ МВД России.

Итак, ключевыми условиями для серьезного разговора об эффективности миграционной политики как принципиально важной государственной задачи являются: (1) интерес государства; (2) оценка политики извне; (3) транспарентность деятельности; (4) доступность статистики.

И для того, чтобы вопрос об эффективности миграционной политики вышел за

пределы чисто научного интереса и дискурса, необходимо решить самую сложную задачу – вовлечь в дискуссию органы государственной власти.

Канд. ист. наук, гл. спец. Научной лаборатории социальных и демографических исследований Института социальных и гуманитарных наук Уфимского университета науки и технологий (Республика Башкортостан) **Г. Ф. Ахметова** в продолжение дискуссии показала, что все проблемы, которые стоят в области миграционной политики и ее оценки, в полной мере видны на примере Республики Башкортостан.

В частности, выступающая проанализировала недостатки системы целевых показателей для оценки эффективности плана мероприятий по реализации республиканской Концепции миграционной политики на период до 2025 г.

Прежде всего речь идет о показателе миграционного прироста. По мнению Г. Ф. Ахметовой, на уровне субъекта Российской Федерации очень важно разделять разные потоки миграции, и для получения адекватной оценки результатов реализации политики использовать данные не просто о миграционном приросте в целом, но при этом выделять миграционный прирост в сфере международной миграции и в сфере межрегиональной миграции. В Республике Башкортостан характеристики таких потоков очень разнятся. За исключением ряда лет, международная миграция в Башкортостане имеет в целом положительные значения, тогда как в контексте межрегиональной миграции республика является регионом-донором, теряющим население. Таким образом, оценка эффективности с использованием общего целевого показателя миграционного прироста не совсем корректно показывает ситуацию. На региональном уровне важно эти два потока разделять.

Результаты исследования отношений российских работодателей и трудовых мигрантов в контексте критериев ESG представила д-р юрид. наук, доц. Высшей школы государственного аудита МГУ имени М. В. Ломоносова **Е. А. Шапкина** в докладе «Подходы к оценке эффективности миграционного регулирования».

В нем докладчик отметила важность использования междисциплинарных, комплексных подходов к оценке эффективности миграционной политики не только для государства, но и для работодателей, поскольку именно последние являются налогоплательщиками, которые вносят вклад в бюджет страны и тем самым обеспечивают рост благосостояния населения.

По мнению Е. А. Шапкиной, государственные органы в ходе формирования миграционной политики недостаточно уделяют внимание обратной связи от работодателей. Для того, чтобы продемонстрировать важность этого контура для оценки эффективности миграционной политики, исследователь поделилась результатами опроса работодателей на предмет их потребностях в иностранной рабочей силе и о том, как они взаимодействуют с мигрантами.

В пилотном исследовании участвовали 473 крупных российских работодателя, использующих трудовых мигрантов из стран Центральной Азии. Выбор был обоснован тем, что в настоящее время в России ежегодно работают около 3,9 млн трудовых мигрантов из стран Центрально-Азиатского региона (крупнейшие доноры – Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан), которые востребованы в самых разных областях.

Разъясняя методические подходы к проведенному исследованию, Е. А. Шапкина рассказала о том, что в качестве одного из инструментов оценивания эффективности миграционной политики можно использовать вопросники, составленные на основе критериев раздела «Трудовые практики» Целей устойчивого развития ООН. В частности, такой анализ позволяет понять, как в компаниях, использующих иностран-

ную рабочую силу, организован порядок найма и трудовых отношений, созданы ли необходимые условия труда и социальной защиты, выстроена ли охрана труда и т. п. Соответственно, получаемые данные помогают оценить эффективность регулирования иммиграционной политики более комплексно, с учетом как экономических эффектов, так и качества отношений в трудовой сфере.

В частности, результаты пилотного исследования позволили составить самые разные рейтинги – начиная с причин, по которым работодатели решают привлекать иностранную трудовую силу, и заканчивая перечнем условий труда, представляющих особую важность для мигрантов, а также трудностей, с которыми им приходится сталкиваться у работодателей.

К примеру, объясняя причины обращения к иностранной трудовой силе, работодатели перечислили следующие обстоятельства:

- нехватка российских кадров нужных специальностей и квалификации (52%);
- мигранты работают более качественно, чем российские сотрудники (38%);
- мигранты дешевле обходятся работодателю, так как они неприхотливы к условиям труда и проживания, соглашаются на меньшую, в сравнении с российскими сотрудниками, заработную плату (34%).

Особый интерес, по мнению Е. А. Шапкиной, представлял блок вопросов о том, каким образом сегодня российские работодатели находят иностранных работников. Несмотря на множество каналов, в целом можно отметить ограниченную осведомленность отечественных работодателей о возможностях или способах доступа в России к услугам по подбору работников из Центральной Азии.

В качестве резюме своего выступления Е. А. Шапкина указала на то, что в настоящее время существует множество проблем и пробелов в сфере регулирования не столько правового статуса работников-мигрантов, сколько разного рода процессов, связанных с наймом мигрантов, оформлением трудовых отношений, повышением осведомленности работодателей о критериях должного обращения с иностранными работниками и т. д. Для решения этих вопросов необходим реальный диалог между всеми сторонами, заинтересованными в повышении эффективности соответствующего направления иммиграционной политики.

Канд. экон. наук, вед. науч. сотр. Отдела миграции и иммиграционной политики ИДИ ФНИСЦ РАН **А. Г. Гришанова** и канд. экон. наук, вед. науч. сотр. Отдела теории и методологии демографии ИДИ ФНИСЦ **Т. А. Фадеева** РАН предложили рассмотреть некоторые исторические аспекты проблематики круглого стола, связанные с регулированием и оценкой эффективности управления миграцией.

В частности, А. Г. Гришанова напомнила о богатом теоретическом наследии отечественных демографов и миграциологов. Много десятилетий назад теория уже дала ответы на вопросы, которые были сегодня названы участниками дискуссии в качестве препятствий для реализации эффективной иммиграционной политики и создания действенных оценочных систем. А именно: незаслуженно остаются вне поля зрения практиков такие достижения науки, как теория разделения миграции на узкое и широкое толкование; разделение процесса на три стадии миграции с выделением в третьей стадии приживаемости, адаптации, обустройства и интеграции. Давно решены методологические вопросы о типах, видах и формах миграции, как и понимание необходимости их разделения с учетом вклада в демографическую политику.

В России не только всегда существовало понимание эффективности иммиграционной политики, но впервые появилась возможность системного подхода – сочленения

вопросов демографической и миграционной политики в единое целое. Во второй половине XX века А. Г. Вишневский внес важный вклад, сформулировав понятие «демографические отношения». И важно именно через понятие «отношения» подходить к любой политике, включая миграционную.

Миграция – это самый сложный процесс для управления, поскольку нет ни одного представителя человечества, который бы не участвовал в миграции. Что следует из определения, согласно которому миграция – территориальное перемещение с пересечением границ одного и другого поселения. Такое определение демонстрирует комплексный характер и сложность миграционной политики.

Несмотря на то, что, в системе государственного управления наблюдается недооценка внимания к закреплению понятий и терминов, касающихся различных форм миграции, все эти вопросы хорошо наукой проработаны.

А. Г. Гришанова поддержала позицию А. А. Яника, состоящую в том, что на сегодняшний день одной из ключевых проблем в сфере эффективного управления миграцией является отсутствие стратегии миграционной политики как документа стратегического планирования, обязательного к реализации, а значит и необходимых ресурсов. Ученый напомнила, что на отсутствие такой системности уже много лет указывает выдающийся отечественный демограф, социолог и экономист Л. Л. Рыбаковский, который настаивает на том, что помимо концепции, которая представляет ключевые идеи, для эффективной миграционной политики необходимы хорошая законодательная база, конкретные меры и финансирование.

А. Г. Гришанова подчеркнула, что необходимо разделять управление и регулирование. Управление – это основные идеи, концепции, определяющие, куда надо двигаться, какую цель достигнуть. А регулирование – это меры, показывающие, что конкретно надо сделать для достижения цели. Анализ миграционной политики показывает, что она состоит из перечислений мер, что надо сделать. Но в данном перечне нет единой линии, нет четко сформулированной цели, что затрудняет и реализацию миграционной политики, и оценку ее эффективности.

Исследователь напомнила, что переселенческую политику оценивали еще в Российской Империи: она была признана эффективной, поскольку переселенцы на новом месте улучшали условия своей жизни. Еще один яркий пример – исследование Н. М. Римашевской, в котором оценку работе органов миграционных служб давали сами мигранты.

По мнению А. Г. Гришановой, эффективная миграционная политика могла бы возникнуть в результате соединения интересов субъекта миграционной политики (государства) с интересами объекта миграционной политики (мигрантов) в улучшении своей жизни.

Результатом международного сотрудничества стал совместный доклад модератора круглого стола, канд. полит. наук, вед. науч. сотрудника ИДИ ФНИСЦ РАН, доц. Центра сравнительного правоведения Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне (КНР) **С. М. Поповой** и канд. полит. наук, сотр. Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне (КНР) **Чжан Чжана** «Стимулирование академической мобильности в КНР и проблемы оценки эффективности».

Коллеги обосновали интерес к изучению опыта КНР и города Шэньчжэня возможностью на обширном эмпирическом материале проследить причинно-следственные связи между реализуемой на протяжении многих лет государственной политикой по привлечению талантов (основана на методах стратегического управ-

ления и программного подхода) и ее видимыми эффектами в сфере социально-экономического развития страны. Опыт Шэньчжэня особенно интересен, поскольку город обладает уникальными демографическими характеристиками (мигранты составляют почти 2/3 населения, а средний возраст жителей – 32,5 года, что ниже среднего показателя по стране – 38,8 года), отличается исключительными темпами развития экономики и демонстрирует хороший пример взаимодействия и взаимовлияния разных политик как на собственно миграционные процессы, так и на решение немиграционных задач. После того, как в 2019 г. перед городом были поставлены задачи стать лидером в области инноваций, высоких технологий и охраны окружающей среды, образцом развития для других городов Китая и всего мира, роль академической миграции особенно возросла.

На момент создания особой экономической зоны (1979 г.) в Шэньчжэне было только два квалифицированных специалиста: тракторист и ветеринар. К началу 2024 г. общее количество талантов в городе превысило 6,79 млн человек, включая 24 тыс. талантов высокого уровня и более 200 тыс. выпускников, обучающихся за границей. Шэньчжэнь стал университетским хабом, помимо национальных вузов, в городе созданы и работают два из девяти китайско-иностранных элитных университетов, включая российско-китайский Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

Докладчики выдвинули гипотезу о том, что политику города в области привлечения талантов можно считать эффективной, поскольку наблюдения показывают наличие устойчивой системы: экономический рост и инновационная индустрия Шэньчжэня привлекает таланты, а приток талантов влияет на развитие экономики города. Тем не менее, пока нет надежных подходов и моделей, которые позволили бы доказательно оценивать эффективность именно миграционной политики.

Шэньчжэнь – хороший пример в плане того, как влияют различные государственные политики на эффективность миграционной политики. Так, например, одним из немиграционных факторов, влияющих на эффективность реализации политики привлечения и развития талантов, является политика развития постдокторантуры в КНР в целом и в Шэньчжэне в частности. Создана разветвленная институциональная среда, которая должна способствовать карьере постдоков и одновременно давать полезный вклад и университетам, и промышленным предприятиям. В эту систему входят так называемые мобильные рабочие станции, рабочие подстанции и базы инновационной практики. Особенность поддержки постдокторской карьеры в Шэньчжэне заключается в обеспечении «смычки» науки и производства, при этом 2/3 постдокторских научно-исследовательских рабочих станций действуют на предприятиях, которые относятся к стратегическим развивающимся отраслям города, что обеспечивает дополнительный импульс для промышленной трансформации и развития Шэньчжэня.

Авторы доклада отметили проблемы с доказыванием наличия причинно-следственных связей между миграционной политикой и экономическими эффектами. Тем не менее уже есть работы экономистов и математиков, которые на основании сложных расчетов помогают оценивать вклад академической мобильности в экономический рост и торговлю КНР. К примеру, доказано, что увеличение притока иностранных студентов на 1,13% ассоциируется с ростом ВВП Китая на 1% [4].

В заключение выступающие показали, что программы КНР по привлечению талантов постоянно совершенствуются, становятся все более адресными, селективными. Так, в 2023 г. в Китае была принята новая масштабная программа «Цимин»

(«Просвещение»), которая фокусируется на найме талантов, связанных с передовыми направлениями развития технологического сектора. А в самом Шэньчжэне было объявлено о внедрении более активной, открытой и эффективной политики в области талантов, которая сочетает как меры собственно иммиграционного регулирования, так и меры социальной поддержки талантов и развитие благоприятной среды для карьеры. Таким образом, дальнейший мониторинг опыта КНР и Шэньчжэня сохраняет свою научную актуальность для решения задач по созданию надежных систем оценки эффективности миграционной политики государств.

Состоявшиеся на заседании дискуссии между специалистами разных наук позволили комплексно рассмотреть ключевые проблемы в сфере управления миграцией, а также сблизить позиции теоретиков и практиков по концептуальным подходам к необходимости оценки эффективности государственной миграционной политики.

Список литературы

1. Bjerre, L. Conceptualizing and Measuring Immigration Policies: A Comparative Perspective / L. Bjerre, M. Helbling, F. Römer, M. Zobel // *International Migration Review*. 2015. Vol. 49, No. 3. Pp. 555–600. DOI [10.1111/imre.12100](https://doi.org/10.1111/imre.12100).
2. Рыбаковский, О. Л. Миграционная политика современной России: структура и направления / О. Л. Рыбаковский, С. В. Мартыненко // *Народонаселение*. 2013. № 2 (60). С. 51. EDN [OILJMX](#).
3. Ивахнюк, И. В. Перспективы миграционной политики России: выбор верного пути. Москва : МАКС Пресс, 2011. 125 с. ISBN 978-5-317-03626-3. EDN [QOPMNT](#).
4. Yasir Kh. The Impact of Student Mobility on Trade and Economic Growth: Evidence from China / Kh. Yasir, X.-S. Zhang, M.-Y. Wang. In: 3rd International Conference on Education, Management and Systems Engineering. Xiaman, China, November 25, 2018.

Сведения об авторе:

Попова Светлана Михайловна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: popova-svetlana@idrras.ru; ORCID ID: [0000-0002-1348-4492](https://orcid.org/0000-0002-1348-4492); РИНЦ SPIN-код: [2696-3358](#); Web of Science Researcher ID: [N-6922-2013](#); Scopus Author ID: [57201667811](#).

Статья поступила в редакцию 19.04.2024; принята в печать 17.06.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ROUND TABLE “MIGRATION GOVERNANCE: ISSUES OF REGULATION AND EFFICIENCY ASSESSMENT”

Svetlana M. Popova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: popova-svetlana@idrras.ru

For citation: Popova, Svetlana M. Round Table “Migration Governance: Issues of Regulation and Efficiency Assessment”. *Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 2. Pp. 156–174. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.11](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.11).

Abstract. On March 26, 2024, a round table “Migration governance: issues of regulation and efficiency assessment” was held at the Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. The participation of specialists from various fields of science enabled a comprehensive discussion of key issues in improving migration governance efficiency and helped to bridge the gap between the views of theorists and practitioners regarding conceptual approaches to developing assessment systems.

Keywords: migration governance, immigration policy, efficiency assessment, migration regulation, compatriots abroad, ethnic enclaves

References

1. Bjerre, L. Conceptualizing and Measuring Immigration Policies: A Comparative Perspective / L. Bjerre, M. Helbling, F. Römer, M. Zobel // *International Migration Review*. 2015. Vol. 49, No. 3. Pp. 555–600. DOI [10.1111/imre.12100](https://doi.org/10.1111/imre.12100).
2. Rybakovsky, O. L. Migration Policy in Modern Russia: Structure and Directions / O. L. Rybakovsky, S. V. Martynenko. *Population*. 2013. No. 2 (60). P. 51. (In Russ.).
3. Ivakhnyuk, I. V. *Perspektivy migratsionnoy politiki Rossii: vybor vernogo puti [Prospects for Russian migration policy: choosing the right path]*. Moscow : MAKS Press, 2011. 125 p. ISBN 978-5-317-03626-3. (In Russ.).
4. Yasir Kh. The Impact of Student Mobility on Trade and Economic Growth: Evidence from China / Kh. Yasir, X.-S. Zhang, M.-Y. Wang. In: *3rd International Conference on Education, Management and Systems Engineering*. Xiaman, China, November 25, 2018.

Bio note:

Svetlana M. Popova, Candidate of Political Sciences, Leading Research Fellow, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: popova-svetlana@idrras.ru; ORCID ID: [0000-0002-1348-4492](https://orcid.org/0000-0002-1348-4492); RSCI SPIN code: [2696-3358](https://elibrary.ru/2696-3358); Web of Science Researcher ID: [N-6922-2013](https://orcid.org/N-6922-2013); Scopus Author ID: [57201667811](https://orcid.org/57201667811).

Received on 19.04.2024; accepted for publication on 17.06.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

ДЕМИС. Демографические исследования.
DEMIS. Demographic Research.

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 83138 от 26.04.2022 г.

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Издатель – Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Адрес: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

Главный редактор: Сергей Васильевич Рязанцев

Заместитель главного редактора: Евгения Михайловна Моисеева

Ответственный секретарь: Никита Григорьевич Кузнецов

Редактор-корректор: Елена Адольфовна Лукашенко

Компьютерная верстка: Ирина Александровна Князева

Журнал «ДЕМИС. Демографические исследования» включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК (категория K2)

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции.

При перепечатке материалов ссылка на журнал
«ДЕМИС. Демографические исследования» обязательна.

2024. Том 4, № 2. Дата выхода в свет 28.06.2024.

Адрес редакции: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1
Тел.: +7 495 822 28 82. E-mail: demis-journal@mail.ru
Размещение журнала: <https://www.demis-journal.ru>